

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКА И БИБЛИОТЕКА

Сборник научных трудов

Выпуск 9

Санкт-Петербург
2024

УДК 02:050
ББК 78.3я5
Н34

Рецензенты:

доктор исторических наук С.Н. Искюль,
кандидат технических наук Ф.М. Лурье

Редакционная коллегия:

Н.С. Андреева, И.М. Беляева, Н.Н. Елкина,
В.А. Клишева, Н.В. Колпакова (отв. ред.), М.П. Лепехин,
Р.Н. Ненашев, О.В. Скворцова, О.В. Холмогорова

Н34 Наука и библиотека: сборник научных трудов.
Вып. 9 / отв. ред. Н.В. Колпакова. — Санкт-Петербург: БАН,
2024. — 204 с.
(Серия: Летопись Библиотеки Академии наук).

ISBN 978-5-336-00332-8 (вып. 9)

Библиотека Российской академии наук продолжает издание сборников научных трудов в серии «Летопись Библиотеки Академии наук».

Девятый выпуск научных трудов традиционно составляют труды сотрудников библиотеки, а также работы представителей других учреждений, тематически связанные с его проблематикой.

К 80-ЛЕТИЮ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Сидоренко Н.А.	
Обслуживание читателей в БАН в годы войны	5
Крапошина Н.В.	
Из истории награждения сотрудников Архива АН СССР правительственной наградой «За оборону Ленинграда»	15
Клименко Д.А.	
Научная библиотека Академии художеств в годы Великой Отечественной войны и в период блокады Ленинграда	23
Парыгина М.Ф., Нефедова Л.Н., Трапезникова И.В.	
Библиотека Ленинградского Физико-технического института в годы Великой Отечественной войны	28
Шепелева Е.В.	
Сохранение фондов библиотеки Института этнографии в годы Великой Отечественной войны	42
Панеях А.В.	
Библиотека Музея истории религии в годы блокады Ленинграда	48
Беляев Н.С.	
Из истории поступлений в БАН личных книжных собраний в годы Великой Отечественной войны: организация и деятельность академического Книжного фонда	56
Зенкевич С.И.	
Деятельность начальника ЛАХУ М.Е. Федосеева в годы блокады Ленинграда	68
Хаздан С.Е.	
Александра Алексеевна Петрова: От бригадира до заведующей Отделом бронированного фонда	74
Бекжанова Н.В., Лугавцова М.Ю.	
Память о блокаде Ленинграда: книги, архивные документы, воспоминания... Обзор выставки	82

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Долгих Ю.А., Ковриженко Е.В.	
«Мифологические сюжеты и книга Нового времени: формы и интерпретации» — 2023: второй междисциплинарный научный семинар в Библиотеке Российской академии наук, посвященный античной мифологии	92
Кислин К.Б.	
К вопросу о философских основаниях классификационной мысли: история и современность	98
Виноградова Т.И., Приголицкая Ю.В.	
«Поймали линия» — из истории взаимоотношений Китая и Африки	106
Дымская Д.Д.	
Eikon basilike в БАН	116
Киселёв А.А.	
Образ мнимого врача в пьесах Мольера и Шеридана	121

Клещук С.Е. Соединенные Штаты Америки: библиотеки для науки (1910–1940-е гг.)	128
Иванов И.А. Методы применения Paraloid B72 в реставрации материалов переплета книг	151

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ

Андреева Н.С. «...должность библиотекаря сопряжена с немалыми трудами...»: документы к биографии академика А.А. Шифнера	157
Лепехин М.П. О Н.Н. Грибановском, К.И. Шафрановском и о роли Библиотеки Академии наук СССР в создании «Библиографии Якутии»	162
Федотова П.И. В.Н. Татищев и «варяжский вопрос»	173
Митрофанов В.В. Некоторые факты о географии распространения учебника по истории С.Ф. Платонова	187
Перекрестова С.В. Личная библиотека А.С. Лаппо-Данилевского: предварительные итоги	197

Н.А. Сидоренко

ОБСЛУЖИВАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ В БАН В ГОДЫ ВОЙНЫ

Сидоренко Наиле Афрасябовна — главный библиограф, Справочно-библиографический отдел
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sbo@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Приведены краткие сведения об организации и видах обслуживания читателей в Библиотеке Российской академии наук во время Великой Отечественной войны. Охарактеризована работа по созданию и использованию специального оперативного медицинского фонда (МЕДФОНДА), а также по информационному обеспечению запросов военных медиков, специалистов военно-технических и оборонных предприятий. Подчеркнуто значение справочно-библиографического обслуживания и массовой библиотечной работы в подшефных госпиталях и батальонах выздоравливающих бойцов.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук (БАН), Великая Отечественная война, 1941–1945 гг., обслуживание читателей, справочно-библиографическое обслуживание, специальный медицинский фонд (МЕДФОНД), библиотеки-передвижки.

Начиная краткий обзор деятельности БАН по обслуживанию читателей в годы Великой Отечественной войны, невозможно не сказать еще раз о тяжелом положении, сложившемся в библиотеке в первые месяцы войны и усугублявшемся в последующее время.

Почти сразу же начал убывать численный состав БАН. Сотрудники-мужчины были мобилизованы либо вступали в формирования Народного ополчения. С конца июня в Ленинграде шла эвакуация населения. В августе 1941 г. работа некоторых отделов БАН была законсервирована, в других — свернуты отдельные направления деятельности. С 8 сентября город оказался в блокаде, начались постоянные артобстрелы и массированные налеты вражеской авиации. Наступившие тяжелые условия жизни — голод, холод, болезни, разрушения в городе, бытовые лишения, подавленное моральное состояние стали причиной нечеловеческих страданий и преждевременной смерти ленинградцев, в том числе сотрудников БАН. Заведующая отделом обслуживания БАН в 1942–1943 гг. Генриетта Моисеевна Лукомская так писала об этом в своих воспоминаниях: «...Ухудшались условия работы БАН, постепенно выходили из строя водопровод, канализация и отопление, на работу постепенно выходили все меньше и меньше сотрудников, каждый день сообщал о смерти самых опытных, самых старых производственников» [1, с. 8].

Военное положение определило необходимость участия БАН в строительстве оборонительных сооружений, часть сотрудников была откомандирована в другие учреждения для проведения оборонных работ и исполнения трудовой повинности.

Вскоре после начала войны наиболее ценные материалы (рукописи, инкунабулы, издания Академии наук, редкие книги, справочная литера-

тура, карты и др.) были подготовлены к эвакуации, но быстрое приближение фронта к городу не позволило вывезти эти ценности. Упакованные в 2,5 тыс. ящиков книги были перенесены в цокольный этаж здания и оставались там до конца войны, требуя внимания и заботы сотрудников, регулярного осмотра и проветриваний [2, с. 428–429].

Сама библиотека обязана была обеспечить охрану библиотечного здания и ценностей, хранившихся в нем. Для этой цели заготавливались щиты для бомбоубежища, чердаки засыпались песком, были замурованы окна подвальных помещений. В соответствии с требованиями военного времени в библиотеке была организована унитарная команда МПВО, в составе которой имелись отделения: противопожарное, медико-санитарное, социалистического порядка. Почти все сотрудники БАН работали в унитарной команде по графику, который составлялся на неделю. Дежурства были круглосуточными и осуществлялись снаружи здания, на крыше, на этажах внутри здания. Одновременно в БАН дежурили от 7 до 11 человек. Все сотрудники должны были сдать нормы противовоздушной и противохимической обороны. Режим работы библиотеки определялся едиными часами работы, установленными для всех оставшихся в городе учреждений — с 9 до 17 часов.

Тем не менее БАН выполняла свои обязанности по обслуживанию читателей в течение всей блокады. В первые месяцы войны сотрудники еще занимались обслуживанием посетителей в Главном читальном зале. Позднее, когда в результате обстрелов и бомбежек в здании постепенно вышли из строя осветительная и отопительная системы, водоснабжение, оказались выбитыми около 75% стекол, пункт обслуживания был перенесен в два небольших помещения на втором этаже, где были установлены печи-временки и лампы-коптилки. Здесь обслуживание главным образом осуществлялось в форме индивидуального и межбиблиотечного абонементов, но организован был также и небольшой фонд открытого доступа читального зала и справочной группы, а позднее и стойки для выставок новых поступлений.

Обязательным аспектом работы отдела обслуживания являлось справочно-библиографическое обслуживание — вид деятельности, который был постоянно востребован во время войны.

Традиционной для отдела обслуживания была и массовая работа в форме организации выставок новых поступлений и тематических выставок. Во время войны сотрудники БАН (в том числе отдела обслуживания) приняли участие в подготовке нескольких крупных книжных выставок общеакадемического масштаба, проходивших в разных городах.

На протяжении всего периода блокады в отделе обслуживания шла работа с должниками (писались письма, составлялись списки невозвращенных книг и др.), делались также попытки перерегистрации читателей и абонентов.

Таков был типичный круг обязанностей сотрудников отдела обслуживания БАН, но изменившиеся условия предопределили появление в библиотеке другого читателя. «...Все, работающие на оборону, имели право стать читателями БАН, резко изменился состав читателей: политсостав Краснознаменного Балтийского флота, инженеры и техники, летчики и врачи начинают активно посещать библиотеку», — пишет

Г.М. Лукомская [1, с. 8]. Новые читатели — военврачи, военнослужащие, сотрудники военно-технических и оборонных предприятий — пришли в БАН с новыми запросами, требующими быстрого и точного разрешения, запросами, от реализации которых, возможно, зависела жизнь человека.

Уже в первую блокадную зиму был выявлен огромный спрос на медицинскую литературу, которая необходима была медработникам города, лично посещавшим здание на Биржевой линии, и лечебным учреждениям Ленинграда, направлявшим в БАН свои запросы. Г.М. Лукомская отмечает: «Так как спрос на медицинскую книгу и библиографические справки <...> со стороны госпиталей и больниц Ленинграда возрастал <...> перед БАН встала насущная задача создать для удобства пользования читателей специальный медицинский фонд» [1, с. 9]. В связи с этим в мае 1942 г. в БАН было принято решение о формировании особого оперативного медицинского фонда (так называемого МЕДФОНДА), обращение к которому позволяло бы быстрее получать требуемую информацию. МЕДФОНД состоял из наиболее актуальных монографий, руководств, учебных пособий, энциклопедий, словарей и периодических изданий по военной медицине (всего более 1 тыс. названий), которые были отражены в специальном каталоге и состояли на инвентарном учете. Как наиболее важные, были обеспечены литературой такие разделы практической медицины как: общая и частная хирургия, военно-полевая хирургия, ампутация и протезирование, газовая гангрена, переливание крови и др.

В МЕДФОНДЕ велись постоянные картотеки по актуальным вопросам военной медицины, для пополнения которых просматривались и расписывались медицинские журналы, сборники, прорабатывались библиографические указатели. Так, например, в производственный план отдела обслуживания на I квартал 1944 г. был внесен пункт о необходимости продолжения следующих тематических картотек МЕДФОНДА: «Коллапс легких», «Венозное и артериальное давление при различных формах пневмонии», «Газообмен и кровообращение при пневмонии», «Электрокардиограмма при различных формах пневмонии», «Обмен витамина С в организме», «Остеомиелиты позвоночника», «Периферические нервы (анатомия, физиология, диагностика, лечение)» [3, л. 58].

Примеры архивных документов 1943 г. могут дать представление о характере запросов медицинской тематики:

от 13.10.1943 — командование Эвакогоспиталя № 1012 просит подобрать литературу по остеомиелитам позвоночника [4, л. 32];

от 03.10.1943 — Военный госпиталь № 1116 просит составить библиографию по контрактурам верхних конечностей [4, л. 31];

от 20.09.1943 — 1-й Мединститут, Клиническая больница им. Эрисмана, Госпитально-терапевтическая клиника просят подготовить библиографию и предоставить соответствующую литературу по «голоданию, голодной болезни, отежной болезни, различным гиповитаминозам и авитаминозам (А, В, В₂, С, цинга, пеллагра), алиментарной дистрофии, особенностям заболеваний военного времени и на почве голодания». Подпись: проф. М.В. Черноруцкий — председатель Научного комитета по изучению алиментарной дистрофии и авитаминозам [4, л. 35].

В течение 1943 г. на основе материалов МЕДФОНДА были подготовлены библиографические списки по 82 темам; названия которых выборочно представлены в табл. 1 [5, л. 46].

Таблица 1. Примеры тематических списков литературы, подготовленных по материалам МЕДФОНДА

Названия тематических списков	Количество наименований
Алиментарная дистрофия	800
Столбняк	152
Ранения челюстей и мягких тканей лица	86
Лечение незаживающих ран	60
Применение метода хронаксиметрии	60
Ультракороткие волны УВЧ	48
Влияние голода на организм	48
Травмы и ранения глаза	44
Контрактуры	43
Плеврит	43
Лечебная физкультура	37

Приведем также примеры запросов военно-исторической тематики: от 05.05.1943 — Октябрьский районный комитет ВКП(б) просит составить указатель литературы на тему «Оборона осажденных городов: наиболее яркие примеры из всемирной истории» [4, л. 45];

от июня 1943 — Ленинградский областной комитет по радиофикации и радиовещанию просит «подобрать материалы (библиографические и текстуальные) по героическому прошлому русского народа для тов. Дейнего Е.А. — автора литературно-музыкальных передач» [4, л. 42];

от 23.09.1943 — Политотдел Ленинградской военно-морской базы КБФ (Краснознаменного Балтийского Флота) просит подобрать литературу на тему «Влияние офицерской общественности на службу (что значит “быть офицером”, вопросы этики, воинской чести)» [4, л. 34].

Подробнее проиллюстрируют эту деятельность отдела обслуживания примеры тематических списков: по вопросам военной техники (1) — «Военная акустика», «Военная маскировка» [6, с. 271], «Аэростаты заграждения», «Зенитная артиллерия», «Светотехника в военном деле»; или по вопросам питания — «Применение дикорастущих растений в пищу», «Дрожжи», «Производство витамина С», «Производство сахара» (2).

В целом о востребованности справочно-библиографического обслуживания свидетельствуют отчетные показатели отдела обслуживания за 1943 г. (табл. 2) [5, л. 44–48].

Необходимо также отметить масштабную работу БАН по межбиблиотечному абонементу (МБА). Согласно отчетным цифрам отдела обслуживания за 1943 г., БАН предоставляла литературу 85 организациям Ленинграда, среди которых были 37 военных организаций, 25 госпиталей и санитарных учреждений, а также партийные и советские органы, научно-исследовательские институты и др. [5, л. 51–52].

Таблица 2. Общие данные о библиографических списках, подготовленных в Отделе обслуживания в 1943 г.

Тематика библиографических списков	Число списков	Всего наименований
Всеобщая история	8	251
История России	29	1821
Военное дело	9	655
Литературоведение	4	126
Искусство и культура России	6	226
Медицина	82	> 10 000
Техника	6	124

Во время блокады получает распространение такой вид массовой работы с читателем как организация библиотек-передвижек, целью которых было снабжение книгами, журналами, газетами госпиталей, батальонов выздоравливающих, воинских частей и оборонных предприятий. Три первые передвижки были организованы в БАН еще в августе 1941 г. для ленинградских дивизий Народного ополчения. Зимой же 1941–1942 гг. сеть их увеличилась до 31 [2, с. 435]. Г.М. Лукомская вспоминает: «...В этих госпиталях в самые страшные декабрьские и январские дни мы устраивали передвижные выставки по героическому прошлому русского народа, ленинским дням и т.д., причем не только книги, но и щиты переносили сами, устраивали читки и беседы, ходили по палатам и приносили бойцам и командирам то, что им хотелось читать как по их специальности, так и художественную литературу» [1, л. 9].

Для налаживания этой работы в отделе обслуживания был сформирован специальный передвижной книжный фонд — художественная литература (проза и поэзия), историческая, патриотическая, политико-воспитательная, специальная литература, текущая периодика. Сотрудники отдела обслуживания комплектовали библиотеки-передвижки и самостоятельно на санях или тележках доставляли их в указанные организации. Со временем постоянными пунктами по этой работе для БАН стали госпиталь, развернутый в гостинице «Англетер», батальон выздоравливающих, размещавшийся в помещениях Академии художеств, и другие военно-медицинские учреждения. Работа по формированию и обновлению библиотек-передвижек, доставке их в подшефные госпитали, читки и беседы с выздоравливающими бойцами стала регулярной. Лишь в феврале 1944 г. было решено: «передвижной фонд считать пройденным этапом. Продолжать комплектование этого фонда как резервного для нужд академических библиотек и для пополнения лакун» [7, л. 36].

В поле зрения сотрудников отдела обслуживания постоянно находились вопросы книжной задолженности. Еще в конце августа 1941 г. на директорском совещании, посвященном работе абонентов, были приняты решения о прекращении выдачи книг должникам (организациям и лицам), о сокращении количества выдаваемых книг и сроков пользования, о перерегистрации абонентов МБА, об отделении внутригородского абонента от иногороднего с целью установления над последним лучшего контроля, и другие меры [2, с. 432]. В условиях войны невозврат книг в библиотеку вырос в серьезную проблему. В своей

объяснительной записке к «Акту об убытках, причиненных БАН немецко-фашистскими захватчиками» Г.М. Лукомская называет основные причины, приведшие к значительным утратам книжного фонда Библиотеки [8, с. 44].

Чрезвычайные обстоятельства блокады потребовали профессионального внимания библиотекарей к проблеме сохранения бесхозных библиотек — библиотек эвакуированных учреждений или граждан и библиотек умерших владельцев. В частности, в период с 26 мая по 21 июля 1942 г. сотрудниками БАН (при участии Г.М. Лукомской), было обследовано 139 частных библиотек, оставшихся без попечения. Из них 28 библиотек (около 100 тыс. библ. ед.) были перевезены в специальное помещение БАН [2, с. 438–438; 9, с. 139]. Эта работа продолжалась до конца войны.

Без участия отдела обслуживания не обходилось ни одно важное дело, задуманное в библиотеке. Так, 12 марта 1943 г. два сотрудника отдела были включены в состав лекторов-преподавателей организованного в БАН «Семинара по повышению квалификации». Семинар был рассчитан на 46 лекционных часов, Э.А. Козак открыла его программу темой «Организация библиотечного дела в СССР», Г.М. Лукомская, уже на продвинутом этапе, посвятила свои занятия систематическому каталогу, справочно-библиографическому обслуживанию и работе отдела обслуживания [10, с. 103].

Невозможно обойти молчанием и большую общественную работу БАН, которая имела несколько направлений и в целом была ориентирована на улучшение физического, бытового и морального состояния сотрудников. Усилия очень маленького состава местного комитета профсоюза БАН (совместно с администрацией) были нацелены на добывание талонов на дополнительное горячее питание и ордеров на дрова, направление сотрудников в стационары и дома отдыха, выделение участков под огороды, получение табачных талонов, снабжение промтоварами, посещение больных, поддержку семей и вдов фронтовиков, организацию культпоходов, творческих встреч и др. [10, с. 112].

Постоянным психологическим фоном библиотечной и внебиблиотечной жизни блокадного периода были заботы ленинградцев о близких, тревога и страх за воюющих, горечь разлук и утрат, тяжелые мысли о ходе войны, надежды на победу и мир, на встречи и воссоединение семей. Условия существования были чрезвычайно тяжелыми. Состав отдела обслуживания не мог оставаться постоянным — в первую блокадную зиму умерло 13 сотрудников [11, с. 33–79]. Люди увольнялись, меняли места работы, уезжали в эвакуацию, но приходили, осваивались и закреплялись и новые сотрудники. Численный состав отдела обслуживания в период войны оставался небольшим — 10–16 человек, деления на сектора или группы не было. Иногда опытные библиотекари работали на нескольких участках, при необходимости заменяли или подменяли друг друга. Практиковались перестановки и передвижки сотрудников на другие рабочие места в зависимости от складывающейся кадровой ситуации. Но, несмотря на это, виды деятельности, о которых было кратко рассказано, были закреплены за подразделением и обеспечивались его персоналом (табл. 3 [12, л. 54], табл. 4 [5, л. 76–77]).

Таблица 3. Распределение обязанностей в отделе обслуживания на 15 мая 1943 г. (штат 14 чел.)

Фамилия	Должность	Участок работы
Лукомская Г.М.	Гл. библиотекарь	Зав. отделом
Винтергальтер Е.И.	Гл. библиотекарь	Зав. каталогом (2 дня в неделю)
Козак Э.А.	Гл. библиотекарь	Зав. Ленсетью, зав. «МЕДФОНДОМ»
Гаркави Л.М.	Ст. библиотекарь	Справ.-библиогр. работа для Госп. № 1015
Маркова Г.А.	Ст. библиотекарь	Зав. МБА
Магнус М.А.	Ст. библиотекарь	Б-ка-передвижка Сомат. больницы № 2
Горюнова З.П.	Ст. библиотекарь	Русский алфавитный каталог
Денемарк В.Н.	Ст. библиотекарь	Работа в «МЕДФОНДЕ» (0,5 ставки)
Пентегова А.А.	Ст. библиотекарь	Выставка новых поступлений
Вехова В.С.	Библиотекарь 1 разр.	Библиогр. работа с «МЕДФОНДОМ»
Гаркави Е.Г.	Библиотекарь 1 разр.	Индивидуальный абонемент
Бородина В.И.	Библиотекарь 1 разр.	Картотека утерянных книг
Ипп И.П.	Библиотекарь 1 разр.	Картотека газет, фонд ЧЗ и справ. группы
Дмитриева Т.Н.	Пом. библиотекаря	Курьер

Таблица 4. Из отчета отдела обслуживания за I квартал 1943 г.

Виды деятельности	Выполнение
Посещения (читателями)	1441
Книговыдача	4104
Организация библиотек-передвижек	21
Беседы в госпиталях	28
Читки газет и журналов в госпиталях	48
Выставки новых поступлений (в БАН и госпиталях)	9
Посещения задолжников	30 учреждений, 16 квартир
Возвращено книг	290
Получено ответов на письма	34 (об эвакуации или смерти читателей, об эвакуации или консервации учреждений)

Назовем же поименно сотрудников отдела обслуживания БАН тех лет, вспомним их светлые и скромные, часто немолодые лица, отдадим им дань уважения и преклонения:

Бородина (урожд. Святловская) Валентина Ивановна (1906–?) [13, с. 61–62];

Вехова Вера Сергеевна (1887–?) [13, с. 71–73];

Винтергальтер (урожд. Философова) Елена Ивановна (1890–1974) [13, с. 75–77];

Гаркави (урожд. Волобринская) Любовь Моисеевна (1894–?) [13, с. 83–85];

Горюнова Зиновия Петровна (1920–2001) [13, с. 93–94];

Денемарк Валентина Николаевна (1908–?) [13, с. 109–110];

Дмитриева (Федорова, Лыткина) Тамара Николаевна (1927–?) [13, с. 113];

Ипп Ида Петровна (1924–?) [13, с. 141–142];
 Козак Эмилия Аркадьевна (1904–1985) [13, с. 156–158];
 Кусова Фаина Борисовна (1888–1960) [13, с. 176];
 Леонова Мария Калиновна (1911–1979) [13, с. 182];
 Лукомская Генриетта Моисеевна (1910–?) [13, с. 189–190];
 Магнус Мария Александровна (1885 — после 1956) [13, с. 191–192];
 Маркова (урожд. Карасева) Галина (Глафира) Александровна (1905–?)
 [13, с. 195–196].
 Пентегова Анна Алексеевна (1884–?) [13, с. 219–220].

В начале 1944 г. жизнь в БАН начинает налаживаться и постепенно входить в нормальное русло. К весне 1944 г. вводится «Система контроля посетителей Библиотеки АН СССР», появляется должность табельщика-контролера. БАН направляет в Президиум АН СССР список сотрудников библиотеки (25 чел.), находящихся в эвакуации, «на предмет вызова их для работы в Ленинград в первую очередь» [14, л. 23–26].

Понемногу возрождается «бановский» стиль работы, возвращается более строгое отношение к читателю и более бережливое отношение к фонду БАН, упорядочиваются все библиотечно-организационные процессы. В 1944–1945 гг. в связи с реэвакуацией вузов и научно-исследовательских учреждений происходит постепенный возврат к обслуживанию «своего» читателя (табл. 5) [2, с. 442].

Таблица 5. Основные показатели БАН по обслуживанию читателей (1943–1945 гг.)

Год	Кол-во читателей	Кол-во посещений	Выдано книг			
			Чит. зал	Инд. абонемент	МБА	Всего
1943	452	7260	–	10002	4860	14862
1944	1280	14973	9292	13767	5168	28227
1945	1380	31816	26952	21389	9956	58297

1 февраля 1945 г. Президиумом АН СССР было принято решение о праздновании 220-летия АН СССР (в Москве и Ленинграде) [15, л. 40]. В распоряжении БАН оставалось всего 4 месяца для подготовки масштабных документально-книжных выставок в Москве и Ленинграде, посвященных деятельности Академии наук за весь период ее истории. Эта работа также выполнялась при ближайшем участии отдела обслуживания. К.И. Шафрановский написал позднее: «... Почти одновременно с устройством выставки все эти коллекции выносились из укрытий и извлекались из ящиков, куда они были уложены на время войны» [16, с. 407]. Экземпляры, которые готовились к экспозиции, тоже как бы очнулись от блокадной спячки и явились свету в полном блеске и сохранности, и Константин Илларионович не мог не упомянуть об этом.

Итак, в годы Великой Отечественной войны в жесточайших условиях вражеской блокады Библиотека АН СССР не прекращала своей работы по обслуживанию читателей — традиционные, привычные методы работы были трансформированы в соответствии с историческими условиями, это выразилось и в общении с новым читателем, и в новой тематике запросов.

Максимум внимания было уделено работе с военными медиками — создан эффективный, детально разработанный, постоянно обновляющийся МЕДФОНД и обеспечено квалифицированное справочно-библиографическое обслуживание. Также имело место библиотечное и справочно-библиографическое обслуживание сотрудников ленинградских предприятий военно-технического и оборонного профиля, средств массовой информации, научных учреждений, продолжавших свою деятельность в городе.

Благодаря организации и обслуживанию библиотек-передвижек в военных госпиталях лучшие образцы мировой художественной литературы становились доступными сотням выздоравливающих бойцов и давали им дополнительные силы.

Участие в такой работе в условиях блокады создавало у сотрудников БАН чувство сопричастности к общему делу, давало осознание своего интеллектуального вклада в победу.

Примечания

1. По понятным причинам в этих запросах проблема прямо не формулировалась. Вероятно, задание излагалось заказчиком непосредственно при встрече с библиографом-исполнителем.
2. В СБО БАН (в фонде неопубликованных библиографических работ) сохранились несколько списков близкой тематики, подготовленных в военные и послевоенные годы.

Список источников

1. Лукомская Г.М. Воспоминания: крайние даты: 1926–18.01.1943. Ленинград, 1943. Машинопись // Санкт-Петербург: БАН. Сектор МВАР (Музей Библиотеки РАН). 12 с.
2. Луппов С.П., Копанев А.И., Кукушкина М.В., Соколов П.В., Воронов В.И. Хватов В.Я. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964 / М.С. Филиппов (отв. ред.). Москва; Ленинград: Наука, 1964. 599 с.
3. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 4. 64 л.
4. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 2. 61 л.
5. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 3. 83 л.
6. Белоголовцев А.Ф. Библиотека Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Труды БАН и ФБОН. Москва; Ленинград, 1962. Т. 6. С. 265–274.
7. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 2. 40 л.
8. Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, июль–декабрь 1943 года // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 2 (67). С. 40–62.
9. Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, 1942 г. // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 4 (65). С. 129–148.
10. Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, январь–июнь 1943 года // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 1 (66). С. 97–114.
11. Библиотека Академии наук в первый год войны: События. Факты. Люди / сост.: А.А. Балакина, Н.В. Бекжанова. Санкт-Петербург: БАН, 2015. 104 с.
12. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 7. 92 л.
13. Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук / авт.-сост.: Н.В. Бекжанова, А.А. Балакина. Санкт-Петербург: БАН, 2024. 571 с.
14. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 9. 61 л.
15. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 9. 44 л.

16. Шафрановский К.И. Выставка изданий Академии наук СССР в Ленинграде // 220 лет Академии наук СССР: юбилейная сессия АН СССР, 15 июня — 3 июля 1945 г. Т. 1. Москва; Ленинград, 1948. С. 405–425.

SIDORENKO N. Reader service in the Russian Academy of Sciences Library (RASL) during the war years

Sidorenko Naile — Chief Bibliographer, Reference Department

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sbo@rasl.nw.ru

ABSTRACT

Brief information about the organization and types of reader services in the Russian Academy of Sciences Library during the Great Patriotic War is presented. The work on the creation and using of a special operational medical fund (MEDFOND), as well as information support for requests from military doctors, specialists of military-technical and defense enterprises, is described. The importance of reference and bibliographic services and mass library work in sponsored hospitals and battalions of recovering soldiers was emphasized.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, Great Patriotic War, 1941–1945, reader service, reference and bibliographic services, special medical fund (MEDFOND), mobile libraries.

Н.В. Крапошина

ИЗ ИСТОРИИ НАГРАЖДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ АРХИВА АН СССР ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ «ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

Крапошина Наталья Валентиновна — старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: ranarc@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются документы по личному составу Архива АН за период блокады Ленинграда, имеющие отношение к истории награждения сотрудников учреждения медалью «За оборону Ленинграда». Приводятся биографические сведения о научной и трудовой деятельности архивистов, сохранивших в годы Великой Отечественной войны документальное наследие Академии наук.

Ключевые слова: Архив Академии наук СССР, личный состав Архива АН, медаль «За оборону Ленинграда», Георгий Алексеевич Князев.

С началом Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда перед руководителями и сотрудниками академических учреждений города была поставлена сложная задача: сохранить в условиях военного положения культурные и материальные ценности Академии наук СССР (АН). Как свидетельствуют делопроизводственные документы Архива АН, а также дневники директора Архива АН Георгия Алексеевича Князева [1], со второй половины 1941 г. деятельность учреждения кардинально изменилась.

По состоянию на июль 1941 г. в Архиве числилось 16 человек, из которых по спискам об отбывании трудовой повинности в июле 1941 г. значились с 14 по 26 июля Цветникова Анна Викентьевна (1) и рабочий Урманчеев Каим Ибрагимович (2), с 22 июля — Рычкова Нина Алексеевна (3), Травина Алевтина Александровна (4) и Костыгова Валентина Петровна (5), с 28 июля — Петрова Тамара Давыдовна (6) [2, л. 44]. В августе 1941 г. в учреждении числились 17 рабочих и служащих (в объединенный список были включены и сотрудники Комиссии по истории Академии наук (КИАН), в т.ч.: Беркович Елена Михайловна (7), Любищенко Инна Ивановна (8), Волкова Анна Ивановна (9), Князев Георгий Алексеевич (10), Шахматова-Коплан Софья Алексеевна (11), Крутикова Мария Владимировна (12), Лосева Ирина Сергеевна (13), Модзалевский Лев Борисович (14), Орбели Татьяна Константиновна (15), Петрова Тамара Давыдовна (16), Свикуль Антонина Петровна (17), Стулов Петр Михайлович (18) [2, л. 56, 57]. Списки сотрудников составлялись в зависимости от их назначения (со сведениями о штатном составе учреждения, о наличии военнообязанных, о составе семей сотрудников и наличии детей, о количестве военнообязанных и т.п.), а с введением с середины июля 1941 г. в Ленинграде карточной системы на продукты питания и промышленные товары ежемесячно составлялись списки на получение

карточек (у сотрудников Архива была первая категория, с самой большой нормой снабжения), а также на выдачу пропусков в столовые, находившиеся в Таможенном переулке и в Ленинградском Доме ученых.

В первые же дни войны в Архиве началась работа по подготовке к частичной эвакуации вместе с собраниями Государственного Эрмитажа ценных исторических документов: их упаковка и транспортировка к месту погрузки для дальнейшей отправки в Свердловск. В этой срочной работе непосредственное участие приняли сотрудники архива М.В. Крутикова, Л.Б. Модзалевский, В.П. Костыгова. По распоряжению директора Государственного Эрмитажа, Иосифа Абгаровича Орбели, ящики с архивными материалами (их общее количество составляло 30 единиц) для обеспечения сохранности при перевозке обивались по краям железными полосами, проставлялся шифр Академии наук — в совокупности с перемещением документов из хранилищ эти работы были достаточно трудоемкими.

Другой важной задачей для коллектива Архива являлась организация мероприятий местной противопожарной обороны. С 7 сентября 1941 г. сотрудники обеспечивали круглосуточную пожарную охрану двухэтажного здания на Университетской набережной, д. 1: дежурило по 3 человека в 8-часовую смену (1 человек на чердаке, 1 — на втором этаже и 1 — на первом этаже и на лестнице). В конце января 1942 г. по состоянию здоровья ночные дежурства сотрудников в Архиве были отменены [3, л. 87]. Несмотря на тяготы военного времени, Архив продолжал работу по приему и оформлению документов, их значительный объем был во многом связан с обстоятельствами военного времени. Ряд ученых, понимая опасность хранения в условиях военного положения личных архивов по месту проживания, а также ввиду возможной эвакуации из города, принимали решение о передаче документов на временное хранение в академический Архив. Сотрудники Архива выезжали по месту проживания и уже умерших ученых и в ограниченные сроки осуществляли прием сохранившихся документов, их инвентаризацию и трудоемкое перемещение в хранилища Архива, площадь которых всегда была ограничена.

Материалы, принятые на временное хранение в Архив на основании расписок владельцев или личных заявлений и подлежащие по окончании войны возвращению, заносились в специальные описи: научные труды, переписка, документы к биографиям ученых и делопроизводственные материалы учреждений были особо учтены в составе разряда IV (Рукописи трудов и отдельные документы, поступившие в Архив от разных лиц и из академических учреждений в XIX–XX вв.), Оп. 1^{а-к}. Основная часть этих документов была в послевоенный период времени возвращена владельцам или их представителям.

В настоящее время из этих литерных описей состоят на учете две: Оп. 1^а (Материалы, принятые на временное хранение в связи с военным временем) и Оп. 1^с (Полетика Н.П., историк. Научные труды). В академическом Архиве остались документы на невостребованные материалы умерших в годы войны ученых, например, собрание ботаника, профессора Ботанического института Алексея Порфирьевича Ильинского (он умер в октябре 1945 г. в Ленинграде), ихтиолога Кучина Ивана Васильевича, (умер в 1942 г. в Ленинграде), Приселкова Михаила Дмитриевича

(умер 19 января 1941 г. в Ленинграде) (19). Всего за 1941 г. в Архив было принято 16 054 единицы хранения, в том числе материалы академиков А.А. Куника, А.А. Шахматова и других известных ученых, систематизировано около 10 000 ед. хранения [4, л. 3, 4].

Продолжалась и плановая работа Архива. К началу ноября 1941 г. был подготовлен 2-й том «Обозрения архивных материалов Архива АН», посвященный обзорам личных фондов и являющийся одним из наиболее информативных томов этой серии [10]. Старший научный сотрудник Архива М.В. Крутикова в декабре 1941 г. занималась выявлением материалов в Фонде 1. Оп. 2 (Протокольные бумаги Конференции АН), а также переработкой Фонда 2 (Канцелярия Конференции АН), и «работами, связанными с военным положением».

Одним из наиболее тяжелых периодов в работе Архива стал период с 1 января по 1 августа 1942 г. Из официальных источников известен факт, что зима 1941–1942 гг. была значительно холоднее, чем в предвоенное время. Именно в эти месяцы погибли сотрудники Архива, не выдержавшие голода, тяжелых испытаний военного времени: в январе 1942 г. от истощения скончалась Шахматова-Коплан Софья Алексеевна, работавшая в архиве по договору, и ее сын Алексей; в один день, 12 марта 1942 г., от общей дистрофии умер Стулов Петр Михайлович, от водянки и дистрофии — младший ученый архивист Орбели Татьяна Константиновна. В помещениях Архива отсутствовало отопление, температура в здании достигала минус 18°С, не было освещения, а в темноте доступ к материалам был ограничен [6, л. 14].

По разным причинам личный состав учреждения продолжал сокращаться. В ряды Красной Армии были призваны инспектор Архива Александр Митрофанович Черников (20), ученый архивист Петр Николаевич Корявов (21), рабочий Каюм Ибрагимович Урманчеев, уволены Беркович Елена Михайловна и Травина Алевтина Александровна, эвакуированы младший ученый архивист Костыгова Валентина Петровна и Урманчеева Ханифя Батрахановна (22). Но с 10 января 1942 г. в Архиве начала работать Модзалевская Наталия Николаевна (23), принявшая активное участие в работах по комплектованию фондов. Так, до мая 1942 г. сотрудники продолжали заниматься приемом рукописных материалов, их первичной обработкой, охраной здания Архива. Далеко не всегда имелась возможность привезти материалы на машине, поэтому из квартир умерших или эвакуированных ученых документы часто приходилось доставлять вручную, на плечах сотрудников [6, л. 11 об.]. Только в июле 1942 г. появилась возможность использовать автотранспорт Книжного фонда АН. На основании распоряжения уполномоченного Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям Александра Антоновича Фомина (24) А.П. Свикуль была назначена на должность коменданта Архива с освобождением от работы в должности старшего архивного работника и выполняла эти обязанности вплоть до эвакуации 5 августа 1942 г. В эвакуации она работала в сельскохозяйственной артели им. Кирова в Свечинском районе Кировского края, где занималась сельскохозяйственными работами.

Летом 1942 г. личный состав Архива пополнился новыми сотрудниками — в начале августа в штат была зачислена Ручьевская Елизавета

Яковлевна (25), которая стала незаменимым работником во всех научных и технических работах учреждения. К началу 1943 г. в штате Архива состояли всего 6 человек: старший научный сотрудник М.В. Крутикова, ученый секретарь и уполномоченный по Архиву И.С. Лосева, старший научный сотрудник Н.Н. Модзалевская, младший научный сотрудник М.П. Петерсон (26), Е.Я. Ручьевская и А.В. Цветникова [7, л. 1]. Были эвакуированы: в Ташкент — Андреев Александр Игнатьевич, а в Акмолинскую область, на курорт «Боровое» — Князев Георгий Алексеевич с супругой.

Продолжались работы и по сохранению научного наследия петербургских ученых. В январе 1943 г. Н.Н. Модзалевская, Е.Я. Ручьевская и А.В. Цветникова вывезли в Архив фонд академика А.А. Ухтомского, за что им была объявлена благодарность уполномоченной по Архиву И.С. Лосевой «за самоотверженную и ударную работу по доставке в сильные морозы архивного фонда академика А.А. Ухтомского» [7, л. 11].

Во время блокады сотрудники Архива участвовали и в других мероприятиях в поддержку бойцов Красной Армии и раненых. Е.Я. Ручьевская неоднократно принимала участие в городском донорском движении. В ее личном деле сохранились справки о сдаче крови в Ленинградском институте переливания крови 25 августа и 29 октября 1942 г., а также в 1945 г. и в марте 1946 г. [9, л. 7, 32, 33, 35]. Все работники Архива принимали посильное участие в сборе необходимых на фронте вещей: в 1943 г. в «Областную Комиссию по подаркам бойцам Красной армии» были отправлены собранные архивистами табак, спички, писчебумажные принадлежности, предметы гигиены [7, л. 7, 8].

В декабре 1943 г. трое сотрудников (М.В. Крутикова, Е.Я. Ручьевская, А.В. Цветникова) взяли на себя сообразительства, заключающиеся в проверке и систематизации картотеки по личному составу академических учреждений, составлении карточек на личные дела и трудовые списки сотрудников АН, проведении осмотра архивохранилищ и запасных помещений Архива и проверке состояния материалов, хранящихся в фондах [7, л. 45].

По возвращении из эвакуации 3 июня 1944 г. директор Архива Г.А. Князев издал распоряжение, в котором отметил самоотверженную работу сотрудников Архива. В этом документе говорилось следующее: «Ознакомившись с состоянием хранения архивных материалов и производившейся и производящейся в Архиве АН работой, приношу благодарность заместителю моему в Ленинграде М.В. Крутиковой и всем сотрудникам Архива АН в Ленинграде — Н.Н. Модзалевской, А.В. Цветниковой, Е.А. Ручьевской и М.П. Петерсон за большую самоотверженную работу по охране научных архивных ценностей в труднейших условиях блокады Ленинграда» [8, л. 21].

За вклад в оборону города и самоотверженную архивную работу ряд сотрудников Архива был удостоен почетной медали «За оборону Ленинграда» — награда, к которой представлялось и гражданское население города.

Характеристики на кандидатов к награждению представлялись в соответствующие органы ответственными сотрудниками учреждений. 11 января 1943 г. И.С. Лосевой, уполномоченной по делам Архива АН СССР,

были составлены характеристики на четырех сотрудников. Представляя свою работу и вклад в охрану архивных фондов и здания Архива, она писала следующее: «Лосева И.С. работает в Академии наук с августа 1929 г., уполномоченный — с осени 1942 г. С июня 1941 г. (исключая время нахождения в народном ополчении) являлась начальницей объекта ПВО по Архиву и начальником унитарной команды архива» [7, л. 2]. Решение о ее награждении за «проверку подготовки охраны архивных материалов Ленинградских учреждений АН по линии МПВО» было принято 3 июня 1943 г. Согласно данным «личной карточки представляемого к вручению медали» награда была ей вручена 11 июня 1943 г. Также 3 июня 1943 г., по представлению И.С. Лосевой, было принято решение о награждении А.В. Цветниковой, которая с сентября 1942 г. находилась на казарменном положении в Архиве, весной 1942 г. участвовала в уборке города от снега. В архивных документах о награждении отмечена ее добросовестная работа на оборонных сооружениях в августе 1941 г. под Новгородом. К награждению была представлена и М.В. Крутикова, «боец унитарной команды по Архиву, выполнявшая распоряжения по объекту добросовестно и дисциплинированно» [7, л. 2]. Медаль «За оборону Ленинграда» она получила 19 июля 1943 г. В представлении к награждению, составленном И.С. Лосевой, имеется и небольшая характеристика на Н.Н. Модзалевскую, находившуюся «осенью 1941 г. на оборонительных работах по направлению от Государственного юридического института», в котором она работала ранее. В наградных документах содержится более точная информация о ее работе: она «добросовестно работала на оборонных сооружениях в июле 1941 г. на ст. Обухово и в августе 1941 г. на ст. Пудость». В распоряжении по Архиву от 25 сентября 1943 г. имеются данные об отбытии И.С. Лосевой в ряды РККА в связи с призывом и передаче обязанностей уполномоченного Архива старшему научному сотруднику М.В. Крутиковой. [5, с. 135]. 20 декабря 1943 г. М.В. Крутикова представила уполномоченному Президиума АН СССР характеристики на архивистов Н.Н. Модзалевскую, М.П. Петерсон, Е.Я. Ручьевскую и А.В. Цветникову, в которых имеются данные и о вкладе сотрудников Архива в охрану академических рукописных собраний [7, л. 48, 49]. Характеристика на Н.Н. Модзалевскую дополнена сведениями о ее вкладе в архивную работу как заведующей «справочно-ориентирующим аппаратом», ответственной за ведение учетных документов по регистрации поступлений, участию в приеме и доставке архивных материалов. Здесь же имеются сведения о М.П. Петерсон, которая с 9 июля 1942 г. выполняла в Архиве обязанности машинистки и несла дежурство по охране здания, а Е.Я. Ручьевская выполняла необходимые технические работы, инспекторские обязанности по сдаче материалов из академических учреждений, вела архивно-технические работы (по обработке архивного материала, написанию карточек, приемке и доставке материалов ученых из квартир и учреждений и т.п.).

Таким образом, на основе списков по личному составу, составленных в Архиве АН СССР в период с июня 1942 г. до 1943 г., и данных информационного ресурса — Медаль «За оборону Ленинграда» следует, что к этой правительственной награде в 1943 г. были представлены сотрудники Архива АН СССР И.С. Лосева, М.В. Крутикова, А.В. Цветни-

кова, Н.Н. Модзалевская; в 1944 г. — М.П. Петерсон и Е.Я. Ручьевская; в 1945 г. — Г.А. Князев — за вклад в организацию охраны академических учреждений, Л.Б. Модзалевский — «за работу на сооружении оборонных укреплений в сентябре 1941 г. на станции Ручьи», Н.А. Рычкова — за активную работу «на оборонных сооружениях под Ленинградом с 22 июля по 8 августа 1941 г.», А.П. Свикуль, которая, «несмотря на тяжелые жилищные условия и болезненное состояние здоровья, находилась на казарменном положении и несла охрану помещения и материалов»; в 1946 г. — старший научный сотрудник Архива, историк А.И. Андреев — за работу в унитарной команде МПВО, круглосуточные дежурства, участие в противопожарных мероприятиях, а также И.И. Любименко — за участие в работе МПВО, работу в госпитале, составление антифашистских брошюр. Позднее список сотрудников, награжденных правительственной наградой «За оборону Ленинграда», пополнился данными об архивистах, награжденных по месту их предыдущей службы в научных и иных учреждениях.

Несомненно, сотрудники Архива АН СССР ушедшего поколения архивистов ценой своего здоровья и жизни, благодаря преданности архивному делу и академическому архиву, в трагическое для города и страны время спасли историческое наследие Академии наук, документальную память об ученых и сотрудниках Академии, материалы о деятельности научных учреждений города. В настоящее время сохраненные ими архивные фонды, коллекции документов и научно-справочный аппарат являются уникальными источниками для изучения академической истории, истории России и служат основой для научных работ современных исследователей.

Примечания

1. Цветникова Анна Викентьевна (1903, Полоцк — ?), архивариус, комендант и источник Архива АН СССР, с 1936 по 1953 г. состояла в должности младшего научного сотрудника.

2. Урманчеев Каюм Ибрагимович (1912, д. [Нет. Пшимяй] — 1941), кочегар, затем рабочий при Ленинградских учреждениях АН, в Архиве АН СССР работал с сентября 1938 по август 1941 г.

3. Рычкова Нина Алексеевна (1902, Царское Село — ?), с 1931 по 1941 г. научный сотрудник Архива АН СССР.

4. Травина Алевтина Александровна (1904, д. Солищево — ?), с 1935 по 1942 г. младший ученый архивист Архива АН СССР.

5. Костыгова Валентина Петровна (1913, Санкт-Петербург — ?), с 1934 по 1942 г., затем с 1946 по 1968 г. архивариус и младший ученый архивист Архива АН СССР.

6. Петрова Тамара Давыдовна (1915, Санкт-Петербург — ?), с 1932 по 1941 г. научно-технический сотрудник Архива АН СССР.

7. Беркович Елена Михайловна (1912, Новгород — ?), архивариус, и.о. ученого секретаря КИАН при Архиве АН СССР, младший ученый архивист Архива АН СССР (с 17 февраля 1941 г. по 2 мая 1942 г.). В первые военные месяцы занималась перемещением материалов, «оборудованием помещения Архива в связи с обстоятельствами военного времени», выдачей продовольственных карточек и пропусков в столовую, работала в Эвакуационной комиссии, дежурила на чердаке Архива во время воздушной тревоги.

8. Любименко Инна Ивановна (1878, Санкт-Петербург — 1959), историк, архивист, ст. н. с. КИАН при Архиве АН СССР.

9. Волкова Анна Ивановна (1880, д. Полюдово — ?), с 1940 по 1941 г. архивариус Архива АН СССР.

10. Князев Георгий Алексеевич (1887, Санкт-Петербург — 1969), историк-архивист, доктор исторических наук (1960), директор Архива АН СССР (1929–1963).

11. Шахматова-Коплан Софья Алексеевна (1901, д. Губаревка — 1942), литературовед, библиограф. Дочь академика А.А. Шахматова. В Архиве АН СССР выполняла договорные работы.

12. Крутикова Мария Владимировна (1889, Царское Село — 1974), окончила Царкосельскую женскую гимназию № 17 в 1905 г., в 1910 г. курсы иностранных языков; с 1918 по 1 августа 1919 г. работала преподавателем немецкого языка в одной из трудовых школ, с 1919 по 1923 г., до сокращения, состояла заведующей информационно-статистическим подотделом Центрархива. В 1924 г. временно работала в Русском музее, с 10 июля по 1 октября 1925 г. состояла временным сотрудником в Архиве АН СССР, там же значилась в должности научного сотрудника 2 разряда с 1 октября 1925 г., архивистом с 1 октября 1929 г., научным сотрудником 1 разряда с 10 июля 1932 г. С 16 июня 1935 г. была утверждена в должности ученого архивиста и заведующей читальным залом Архива. Исполняла обязанности ученого секретаря Архива АН СССР в августе–сентябре 1937 г. С 1943 по 1951 г. являлась заместителем директора Архива АН СССР.

13. Лосева Ирина Сергеевна (1904, Москва — ?), училась в Высшем литературно-художественном институте им. В.Я. Брюсова, в 1-ом Московском университете по специальности «литературоведение». В 1931–1935 гг. состояла ученым секретарем Комиссии по базам АН, с 1935 г. — научный сотрудник 1-го разряда Архива АН СССР, затем ученый архивист и и.о. ученого секретаря.

14. Модзалевский Лев Борисович (1902, Санкт-Петербург — 1948), литературовед-пушкинист, библиограф, архивист, доктор филологических наук. С 1919 г. работал в АН СССР, с 1925 по 1948 г. являлся ученым архивистом, с 1933 г. по совместительству работал в Институте русской литературы АН, в 1943 г. был назначен заведующим Рукописным отделом института.

15. Орбели Татьяна Константиновна (1904, Буинск — 1942), с 15 января 1941 г. состояла в Архиве АН СССР в должности младшего ученого архивиста, жена академика И.А. Орбели.

16. Петрова Тамара Давыдовна (1915, Санкт-Петербург — ?), с 1932 по 1941 г. являлась научно-техническим сотрудником Архива АН СССР.

17. Свикуль Антонина Петровна (1901, Санкт-Петербург — ?), работала в Архиве АН СССР с 1919 по 1929 г. в должности уборщицы, затем — научно-технического сотрудника. Эвакуирована с 5 августа 1942 г. С 8 июля 1944 г. была зачислена на должность младшего научного сотрудника.

18. Стулов Петр Михайлович (1899, Пермь — 1942), ученый архивист Архива АН СССР с 1931 г. по 12 марта 1942 г.

19. Зарегистрирован в учетных документах Архива АН под № 301. В 1960 г. был передан на хранение в Русское географическое общество.

20. Черников Александр Митрофанович (1907, Орел — 2002), с 1930 по 1941 г. состоял научным сотрудником Архива АН СССР, после демобилизации, с 1960 по 1963 г., работал ученым секретарем Архива.

21. Корявов Петр Николаевич (1905, Москва — ?), выпускник литературного факультета Смоленского университета. С 1936 по 1941 г., затем с 1944 по 1972 г. работал в Архиве АН СССР младшим, затем старшим научным сотрудником, с 1951 г. состоял заместителем директора Архива, а после реорганизации учреждения в 1963 г. был назначен на должность директора.

22. Урманчеева Ханифя Батрахановна (1915, д. Айбура — 2005), жена К.И. Урманчеева. С 25 августа 1941 г. по 8 февраля 1942 г., до эвакуации в Мордовию, на родину мужа, работала в Архиве АН СССР истопницей.

23. Модзалевская Наталия Николаевна (1905, Санкт-Петербург — 1989), с 1942 г. по 1 мая 1946 г. ученый архивист Архива АН СССР, жена Л.Б. Модзалевского.

24. Фомин Александр Антонович (1902 — ?), уполномоченный Президиума АН СССР по Ленинградским учреждениям с января по июль 1942 г.

25. Ручьевская Елизавета Яковлевна (1887, Царское Село — ?), в 1942–1946 гг. младший научный сотрудник Архива АН СССР, в 1950 г. состояла в Архиве временным сотрудником.

26. Петерсон Мария Петровна (1876, Санкт-Петербург — ?), с 1942 по 1949 г. состояла младшим научным архивистом, старшим научно-техническим сотрудником Архива АН СССР.

Список источников и литературы:

1. Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 1220 с.
2. СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 404.
3. Тункина И.В. Академические архивисты и ленинградские ученые в годы блокады // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. Санкт-Петербург, 2011. С. 79–91.
4. СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 399а.
5. Прохоренко Н.С. Ирина Сергеевна Лосева, ученый секретарь Архива АН СССР в предвоенные и военные годы // Миллеровские чтения–2018: преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: материалы II международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д.и.н. И.В. Тункина. Санкт-Петербург, 2018. С. 124–137.
6. СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 438.
7. СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 465.
8. СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 94.
9. СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 85.
10. Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов. Т. 2 / под ред. Г.А. Князева и Л.Б. Модзалевского. Москва; Ленинград: Издательство Акад. Наук СССР, 1946. (Труды Архива. Вып. 5).

KRAPOSHINA N. From the History of Awarding the Personnel of the USSR Academy of Sciences Archive with the Governmental Award “For the Defense of Leningrad”

Kraposhina Natalia — senior researcher

St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. e-mail: ranarc@mail.ru

ABSTRACT

The article deals with the documents on the personnel of the Archive of the Academy of Sciences from the period of the blockade of Leningrad, related to the history of awarding employees of the institution with the honorary award “For the Defense of Leningrad”. The author provides biographical information on the scientific and working activities of archivists who preserved the documentary heritage of the Academy of Sciences during the Great Patriotic War.

Keywords: medal “For the Defense of Leningrad”, G.A. Knyazev, personnel of the Archive of the Academy of Sciences.

Д.А. Клименко

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРИОД БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Клименко Диана Артуровна — библиограф

Научная библиотека Российской академии художеств, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: dianklim@ya.ru

АННОТАЦИЯ

Приводится историческая справка о работе Научной библиотеки Академии художеств во время Великой Отечественной войны. Дается характеристика направлений библиотечной работы. Также говорится о том, что работники библиотеки были задействованы в общих работах по Академии художеств и по городу. О признании высокой оценки трудов сотрудников библиотеки говорят награды — медали «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», полученные работниками Академии и библиотеки.

Ключевые слова: Научная библиотека Академии художеств, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда.

Работа Научной библиотеки Академии художеств не прекращалась на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. Руководителем библиотеки в годы войны была Ю.П. Алехнович. Ее заместителем являлась Н.Е. Белоутова. Сотрудниками библиотеки в начале войны, помимо Ю.П. Алехнович и Н.Е. Белоутовой, были Е.Л. Бенуа, В.Б. Ечеистова, О.Е. Заровская, А.И. Исаченко, А.Э. Овандер, Т.И. Друзина, Г.В. Иванов [5, с. 6].

Во второй половине 1942 г. в библиотеке остались три сотрудника: Ю.П. Алехнович, Н.Е. Белоутова и технический работник О.Е. Заровская. А.Э. Овандер погибла в первую, самую тяжелую блокадную зиму [5, с. 6; 8, с. 86]. Ее память увековечена в «Альбоме памяти погибших в дни блокады Ленинграда преподавателей и служащих Всероссийской Академии художеств», подготовленном при участии сотрудников Научной библиотеки [2]. Е.Л. Бенуа и В.Б. Ечеистова в 1942 г. были эвакуированы в Узбекскую ССР, А.И. Исаченко в том же году покинула библиотеку по состоянию здоровья [8, с. 86]. Т.И. Друзина перешла на другую работу [4, с. 36].

Вопреки всем обстоятельствам, по словам Н.Е. Белоутовой в статье о работе НБ АХ в годы войны, библиотека продолжала жить и расти: осуществлялся прием читателей, фонды пополнялись новой литературой и эстампами, подбирался материал по запросам и темам художественного и оборонного характера, разрабатываемым художниками и научными работниками Ленинграда и фронта [4, с. 75].

Как и в довоенное время, продолжали посещать библиотеку работники музеев, архитекторы, художники, сотрудники Управления по делам

Рис. 1, 2. Альбом памяти погибших в дни блокады Ленинграда преподавателей и служащих Всероссийской Академии художеств. Фото обложки и фото А.Э. Овандер

искусств и охране памятников Государственной инспекции по охране памятников (ГИОП), представители преподавательского состава, оставшиеся в блокадном Ленинграде, студенты Академии, приезжавшие с фронта [5, с. 3]. В частности, студент-дипломник факультета живописи В.В. Зимин, будучи проездом в Ленинграде, передал свои рисунки на хранение в библиотеку [9]. Издание фронтового дневника В.В. Зимины с его рисунками есть в собрании Научной библиотеки Российской академии художеств [7].

В 1941 г. неподалеку от помещения библиотеки расположился военный госпиталь, ввиду чего бойцы Красной Армии получили право пользоваться фондами библиотеки. Были разработаны правила, по которым заводился специальный формуляр. Библиотека ежедневно выдавала литературу с 14 до 18 часов, требовала аккуратности обращения с книгами. Одновременно красноармейцы могли получить не более двух изданий (одно — художественное, второе — общественно-политическое или научно-популярное) [5, с. 2–3; 6, с. 69]. Свыше 1000 книг были выданы в передвижки воинским частям, передвижным фондом снабжалась и пожарная команда Академии [3, с. 136].

С 23 июля 1941 г. были введены ночные дежурства сотрудников для охраны фондов в случае повреждения здания Академии во время вражеских налетов. И с этого же дня велась общая тетрадь со сведениями о дежурстве. Производилась регулярная убор-

ка помещений (в том числе после повреждений здания). Помещения, шкафы, книги, каталоги регулярно просматривались и проветривались с целью предупреждения появления сырости. Прекратилось отопление, не стало освещения, но работа не останавливалась. Для зимних условий была оборудована теплая комната для работы сотрудников библиотеки и читателей. Она отапливалась чугунной печкой. Это была единственная комната с уцелевшим окном (оно выходило во внутренний двор). С наступлением темноты зажегся светильник. Электрическое освещение появилось только весной 1943 г.

Рис. 3. Коллекционерский альбом фотографий Академии художеств в годы блокады, выполненных С.Г. Гасиловым. Заседание Государственной инспекции по охране памятников с сотрудниками АХ по вопросам сохранения архитектурных сооружений и художественных ценностей в условиях войны и блокады Ленинграда в зале Щуко в 1942 г.

Внутри библиотека устраивала выставки произведений отдельных художников в сотрудничестве с музеем АХ и ГИОП. В помещении библиотеки в 1942 г. проходило заседание Государственной инспекции по охране памятников с сотрудниками Академии художеств по вопросам сохранения архитектурных сооружений и художественных ценностей в условиях войны и блокады Ленинграда (в зале Щуко). Библиотекари подбирали книги для освобожденных районов страны и для Красного уголка Академии. Проводились лекционные занятия среди бойцов Красной Армии. [1; 4, с. 36–38, 75–76; 5, с. 1–7; 6, с. 68–74; 8, с. 83–89]. Помимо этого, предоставлялся книжный и иллюстративный материал (во временное пользование) частям Красной Армии, госпиталям, заводам Ленинграда, на выставки. В мае 1943 г., в связи с 240-летием Ленинграда, были подобраны издания о городе для выставок в Ленинградской государственной академической филармонии, на заводе им. Сталина, на молочном заводе № 3.

Велись текущие внутренние работы. Производилась обработка книг и эстампов (инвентаризация, шифровка, каталогизация). Осуществлялась библиографическая деятельность, ориентированная на военное время — составление картотеки материалов по маскировке города и

Рис. 4. Коллекционерский альбом фотографий Академии художеств в годы блокады, выполненных С.Г. Гасиловым. Группа сотрудников Академии художеств, переживших весь период блокады в Ленинграде, в кабинете истории искусств накануне возвращения Академии из эвакуации. 1944 г. Сидит в 1-ом ряду слева — Н.Е. Белоутова. 4-я справа — Ю.П. Алехнович, ребенок рядом — будущая сотрудница НБ АХ Л.И. Чулкова

его объектов совместно с военными специалистами. Библиотека приняла на хранение книги других структурных подразделений Академии, эвакуированных профессоров и некоторых студентов. На все собрания были сделаны описи и книги хранились в пакетах с именами владельцев. После окончания войны книги были возвращены владельцам. Осуществлялось комплектование фондов — материалами снабжал коллектор Ленокогиза, Московский коллектор научных библиотек, Всесоюзная книжная палата, покупались книги в антикварных магазинах, была приобретена библиотека художника-графика Д.И. Митрохина и др. В 1943 и 1945 г. Ю.П. Алехнович выезжала в командировку в Москву для налаживания контактов по комплектованию и выписке иностранных книг через объединение «Международная книга». С 4 апреля 1944 г. библиотека получала обязательный экземпляр изоматериала из Всесоюзной книжной палаты. Фонды были не только полностью сохранены, но и увеличены на 7000 книг и 2000 эстампов. Таким образом, в тяжелых военных условиях велась полноценная библиотечная работа.

Помимо непосредственной библиотечной работы сотрудники были задействованы в общих работах по Академии художеств и по городу, например, в работах по очистке города, заготовке дров. Ю.П. Алехнович и Н.Е. Белоутова состояли в командах МПВО Академии, проходили сборы при районном штабе, были командирами отделений (Н.Е. Белоутова исполняла обязанности начальника санитарного звена Академии, пред-

седателя комиссии по работе академической столовой и др.) [4, с. 38; 5, с. 11–12]. Силами очень малого количества сотрудников поддерживалась служебная дисциплина. По словам Н.Е. Белоутовой, о признании высокой оценки трудов говорят награды — медали «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1], полученные тремя названными выше сотрудниками библиотеки.

Список источников

1. Гасилов С.Г. Академия художеств в годы блокады: альбом фото коллекционерский. Ленинград: Фотолаборатория Академии художеств, 1984. 57 отд. л. фото в папке.
2. Альбом памяти погибших в дни блокады Ленинграда преподавателей и служащих Всероссийской Академии художеств. Ленинград: Фотолаборатория Академии художеств СССР, 1985. 11 л., 31 л. фот.
3. Беляев Н.С. История Научной библиотеки Российской академии художеств (1757–2000). Санкт-Петербург, 2005. 182 с.
4. Беляев Н.С. Хранители Библиотеки муз: биографии сотрудников Научной библиотеки Российской академии художеств / под ред. И.В. Селивановой. Санкт-Петербург, 2005. Вып. 2. 112 с.: ил.
5. Библиотека Российской Академии художеств в период блокады Ленинграда: краткий историко-библиографический очерк / сост. и авт. вступ. ст. Н.С. Беляев. Санкт-Петербург: НБ РАХ, 2001. 24 с.: ил.
6. Виттенбург Е.П. Научная библиотека Академии художеств за годы Советской власти: очерк / отв. ред. А.Ф. Белоголовцев. Ленинград, 1970. 134 с.
7. Зимин В.В. Художник на войне: фронтовой дневник и рисунки В.В. Зимина / авт.-сост. С.П. Ярков. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1990. 207 с.: 137 ил., фронт.-портр.
8. Манаева А.В., Щурская Т.Ю. Научная библиотека Российской Академии художеств в годы Великой Отечественной войны // Библиотеки блокадного Ленинграда: сборник статей / сост.: Ж.Н. Малахова, И.Е. Климова. Санкт-Петербург, 2019. С. 82–89.
9. Молодость, опаленная войной, 1941–1945. Художники Российской Академии художеств в годы Великой Отечественной войны на фронте и в тылу: выставка: путеводитель. Санкт-Петербург, 1995. 2 с.

KLIMENKO D. The Scientific Library of the Russian Academy of Arts during the Great Patriotic War and the Siege of Leningrad

Klimenko Diana — bibliographer

Scientific Library of the Russian Academy of Arts, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: dianklim@ya.ru

ABSTRACT

Here is a historical reference about the Scientific Library of the Russian Academy of Arts activities during the Great Patriotic War. In the reference is described the directions of library activities. Besides, the reference tells that library workers took part in general work at the Academy of Arts and Leningrad. Medals given “For the Defense of Leningrad” and “For Valiant Labor in the Great Patriotic War 1941–1945” talk about recognition of the high appreciation of employees’ work.

Keywords: Scientific Library of the Russian Academy of Arts, Great Patriotic War, siege of Leningrad.

УДК 023
ББК 78.33

М.Ф. Парыгина, Л.Н. Нефедова, И.В. Трапезникова

БИБЛИОТЕКА ЛЕНИНГРАДСКОГО ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Парыгина Марина Феликсовна — заведующий Отдела Библиотеки Академии наук при Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lib1@mail.ioffe.ru, marparyg@mail.ru

Нефедова Людмила Николаевна — главный библиотекарь Отдела БАН при Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lib2@mail.ioffe.ru

Трапезникова Инна Владимировна — ведущий библиотекарь Отдела БАН при Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: itrapez@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена деятельности библиотеки Ленинградского Физико-технического института (ФТИ им. А.Ф. Иоффе) в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено судьбам самоотверженных библиотекарей, сохранивших фонды библиотеки института в блокадном Ленинграде и в эвакуации.

Ключевые слова: научная библиотека ФТИ им. А.Ф. Иоффе, Библиотека Академии наук, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда.

Огромный вклад в победу в Великой Отечественной войне и послевоенную мощь страны внесли институты Академии наук СССР, включая ленинградский Физико-технический институт. Беспримерна деятельность Ленинградского филиала ФТИ в блокадном Ленинграде. В предвоенные годы шло бурное развитие научной мысли, исследования, начатые в те годы, сыграли ключевую роль в помощи фронту и тылу — разработки ленинградских ученых позволили сохранить от разрушения Ленинград и спасти жизни многих ленинградцев благодаря «Системе ЛФТИ», «Препарату П» и многим другим.

Накануне войны, 21 июня 1941 г. коллеги, включая большую группу физтеховцев, чествовали академика Н.Н. Семенова в связи с присуждением ему Сталинской премии за выдающиеся достижения в области химической физики, в числе которых было открытие цепных реакций, за которое через 15 лет он получит Нобелевскую премию по химии. Также в газете «Правда» от 22 июня 1941 года сообщалось о большом успехе ученых ЛФТИ, завершивших строительство самого крупного в Европе циклотрона, для которого было закуплено оборудование. Но начавшаяся война изменила все планы [1].

Эвакуация научных и учебных учреждений, осуществлявшаяся с первых дней войны, стала частью общегосударственного плана по спасению людских, материальных и научных ресурсов. В числе первых ученых, вывезенных из Ленинграда, были те, кто мог сразу включиться в производство военной техники, совершенствовать ее технологии. В конце ию-

ля — начале августа 1941 г. из Ленинграда были эвакуированы только крупные научные учреждения, такие как Физико-технический, Радиевый, Государственный оптический институты, Институт химической физики, Лесотехническая академия, Химико-технологический институт и др. [2].

До войны в ЛФТИ был большой по тем временам штат — 325 человек (из которых 23 — доктора наук, около 80 человек — научные сотрудники и аспиранты), всего 18 научных лабораторий. В первые ме-

сяцы войны на фронт ушли добровольцами и по призыву 130 человек. После эвакуации части подразделений в Казань, в Ленинградском филиале ФТИ осталось 103 человека во главе с «блокадным директором» П.П. Кобеко [3].

8 сентября 1941 г. с потерей Шлиссельбурга началась 900-дневная блокада Ленинграда. На первом этаже главного здания ЛФТИ появились амбразуры дотов, на втором разместили воинскую часть, на крыше циклотрона — пункт МПВО.

В опустевшем институте были организованы новые подразделения, при этом лаборатории переименованы в мастерские (это давало возможность сотрудникам в блокаду получать рабочие карточки на питание): по очистке масел и бензина (производство пищевых масел из олифы, красок и мыла по технологии, разработанной профессором П.П. Кобеко — «эликсира жизни» как важной добавки к блокадному рациону); селеновых выпрямителей и диэлектриков; по производству гидрофобной земли для предотвращения размывания земляных укреплений дождями; мастерские особого назначения (по размагничиванию кораблей); спецмастерская по глушению радиопередач и другие [4].

В ЛФТИ были сделан ряд важных открытий, приблизивших победу в войне:

1. Создание приборов ночного вождения (видения), а также высокопрочной брони для защиты танков — изобретения, сыгравшие ключевую роль в битве на Курской дуге.

2. Размагничивание корпусов кораблей и подводных лодок (работы по этой тематике велись с 1939 г., и за три года было создано научное руководство по эксплуатации и испытано устройство для размагничивания кораблей — «Система ЛФТИ», работу по созданию которой возглавлял А.П. Александров). Испытания велись на Онежском озере, внедрялись на базах Балтийского, Северного, Черноморского и Тихоокеанского флотов. Эта система помогала эффективно бороться с магнитными минами,

Рис. 1. Группа физиков ЛФТИ во главе с П.П. Кобеко (в центре)

Рис. 2. Дорога жизни

которые использовал противник, и после внедрения «системы размагничивания» ни один советский корабль больше не пострадал от магнитных мин.

3. Создание импульсной системы радиолокационного обнаружения самолетов (исследования были начаты в 1934 г.). Импульсные РЛС сыграли огромную роль в годы войны — особенно при защите Москвы и Ленинграда, давая полчаса для приведения в боевую готовность ПВО. В Ленинграде для ускорения передачи данных от операторов РЛС в штаб ПВО впервые использовалось телевидение.

4. Создание высокочастотных кабелей на основе электроизоляционного материала эскапона, который предложили на замену полистиролу, до войны закупавшемуся в Англии. Изготовление кабеля для зенитных установок на основе разработок физтеховцев П.П. Кобеко и Н.М. Рейнова осуществлялось на заводе «Севкабель» в блокадном Ленинграде с 1942 г.

4. Создание «прогибографа» — прибора, сделавшего возможным перемещение автомобилей по «Дороге жизни». Этот прибор помогал рассчитывать скорость и дистанцию, с которыми колонны автомашин могли двигаться по льду Ладожского озера. Благодаря этим приборам движение по «Дороге жизни» было возможно даже при толщине льда всего 10 см.

5. Антигангренозный «Препарат П» — антибактериальный препарат, применявшийся для лечения газовой гангрены. Он был разработан в ЛФТИ совместно С.Е. Бреслером (Казанская группа ФТИ) и М.В. Гликиной (ленинградский филиал ФТИ). «Препарат П» помог снизить смертность от анаэробной инфекции в два раза и показал лучшие свойства по сравнению с пенициллином, закупленным СССР у союзников [5].

Все эти и многие другие открытия были бы невозможны без работы библиотеки Физико-технического института и самоотверженных библиотекарей, не оставлявших свой пост ни на один день.

До войны штат библиотеки состоял из пяти человек — заведующего библиотекой, старшего библиотекаря, библиотекаря первого разряда, библиотекаря второго разряда и технического сотрудника. К 1942 году в штате остались только заведующая библиотекой и старший библиотекарь (два сотрудника были эвакуированы, один человек умер). Заведующей библиотекой Физико-технического института тогда была Екатерина Андреевна Княжецкая. Она возглавляла библиотеку до августа 1943 г. После этого и до октября 1944 г. библиотекой заведовала Наталия Федоровна Шишмарева, которая провела всю блокаду в осажденном Ленинграде, жила и работала в институте. Также в библиотеке трудились Евгения Николаевна Боброва и Елена Ивановна Гусенкова [6].

Сегодня мы хотим особенно уделить внимание этим самоотверженным библиотекарям, сохранившим и преумножившим фонд нашей библиотеки.

Екатерина Андреевна Княжецкая (урожд. Баумгардт; 1900–1986) родилась в г. Россиены Ковенской губернии в семье банковского служащего. Позже с семьей переехала в Петроград.

В 1918 году после окончания гимназии Екатерина Андреевна поступила на историко-литературное отделение Педагогического института, однако вынуждена была оставить учебу, чтобы содержать больного отца, мать и младшую сестру. С 1918 года работала статистиком в карточном бюро Продовольственного управления в Петрограде. В 1920 г. вышла замуж. Ее муж, Михаил Николаевич Княжецкий, в 1925–1930 гг. работавший в Публичной библиотеке, увлекался чтением и книжным делом, имел собственное собрание книг, рукописей, документов, гравюр. В 1928 году Княжецкая поступила на Высшие курсы библиотековедения при Государственной Публичной библиотеке. Впоследствии заведовала библиотеками Финансовой академии, Ленинградского гидротехнического института, библиотекой гидротехнического факультета Индустриального института. С 1934 г. заведовала библиотекой ЛФТИ. В 1943–1944 гг. работала по совместительству в РНБ, участвовала в создании коллекции «Ленинград в годы Великой Отечественной войны». На протяжении многих лет (с 1936 по 1951 год за исключением военных лет) в «Журнале технической физики» под редакцией Княжецкой ежемесячно печаталась библиография новейшей русской и иностранной специальной литературы.

После войны Е.А. Княжецкая продолжила работу в БАН в Научно-библиографическом отделе, увлеклась географией, при подготовке библиографического указателя «Западный Узбой» (1956 г.) сделала несколько важных открытий, получивших признание со стороны профессиональных ученых-географов. Действительный член РГО с 1954 г. Главной темой исследовательских интересов Княжецкой стали русские географические открытия XVIII века, в основном Петровской эпохи, картография этого периода [7], [8].

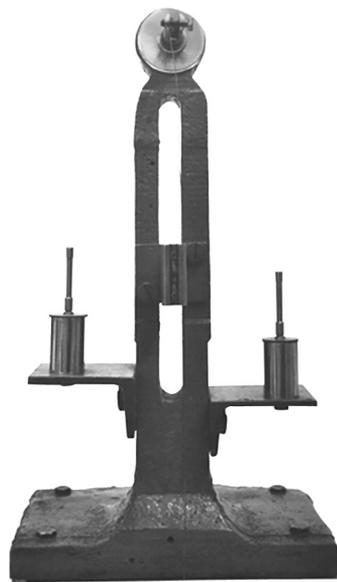

Рис. 3. Прогибограф

Рис. 4. Сотрудники Библиотеки ленинградского Физико-технического института (Е.А. Княжецкая, Н.Ф. Шишмарева, Е.И. Гусенкова, Е.Н. Боброва, М.Н. Коновалова, Е.И. Бородатова)

Старший библиотекарь Наталья Федоровна Шишмарева провела всю блокаду в Ленинграде, жила и работала в институте. Она выполняла заявки читателей, вела работу с фондом. В военной обстановке осажденного города, в условиях суровой зимы 1941 г. Н.Ф. Шишмарева не только сохранила книжные богатства библиотеки ФТИ, но и спасла фонд соседней библиотеки Института химической физики.

Наталья Федоровна Шишмарева (1884–1968) окончила историко-филологический факультет Высших женских Бестужевских курсов. Владела немецким и французским языками. В 1930-е гг. пришла работать в библиотеку ФТИ из Публичной библиотеки. Вела раздел «Библиография и рефераты» на страницах «Журнала технической физики», выполняла переводы научных статей по запросам читателей. Сотрудница БАН с 1 мая 1945 г. Работала заведующим отделом, старшим библиографом в отделе БАН при ФТИ. Имела многочисленные благодарности, награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». О Н.Ф. Шишмаревой отзывались как о работнике высокой квалификации [9].

Евгения Николаевна Боброва (1892–?) также проработала всю блокаду в осажденном Ленинграде. С 1911 г. занималась преподавательской деятельностью и воспитательной работой. В 1937 г. окончила Политико-просветительский институт им. Н.К. Крупской по специальности «Библиотекведение». С октября 1930 г. по май 1945 г. заведовала сектором (тогда кабинетом) художественно-политической литературы библиотеки ЛФТИ. В 1942 г. дирекцией института Бобровой была поручена заготовка дров для отапливания здания ФТИ, и она обеспечила институт топливом больше чем на год. С мая 1945 г. переведена в штат БАН в качестве заведующей отделом художественно-политической литературы отдела БАН при ФТИ. Была награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [10].

В годы Блокады в библиотеке трудилась и Елена Ивановна Гусенкова (1912–?). В 1934 г. она окончила высшие библиотечные курсы при Государственной Публичной библиотеке, затем пришла на работу в научную библиотеку ЛФТИ. Уволилась Гусенкова в 1942 г. в связи с эвакуацией, затем вернулась в библиотеку после войны (в июне 1945 г.), впоследствии возглавила библиотеку Института физики полупроводников, основанного А.Ф. Иоффе в 1954 г. [11].

В архиве нашего отдела сохранилась докладная записка в Библиотеку Академии наук СССР заведующей Научной библиотекой ЛФТИ Екатерины Андреевны Княжецкой от 1 сентября 1942 года о состоянии дел библиотеки Ленинградского Физико-технического института. Летом 1941 года при эвакуации института в город Казань была увезена и часть библиотеки, примерно половина ее состава — 7–8 тыс. томов. Оставшаяся часть состояла из всех русских книг, значительной части иностранных монографий и иностранной периодики, примерно до 1936 года (последние годы увезены в Казань). Оставшийся фонд находился в совершенно сохранном состоянии и хранился в шкафах. Состояние библиотечного помещения было удовлетворительное за исключением окон. Перед институтом упали 3 бомбы, и были выбиты целиком все рамы в библиотеке, их заделали фанерой. Стекол сохранилось только 6 штук [12].

Вот как вспоминал блокадные дни в библиотеке ФТИ старший научный сотрудник Ю.И. Коптев (1929–2022): «Все выбитые окна были заколочены фанерой, и, несмотря на холод, ни одна книга из библиотеки не пострадала, не попала в огонь. Их бережно хранили сотрудники. Сущим бедствием стали обнаглевшие от голода крысы. С ними шла ожесточенная война. Особенно физики боялись за библиотеку. Как бы ни сильны были морозы, ни одна рука не поднялась, чтобы сжечь книгу» [13].

В дни блокады Ленинграда научная библиотека ФТИ продолжала работать. Читателей было немного, однако выполнялись заявки, составлялись справки для нужд обороны, выдавалась литература в действующую армию (на Ленинградский фронт). Сохранились данные о задолженности читателей на 1942 год. Задолженность по библиотеке составляла 32 книги и 3 журнала (за призванными в ряды РККА осталось 12 книг, за эвакуированными 21 книга, за умершими 2 книги).

В годы войны в библиотеку поступала новая литература, в том числе и иностранная. Всего за годы войны поступило 847 книг (687 отечест-

В Библиотеку А.Н. СССР. 80

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О состоянии научной библиотеки Ленинградского Физико-Технического Института.

Летом 1941 г. при эвакуации института в г. Казань была увезена и часть библиотеки, примерно половина ее состава, т.е. 7-8 тыс. томов. Оставшаяся часть фонда состоит из всех русских книг, значительной части иностранных монографий, и иностранной периодики, примерно до 1936 г. (последние годы увезены в гор. Казань). Оставшийся фонд находится в совершенно сохранном состоянии и хранится в шкафах. Зимой 1941 г. библиотекой была организована перевозка библиотеки института химической физики, оставленной при эвакуации и находившейся в весьма плачевном состоянии. Библиотека перенесена в помещение Физико-Технического Института, где и хранится. Точного учета количества томов не произведено. Принятый фонд достигает примерно 7 тыс. т. т. и состоит кроме русских книг из иностранной периодики и иностранных монографий. В настоящее время библиотекой производится приемка Библиотеки Института Музыкальной Промышленности (Институт ликвидирован). После приемки этот фонд (4-5 т. т. томов) также будет храниться в помещении Физико-Технического Института.

Задолженность по библиотеке выражается в 32 книгах и 3 журналах.

Рис. 5. Докладная записка в Библиотеку АН СССР, 1942 г. (архив отдела БАН при ФТИ им. А.Ф. Иоффе)

венных и 160 иностранных), а также 58 журналов (47 отечественных и 11 иностранных). В ЛФТИ в 1941-1945 годах было защищено 38 диссертаций, из них 10 докторских и 28 кандидатских. Будущий директор института Б.П. Константинов в годы Великой Отечественной войны защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Без работы научной библиотеки ФТИ это было бы невозможно.

Зимой 1941 г. библиотекарями была организована перевозка библиотеки Института химической физики, оставленной при эвакуации и находившейся в весьма плачевном состоянии. Библиотека была перенесена в помещение одной из опустевших лабораторий. Вот как об этом вспоминала Наталия Федоровна Шишмарева (в нашем отделе хранится уникальный

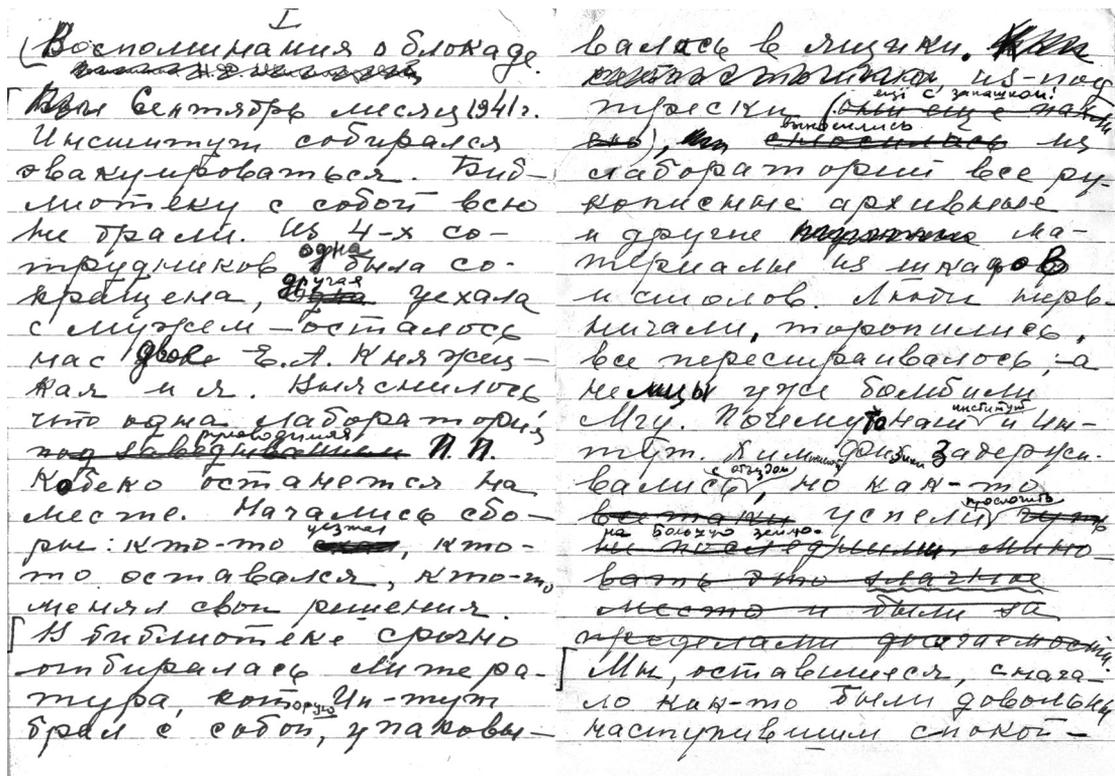

Рис. 6. Воспоминания Н.Ф. Шишмаревой

рукописный документ — ее воспоминания о блокаде): «Военные части расположились не только у нас, но и в Институте химической физики, и до нас докатился слух, что ценные справочники в толстых переплетах пошли на отопление. Екатерина Андреевна Княжецкая собрала бригаду из молодых лаборантов, соорудили салазки, погрузили на них книги и перевезли к нам. Целая большая лаборатория рядом с библиотекой была заполнена книгами до потолка. Позже, в 1942–43 гг., эта куча была разобрана мною [Шишмаревой] и приведена в порядок, а потом, кажется, в 1943, возвращено библиотеке Института химической физики. Еще позже оставшиеся дублиеты русских журналов взяла М.Л. Бубнова для И.В. Курчатова» [14].

Принятый фонд (примерно 7 тысяч томов) состоял, помимо русских книг, из иностранной периодики и иностранных монографий. Стоит отметить, что библиотека Института химической физики РАН была организована из фондов библиотеки ЛФТИ в 1937 году. В 1942 г. библиотекой также был принят фонд библиотеки ликвидированного Института музыкальной промышленности (4–5 тысяч томов).

Отдельная страница в истории ЛФТИ и библиотеки — эвакуация в Казань. Во время Великой Отечественной войны, в 1941 — 1-й половине 1942 г., в Казань была перебазирована значительная часть институтов Академии наук СССР — более трети ее научных сил. Казань стала наиболее крупным центром сосредоточения академических учреждений. Здесь работали 1884 научных сотрудника, в их числе 39 академиков и 44 члена-корреспондента (с семьями — около 5 тысяч человек). В августе 1941 г. в Казани обосновался Президиум АН СССР.

Рис. 7. Актальный зал Казанского университета, где жили ученые (дружеский шарж Я.И. Френкеля)

Был эвакуирован и ЛФТИ. Двумя эшелонами 8 из 18 лабораторий (около 70 сотрудников с семьями, а также оборудование и часть библиотечного фонда) во главе с академиком А.Ф. Иоффе были эвакуированы в Казань. Вместе с учеными других институтов Академии наук они расположились в помещении этнографического музея Казанского университета. В большой музейный зал втиснули несколько лабораторий, отделенных одна от другой фанерными перегородками, не доходившими до потолка. Уголок, отгороженный шкафами, стал кабинетом Я.И. Френкеля. По соседству двадцатидевятилетний физик-экспериментатор Г.К. Флеров собирал измерительную аппаратуру. Он готовился возобновить прерванные войной исследования нейтронов.

Яков Ильич Френкель (1894–1952) — советский ученый, физик-теоретик. С 1921 г. и до конца своей жизни Френкель трудился в Ленинградском физико-техническом институте. В годы Великой Отечественной войны Я.И. Френкель возглавлял кафедру физики в Казанском университете. В 1943–1944 гг. в Казани была написана широко известная монография Френкеля «Кинетическая теория жидкостей» [15].

В Казани продолжил начатые еще до войны опыты по исследованию цепных ядерных реакций на быстрых нейтронах И.В. Курчатов. Именно эти исследования стали впоследствии основой отечественной атомной промышленности. 28 сентября 1942 г. было издано распоряжение Государственного Комитета обороны № 2352сс «Об организации работ по урану». Этот день считается отправной точкой реализации советского «атомного проекта». Приказ по казанской группе ЛФТИ об образовании специальной лаборатории № 2 АН СССР был подписан А.Ф. Иоффе, лабораторию возглавил И.В. Курчатов. Позже, в послевоенные годы, лаборатория была преобразована в Институт атомной энергии Академии наук СССР (Курчатовский институт) [16].

В эвакуации своей библиотеки у Академии наук не было. Ее во многом успешно заменила Научная библиотека Казанского университета. Ученые Академии наук составили основной контингент читателей библиотеки, их обслуживание стало ведущим направлением в ее работе. Члены Академии наук сознавали значение библиотеки Казанского университета, ценили ее помощь ученым. Академия наук откликалась на нужды библиотеки, по мере своих возможностей помогала ей преодолевать производственные и бытовые трудности. Так, только с помощью Акаде-

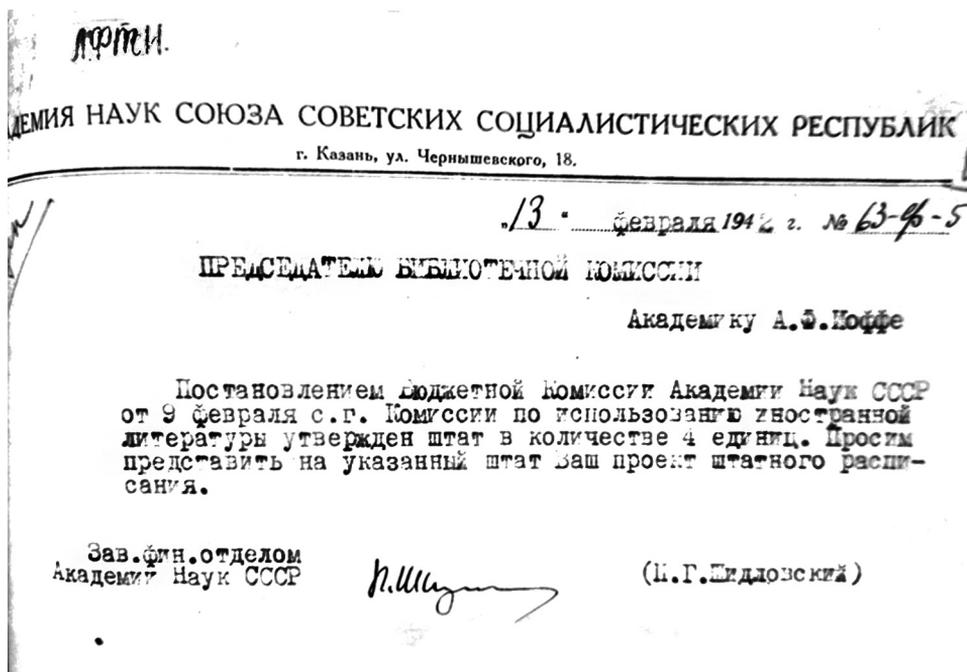

Рис. 8. Приказ А.Ф. Иоффе об утверждении штата научной библиотеки

мии наук удалось на несколько месяцев решить проблему организации питания сотрудников библиотеки. В то время читателями библиотеки были многие выдающиеся ученые: О.Ю. Шмидт, П.Л. Капица, А.Ф. Иоффе, Л.А. Орбели, В.Г. Хлопин, С.Л. Соболев, Н.В. Пигулевская, Д.С. Лихачев и многие другие.

В связи с тем, что ЛФТИ перевез значительную часть библиотечного фонда в Казань, библиотечным комитетом и академиком А.Ф. Иоффе был определен штат из четырех сотрудников для работы с иностранными изданиями. Известно, что библиотекарями Казанской группы ФТИ были Мария Никитична Коновалова, Екатерина Ивановна Бородатова и Ксения Николаевна Скалова [17].

Мария Никитична Коновалова (1908–1990) — библиотековед, историк библиотечного дела. Мария Никитична родилась в семье мелкого конторского служащего, в 1911–1922 гг. жила с родителями в Одессе, училась в гимназии, затем в советской средней школе. В 1922 г. Коновалова с семьей переехала в Петроград, где в 1926 г. поступила на литфак Высших государственных курсов искусствоведения при ГИИИ, которые окончила в 1930 г. по специальности «литературовед». Также окончила три курса ЛГУ (история искусств). С 1930 г. работала в различных библиотеках Ленинграда в должностях систематизатора-каталогизатора, заведующего библиотекой.

В 1942 г. М.Н. Коновалова была эвакуирована в Казань, где, после длительного лечения, заведовала библиотекой Физико-технического института (1943–1945). В марте 1945 г. возвратилась в Ленинград, проработала в библиотеке ЛФТИ до 1946 г. В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Вопросы общей методики предметизации книг: основные принципы и практика советских библиотек» в ЛГБИ им. Н.К. Крупской.

Перешла на работу в ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, где проработала до 1983 г. [18], [19].

Ксения Николаевна Скалова (в девич. Семенова; 1898–?) родилась в Царском селе в семье отставного офицера, позже чиновника, училась в женской гимназии в Самаре. Ксения Николаевна была младшей сестрой Николая Николаевича Семенова — известного русского и советского физико-химика, лауреата Нобелевской премии, одного из основоположников химической физики. Скалова обучалась на Высших женских курсах в Петрограде, позже училась в государственном университете на факультете общественных наук на общественно-педагогическом отделении. После окончания Петроградского/Ленинградского университета К.Н. Скалова служила библиотекарем, преподавателем русского языка и литературы, секретарем исторического факультета ЛГУ, заведовала кабинетом истории колхозного строительства, по совместительству преподавала историю на рабфаке Индустриального института. С 1938 г. поступила на должность научно-технического сотрудника в отдел Австралии и Океании в Кунсткамеру, где проработала до 1940 г. Участвовала в подготовке выставки к 50-летию со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны академик Н.Н. Семенов с семьей был эвакуирован в Казань, он сумел вывезти и сестру с сыновьями. В Казани она некоторое время служила в библиотеке ЛФТИ. После войны К.Н. Скалова вернулась в Ленинград, работала на кафедре новой и новейшей истории ЛГУ [20].

Екатерина Ивановна Бородатова (1902–1977) родилась в г. Галиче в семье служащего. С 1919 г. работала библиотекарем, а затем заведующей библиотекой в Галиче. С 1921 г. училась в Петрограде в Институте внешкольного образования, позже в Ленинградском государственном университете на педагогическом факультете. Работала в различных библиотеках г. Ленинграда (в т.ч. на заводе «Большевик»). В сеть специальных библиотек Академии наук СССР на должность старшего библиотекаря была зачислена в декабре 1943 г., проработала до марта 1945 г. После войны работала по специальности — преподавателем русского языка и литературы.

Вот как вспоминает эвакуацию в Казань заведующая музеем ФТИ Рената Федоровна Витман (дочь физика Ф.Ф. Витмана и Е.И. Бородатовой): «Физтеховцы обустроивались в Казани с конца лета 1941 года. А мы туда приехали осенью 1942 г., после демобилизации папы — Ф.Ф. Витмана — из армии. Искал его на фронтах войны, нашел и добился возвращения в науку академик А.Ф. Иоффе, так как перед войной папа занимался танковой броней, и надо было эти работы продолжить. Жилья не было, как у других сотрудников, и огородов тоже. Сначала мы жили прямо в Университете, в комнате, где была лаборатория прочности: днем ждали, а вечером снимали легкое оборудование со столов и стелили тюфяки прямо на деревянные столы. Спали. Утром освобождали помещение. Потом стали снимать жилье «за занавеской» на ул. Шапова. Жили на одну папину карточку вчетвером. Мама не сразу нашла работу, у нее было библиотечное образование, она устроилась в библиотеку ЛФТИ только в декабре 1943 года и проработала там до нашего возвращения в Ленинград в феврале 1945 года, то есть немногим больше года.

Библиотеке выделили место на первом этаже здания Университета, а напротив библиотеки, у больших окон, стоял огромный бак, из которого каждый мог взять кипяток. Этот бак кипятился целый день. Но работал он не на электричестве, а на дровах. Рядом с баком стоял огромный деревянный ящик со стружками, которые работник, ответственный за кипяток, периодически приходил и подбрасывал стружки и дрова в топку. Нам, детям войны, разрешали играть в коридорах Казанского университета, никто не гонял. Поскольку мама была рядом, я иногда забегала в библиотеку. Мамин стол стоял рядом с дверью, слева. Мы обменивались взглядом и словом, в основном, мама говорила: «Ты там не шали», и я опять убегала на свои гонки по коридорам Казанского университета. Детских книг в библиотеке было немного. Родители стояли в очереди (был список очередности) на большую желтую книгу Бориса Житкова «Что я видел». Нам она тоже досталась в соответствующий момент. Мне она понравилась, и я многое из нее помнила, когда выросла» [21].

Московские учреждения Академии наук были реэвакуированы в основном в мае — октябре 1943 г., ленинградские — позднее, в 1944 — начале 1945 г.

В честь великого научного подвига ученых АН СССР, их огромного вклада в оборону страны и Победу в мае 1985 г. в Казанском университете была установлена мемориальная доска.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников Академии наук СССР от 10 июня 1945 года значатся фамилии 44 сотрудников ЛФТИ. Пример ЛФТИ иллюстрирует огромный вклад, который внесли в героическую оборону города в 1941–1944 годах ленинградские ученые. А.Ф. Иоффе вспоминал: «С первых же дней отечественной войны ленинградские ученые отдали себя целиком служению обороне. Сотни изобретенных новых боевых средств посыпались из лабораторий и заводов ... Нигде и никогда я не видел таких стремительных темпов перехода научных идей в практику как в Ленинграде в месяцы войны ... Работа филиала (ЛФТИ), тесно связанная с требованиями Ленинградского фронта, дала много ценного и для обороны Союза в целом» [22].

Были отмечены наградами и библиотекари ЛФТИ. Е.А. Княжецкая спасла ценнейшее книгохранилище ЛФТИ и ЛИФХ, обслуживающие научно-исследовательские институты и Красную армию Ленфронта. За сохранение уникальной библиотеки получила благодарность Правительства и была премирована Президиумом Академии наук СССР. Награждена медалью «За Оборону Ленинграда».

Н.Ф. Шишмарева, несмотря на преклонный возраст, обеспечила нормальное обслуживание научной литературой оборонных учреждений и части Красной Армии Ленфронта. Имела награды — медали «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Е.Н. Боброва обслуживала пять оборонных институтов и три воинских части, вела большую работу по Месткому, Комсоду и Соцстраху, обеспечивала заготовку дров для ЛФТИ, была бойцом МПВО. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [23].

Заполнять четко и обязательно чернилами.

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА
представляемого к вручению медали „За оборону Ленинграда“

1. Фамилия Лия Жельская
 2. Имя и отчество Екатерина Андреевна
 3. Пол женский 4. Год рождения 1900
 5. Партийность сп 6. Национальность русская
 7. Место работы и занимаемая должность Криз. Метод. ин-т зав. научн. библ.
 8. Домашний адрес Дорога в Сосновку д 2
 Медаль вручена 28.05.1943 1943 г.
 № удостоверения к медали Е-09012

ЛФТИ-1

ЛТ УН 2. Взм. 1733

Рис. 9. Личная карточка представляемого к вручению медали «За оборону Ленинграда»

После войны часть эвакуированного фонда при возвращении из Казани была утеряна. Научная же библиотека ЛФТИ вошла в систему Библиотеки Академии наук СССР только после окончания Великой Отечественной войны, после возвращения ряда отделов ФТИ и части фонда библиотеки из эвакуации в Казань, в мае 1945 года.

Великая Отечественная война — это героические страницы истории СССР, истории ФТИ, судеб его ученых, инженерно-технических работников и рабочих. Великая отечественная война была выиграна не только на полях сражений и в тылу, но также в лабораториях и библиотеках.

Список источников

1. Забродский А.Г. Вклад ученых в Великую Победу на примере ЛФТИ // Успехи физических наук. 2013. Т. 183. С. 518–528.
2. Соснов А.Я. Память без aberrаций. Правда о войне живет в архивах // Поиск: еженедельная газета научного сообщества. 2020. 13 ноября. (№ 45–46). С. 18–19.
3. Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе. Краткая история в фотографиях и документах. Кн. 1: Эпоха Иоффе (1918–1950). Санкт-Петербург: ФТИ им. А.Ф. Иоффе, 2018. С. 137.
4. Трудный путь к Победе. Физтеховцы о днях войны. Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2012. С. 35.
5. Трудный путь к Победе... Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2012. С. 52.
6. Архив ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 16.
7. Архив ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 985.
8. Вахтина П.Л. Княжецкая Екатерина Андреевна // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 1–4 (Электронная версия). Url: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=980 (дата обращения: 20.01.2024).
9. Парыгина М.Ф. 100 лет Научной библиотеке Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе (отдела БАН при ФТИ). Основные исторические факты о становлении и деятельности Научной библиотеки ФТИ им. А.Ф. Иоффе за 100 лет // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 2023. Вып. 6. С. 10.
10. Архив ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 229.

11. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Кн. 1. Санкт-Петербург: Гуманистика, 2014. С. 208. (Великая Россия: российская биографическая энциклопедия. Т. 13).
12. Архив отдела БАН при ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Ф. 1. Л. 80.
13. Коптев Ю.И. Филиал ЛФТИ (1941–1945 гг.). 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2014. 141 с.: ил., портр.
14. Архив отдела БАН при ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Ф. 2. Л. 1.
15. Френкель В.Я. Яков Ильич Френкель. Москва; Ленинград: Наука, 1966. 473 с.: ил.
16. Кабилова А.Ш. Ленинград и Татарстан в годы Великой Отечественной войны: грани взаимодействия // Научный Татарстан. 2014. Т. 3. С. 37–47.
17. Архив ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 15.
18. Архив ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 1058.
19. Михеева Г.В., Науменко Г.Ф. Коновалова Мария Никитична // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 1–4 (Электронная версия). Url: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=2236 (дата обращения: 20.01.2024).
20. Шаскольская Т.И. К.Н. Скалова — сотрудник отдела Австралии и Океании // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. Санкт-Петербург, 2016. С. 145–150.
21. Архив отдела БАН при ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Ф. 2. Л. 5.
22. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 38. Д. 81.

PARYGINA M., NEFEDOVA L., TRAPEZNIKOVA I. Library of the Leningrad Physical-Technical Institute (The Ioffe Institute) during the Great Patriotic War

Parygina Marina — head of branch of Russian Academy of Sciences Library at Ioffe Institute

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lib1@mail.ioffe.ru, marparyg@mail.ru

Nefedova Lyudmila — chief librarian of Russian Academy of Sciences Library at Ioffe Institute,

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lib2@mail.ioffe.ru

Trapeznikova Inna — senior librarian of Russian Academy of Sciences Library at Ioffe Institute

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: itrapez@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the activities and work of the Leningrad Physical-Technical Institute of the Russian Academy of Sciences (The Ioffe Institute) library during the Great Patriotic War. The authors paid special attention to the fortunes of librarians whose selfless service preserved the collections of the Institute library in Leningrad during the Blockade and in the evacuation.

Keywords: scientific library of the Ioffe Institute, Russian Academy of Sciences Library, Great Patriotic War, siege of Leningrad.

УДК 023
ББК 78.33

Е.В. Шепелева

СОХРАНЕНИЕ ФОНДОВ БИБЛИОТЕКИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Шепелева Елена Владимировна — главный библиотекарь отдела БАН при Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: chepeleva@kunstkamera.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории библиотеки Института этнографии в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. В основу легли архивные документы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук и Архиве Библиотеки Российской академии наук.

Ключевые слова: Библиотека Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера), Библиотека Российской академии наук, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., блокада Ленинграда, Роберт Исаакович Каплан-Ингель, Мария Александровна Магнус.

Тема истории Библиотеки Академии наук (БАН) и библиотек при академических институтах во время Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда не теряет своей актуальности.

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) и Архиве Библиотеки Российской академии наук хранятся дела, связанные с работой Института этнографии: приказы, акты и докладные записки, документы по хозяйственной деятельности, которые являются интересными источниками для изучения истории нашей библиотеки. Также немаловажную роль в раскрытии темы имеют документы эпистолярного жанра: письма и записки. В академических архивах найдены новые материалы по этой тематике. На их основе подготовлена данная статья.

На 22 июня 1941 г. в библиотеке Института этнографии АН СССР (далее ИЭ) работали: заведующий библиотекой и одновременно заведующий кабинетом Европы института, член-корреспондент Академии наук Дмитрий Константинович Зеленин (находился в штате ИЭ); Елена (Эмма) Маврикиевна Кубиш — старейший сотрудник ИЭ и библиотеки, которая работала практически с момента ее основания; Мария Леонидовна Бутник-Сиверская (Каненберг, Грузинская). Также из Библиотеки академии наук СССР (далее БАН), после неоднократных обращений Д.К. Зеленина об увеличении штата, за месяц до начала войны — 13 мая 1941 г. была переведена для работы с систематическим каталогом Нина Павловна Шастина [1, л. 10]. Работу курьера МБА и уборщицы выполняла служащая ИЭ Мария Васильевна Евстратова.

В Архиве БАН хранится отчет библиотеки Института этнографии за первое полугодие 1941 г., написанный Д.К. Зелениным. Из него следует, что на 21 июня 1941 г. фонд составляли 41 207 ед. книг, журналов,

атласов, словарей на русском, европейских и восточных языках, языках народов СССР и 1444 ед. газетного фонда.

За первое полугодие 1941 г. (до 21.06.41 г. включительно) поступило 959 книг; обработано — 1007 книг; влито карточек — 2433 [1, л. 13–13 об.]. Если принять во внимание, что до середины мая всю библиотечную работу выполняли всего два сотрудника и заведующий, то мы видим, насколько велик объем выполненной работы.

С июля 1941 г. началось свертывание экспозиций и подготовка к эвакуации музейных коллекций, научных рукописных материалов, редких книг. В СПбФ АРАН сохранились чертежи для изготовления ящиков с размерами для каждого отдела. Также указана смета и исполнитель.

Наиболее ценные издания и реальный каталог библиотеки были упакованы в ящики. Всего было подготовлено 25 ящиков с 951 библиотечной ед. [2, л. 11]. Однако с началом блокады Ленинграда эвакуация стала невозможной. Поэтому музейные экспонаты и библиотечные книги предполагалось передать на хранение в Эрмитаж.

Из архивных документов следует, что по акту № 618 от 1 октября 1941 г. из ИЭ в Эрмитаж для временного хранения передано 90 ящиков музейных предметов 1-й очереди, с описью на 213 страницах. Ящики через Республиканский (ныне Дворцовый) мост перевозились на подводах. Еще 35 ящиков перевезли 10 октября, на них также существовал акт № 621 от 15 октября 1941 г., но пока его обнаружить не удалось. По сообщениям Р.И. Каплан-Ингеля, всего на хранение в Эрмитаж было передано 125 ящиков с коллекциями.

Библиотечные книги были поставлены во 2-ю очередь. Они вместе с музейными предметами были перемещены в Круглый зал первого этажа и на третий этаж ИЭ — на галерею. Все ящики были промаркированы. После оборудования подвальных помещений под бомбоубежища и хранилища часть наиболее ценных изданий библиотеки — более 2 тысяч единиц — и музейные предметы в октябре 1941 г. были туда спущены.

Одно из бомбоубежищ располагалось в подвале восточного крыла — для горожан, другое (№ 1) — в подвале здания, направо от входа со стороны Таможенного переулка, под отделом Сибири (сейчас это зал Америки). Наружные окна в этих помещениях были заложены кирпичом и оштукатурены. Работа по свертыванию экспозиций, коллекций и книг была закончена к 24 октября 1941 г.

Большая часть библиотечного фонда была оставлена в помещении книгохранилища. Книги, находящиеся в рабочих кабинетах, возвращены в библиотеку. Одним из подтверждений о проделанной работе является отчет старшего библиотекаря БАН Марии Александровны Магнус: «Книжное имущество расставлено в порядке в помещении библиотеки в шкафах и на стеллажах» [3, л. 255 об.].

Надо отметить, что к 1 июля 1942 г. в библиотеке не осталось никого из сотрудников. Уже 1 сентября 1941 г., когда в городе начались сокращения, в числе 17 человек из БАН была уволена по сокращению штатов с предписанием сдать продовольственные карточки Мария Леонидовна Бутник-Сиверская, которая к этому времени проработала в библиотеке ИЭ шесть лет. 11 октября 1941 г. заведующего библиотекой Дмитрия Константиновича Зеленина вывезли на самолете в Самарканд [4, л. 106].

15(?) декабря 1941 г. умерла Елена Маврикиевна Кубиш «вследствие тяжелых условий блокадного времени». [4, л. 107]. Она всю жизнь прослужила в музее и ее имя помещено на мемориальной доске среди имен погибших в блокаду сотрудников института. 1 июля 1942 г. Нина Павловна Шастина уволилась «в связи с переходом в Институт востоковедения АН» [5, л. 44] (впоследствии она стала известным ученым-монголоведом). В библиотеке ИЭ Н.П. Шастина проработала 1 год и 2 месяца.

30 июля 1942 г. по распоряжению Ленинградского Административно-хозяйственного Управления Академии Наук СССР (ЛАХУ) библиотека ИЭ была законсервирована, но фактически продолжала функционировать. Фонды постоянно проверялись как сотрудниками БАН, так и сотрудниками института, о чем свидетельствуют акты об обследовании библиотеки. Вопросы сохранности коллекций регулярно рассматривались на совещаниях и в ИЭ, и в БАН. Библиотека ИЭ была единственной из 12 филиальных библиотек, в которой не было библиотекаря. За сохранность книжных фондов отвечали сотрудники ИЭ, оставшиеся в Ленинграде: уполномоченный по ИЭ, архитектор Роберт Исаакович Каплан-Ингель; за ящики с книгами, хранящимися на первом этаже — научный сотрудник отдела Сибири Валентина Васильевна Антропова; за фонды библиотеки — научный сотрудник отдела Европы Мария Давыдовна Торэн. От БАН наблюдением занимались заведующая Ленсетью спецбиблиотек АН СССР Эмилия Аркадьевна Козак и старший библиотекарь Мария Александровна Магнус.

В отчете о работе специальных библиотек Ленсети АН СССР за 1942 г. говорится: «Работа специальных библиотек в 1942 году проходила в тяжелых условиях, связанных с блокадой нашего города. Отсутствие света и тепла, выбитые стекла в рабочих помещениях Институты и библиотек делают труд работников спец. библиотек очень тяжелыми. <...> С наступлением теплых дней 1942 года в жизни Институты начинается оживление и развертывание научной работы» [3, л. 234].

В октябре 1942 г. особо ценные книги, которые были спущены для хранения в подвал в октябре 1941 г., были подняты на верхние этажи, т.к. «высокое стояние грунтовых вод создало большую плесень на стенах подвального помещения и более 2000 библиотечных единиц были подняты в верхние этажи, где в специально созданных условиях книги подверглись просушке и протирке и были спасены от порчи» [3, л. 179].

4 августа 1943 г. Р.И. Каплан-Ингель, Э.А. Козак и М.Д. Торэн составили акт о том, что: «1. Проветривание уникальных и особо ценных книг, перенесенных из помещения бывшей Разборочной в помещение бухгалтерии (во 2 эт.) и кабинета Европы (в 3 эт.), производится надлежащим образом и в подходящих помещениях. 2. Книги, находящиеся в помещении библиотеки, хранятся надлежащим образом, а помещение освещено и содержится в чистоте и порядке» [6, л. 152].

После просушки издания было решено расставить в шкафах круглого зала на первом этаже, закрыть на ключ и опечатать. В СПбФ АРАН хранится составленный летом 1943 г. Р.И. Каплан-Ингелем «Список ценных книг, убранных в шкафы круглого зала 1-го этажа». В списке указаны шифры всех книг, хранящихся в конкретных шкафах, всего 1905 книг и 16 пакетов.

Из «Краткой объяснительной записки» Роберта Исааковича от 15 апреля 1943 г. следует, что в октябре 1942 г. часть ящиков была перенесена на первый этаж. Во время трех аварий в январе и феврале 1943 г. ящики выдержали без вреда для своей сохранности напор взрывной волны и удары летящих осколков стекла, дерева, штукатурки. Из «Дислокационного плана», составленного 15 июня 1943 г., мы можем увидеть, что ящики с книгами располагались под сводами зала Северной Америки, сейчас это зал с экспозицией Японии.

Также велась работа по возврату книг, находящихся на абонементх читателей и других библиотек. В годовом отчете о работе Библиотеки за 1942 г., который составила 30 декабря 1942 г. Мария Александровна Магнус, написано: «Библиотекой была проведена большая работа по возврату книг. Возвращено читателями, кабинетами Института и другими библиотеками — 743 книги; не возвращено читателями по иным причинам — 587 кн[иг]». И далее она подробно раскрывает эти «иные причины»: «Эвакуировано — 28 чел[овек] — 221 кн[ига]; В Красн[ой] Армии — 5 [человек] — 8 [книг]; Умерло — 16 [человек] — 79 [книг]; Нет сведений — 8 [человек] — 14 [книг]; За научн[ыми] сотр[удниками], находящимися в Ленинграде — 3 [человека] — 20 кн[иг]. Итого — 60 чел[овек] — 342 кн[иги]. Задолженность других библиотек — 245 кн[иг]» [3, л. 255].

Из расписки, составленной Магнус: «Для составления годовых отчетов по библиотеке Института Этнографии мною взято из шкафа А (библиотека) пачка № 1 с отчетами» [7, л. 1]. Раньше шкафы имели буквенную и цифровую нумерацию; старые этикетки сохранялись на шкафах вплоть до последнего ремонта.

В 1942 г. проходила эвакуация из Ленинграда большой группы научных сотрудников. В воскресенье 12 июля 1942 г. в 4 часа дня по приказу по ИЭ за № 72 выехали в эвакуацию 11 сотрудников через Казань в Ташкент, куда прибыли 2 ноября 1942 г.

В этот же день, 2 ноября 1942 г., в Ленинграде прошло совещание у уполномоченного по ленинградским учреждениям М.Е. Федосеева об отправке ящиков с книгами и вещами «на Восток». Для научной работы сотрудников института в эвакуации составлялись списки книг, упаковывались и переупаковывались ящики с подготовленными книгами. Это объясняется отсутствием транспорта для эвакуации. Яркой иллюстрацией этого служит объяснение М.Е. Федосеева: «Ботанический подготовил к отправке столь значительное количество ящиков, что для других институтов в одном пудмановском вагоне, предоставленном Академии наук для перевозки груза и других материалов, места не оставалось». Ящики отправились в эвакуацию только 31 мая 1943 г. [4, л. 109 об.] после телеграммы академика Н.Г. Бруевича М.Е. Федосееву.

В Ташкенте эвакуированные сотрудники института жили на ул. Пушкинской, д. 31 (здание балетной школы имени Тамары Ханум), комната 14–15. Прикомандированный к Институту истории материальной культуры (ИИМК) историк Борис Александрович Романов в своем письме из Ташкента в 1942 г., обрисовывая условия жизни ленинградских ученых в «Ханум», рассказывал, что внизу располагались институтские комнаты «и два этажа с дортуарами на 10–15 персон обоего

пола, с детьми всех возрастов. <...> В дортуарах недостаточный верхний свет, кровати на фу-фу; гвоздики на стенке <...> Уборная в нижнем этаже — коллективный нужник. Умывальня — одна для женщин, одна для мужчин. <...> Ни минуты уединения и покоя» [8, с. 314–315]. На втором этаже располагалась библиотека с читальнями, книги можно было выписать по межбиблиотечному абонементу. Из письма Евгении Эдуардовны Бломквист — этнографа, слависта, американиста, сотрудницы ИЭ, от 17 ноября 1942 г. из Ташкента в Ленинград: «Сговорились завтра с Верой Борисовной идти к ним в читальню, смотреть каталоги последних поступлений в библиотеке ООН в Москве. Вера Борисовна [Ечеистова] уже орудует вовсю (как библиотечный работник ИИМКа, организовала межбиблиотечный обмен <...>) А в комнате ИИМКа так устроено: с 9 часов до 3 — читальня, с 3 до 6 — толкучка, все приходят и разговаривают, а с 6 до 9 вечера опять читальня» [8, с. 125].

В ИЭ заведующей библиотечным абонементом была младший научный сотрудник группы Австралии и Океании Юлия Михайловна Лихтенберг. Именно ей в Ташкент из столицы Кара-Калпакской АССР г. Нукуса Евгения Эдуардовна Бломквист прислала заказную бандероль. Эта бандероль, представлявшая собой книгу с почтовыми надписями на обложке, без всякой упаковки в ноябре 1943 г. преодолела путь в 810 км. Весной 1945 г. сотрудники ИЭ привезли ее в Ленинград. В фонде Библиотеки сохранена данная книга.

В СПбФ АРАН обнаружен «Список книг и научных материалов для Е.Э. Бломквист». Теперь мы знаем содержимое ящика № 361 [7, л. 21]. Это 12 книг по американистике на английском и немецком языках американских антропологов, специалистов по коренным народам Америки Кларка Висслера, Роберта Лоуи и немецкого географа и этнолога Роберта Гребнера. В ящик № 358 с научными материалами была вложена книга «Языки и письменность народов Севера. Часть 3: Языки и письменность палеоазиатских народов» (М.; Л., 1934). Ящики были подготовлены для отправки в Ташкент (по некоторым данным, требующим дальнейшего исследования, ящики с этими материалами все же не были туда отправлены).

Книги для работы высылались также в Москву для московской части института. Названия книг известны. 28 июня 1944 г. директор БАН Иннокентий Иванович Яковкин дал разрешение на одну из таких отправок: «Уполномоченному по институту этнографии Каплан-Ингель Р.И. <...> Библиотека Академии наук СССР сообщает, что она 1) считает возможным высылку книги Marquart'a, необходимой С.П. Толстову» [9, л. 55].

Это книга немецкого историка и востоковеда Йозефа Маркварта «Коллекция Бенина из Имперского этнографического музея в Лейдене», изданная в Лейдене в 1913 г. размером: 33x29 см. [10]. Книга была возвращена из Москвы в библиотеку.

Весной 1944 г., с наступлением сухих и солнечных дней, ящики с книгами с первого этажа были перенесены в помещение библиотеки для их вскрытия и расстановки на места. 26 июня началось перемещение книг, находящихся в шкафах первого этажа. Активное участие в этой работе принимали отвечавшая за библиотеку Мария Давидовна Торэн и вернувшийся из эвакуации Дмитрий Алексеевич Ольдерогге.

2 августа 1944 г. в штат БАН главным библиотекарем, заведующим библиотекой ИЭ был зачислен Иван Афанасьевич Дыщенко [11, л. 66] — специалист по этнографии Могилевской губернии, член ВКП(б), педагог, инвалид II группы. Он принял 12 августа от Торэн библиотеку ИЭ. 10 августа 1944 г. в библиотеку ИЭ из БАН была переведена Мария Александровна Магнус.

Были заделаны дыры в крыше, окна частично застеклены. После этих работ приступили к окончательной разборке книг и расстановке их по полкам. В сентябре 1944 г. был организован читальный зал, установлена витрина с новинками последних поступлений, повешена карта фронтов Великой Отечественной войны и открыт абонемент. В 1945 г. в институте был восстановлен библиотечный совет.

Библиотека вместе с ИЭ приняла участие в юбилейной выставке к 220-летию АН СССР, которая открылась 28 июня 1945 г. в пяти залах музея и явилась значимым событием в жизни всей страны. Для библиотеки были оборудованы стенды в зале № 3 (Ротонда), где была организована выставка печатных работ по этнографии, рукописей сотрудников Института.

Список источников

1. Архив БАН. Ф. 158/1. Оп. 3. Д. 183.
2. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 37.
3. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 28.
4. СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 6. Д. 134.
5. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1942). Д. 2.
6. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 29.
7. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Д. 23.
8. «...Твои письма — документ забываемого времени»: из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист, 1942–1945 // СПбФ АРАН. Санкт-Петербург: Реноме, 2013.
9. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3 (1944). Д. 3.
10. Marquart, Jos. Die Benin-Sammlung des Reichsmuseums für Völkerkunde in Leiden. Beschrieben und mit ausführlichen Prolegomena zur Geschichte der Handelswege und Völkerbewegungen in Nordafrika. Leiden: E.J. Brill, 1913. 16, 132 p. (Veröffentlichungen des Reichsmuseums für Völkerkunde in Leiden, Serie 2, № 7).
11. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 10.

SHEPELEVA E. Preservation of the collections of the Library of the Institute of Ethnography during the Great Patriotic War

Shepeleva Elena — Chief Librarian

Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia, e-mail: chepeleva@kunstkamera.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the history of the Library of the Institute of Ethnography during the Great Patriotic War and the Blockade of Leningrad. It based on archival documents stored in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Archive of the Russian Academy of Sciences Library.

Keywords: Library of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences Library, Blockade, Robert Isaakovich Kaplan-Ingel, Maria Alexandrovna Magnus.

А.В. Панеях

БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ В ГОДЫ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Панеях Алла Викторовна — заведующий отделом «Научная библиотека»
Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: biblioteka.mir@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Музей истории религии был образован в 1931 г. в системе Академии наук СССР и являлся академическим учреждением до 1961 г., после чего был переведен в ведение Министерства культуры СССР. Научная библиотека музея являлась филиалом Библиотеки Академии наук СССР. В статье на основании архивных документов рассказывается о работе библиотеки в годы Ленинградской блокады, о мерах по защите и сохранности книжных фондов.

Ключевые слова: Музей истории религии, научная библиотека Музея истории религии, Библиотека Российской академии наук, блокада Ленинграда, сохранение книжных фондов, Гаркави Любовь Моисеевна (1894–1962), Ечеистова Вера Борисовна (1880–1962).

Музей истории религии (МИР) был образован в 1931 г. в системе Академии наук СССР, 15 ноября 1932 г. он был торжественно открыт в здании Казанского собора. Музей задумывался как единый многофункциональный организм, призванный не только хранить и представлять памятники мировой истории и культуры, но и заниматься всесторонним изучением религии как одной из форм общественного сознания. С момента открытия и до наших дней музей сохраняет статус ведущего отечественного центра по изучению религии во всем многообразии ее исторических форм. Научная библиотека музея является самым крупным собранием книг по истории религии и религиоведению в России, ее фонды насчитывают около 210 000 единиц хранения и включают много редких изданий и ценных коллекций.

Библиотека начала создаваться буквально с первых же дней основания самого музея. В рабочий план на 1931–1932 гг. сразу же была включена организация научной библиотеки на пять — пять с половиной тысяч томов и составление библиографий по основным темам и отделам экспозиции музея [1]. Созданию научной библиотеки придавали большое значение. Было решено не ограничиваться текущим комплектованием, а развернуть обширную собирательскую деятельность. В 1932 г. от имени дирекции были посланы официальные письма в ведущие учреждения (музеи и библиотеки) с просьбой передать книги по истории религии и атеизма в МИР.

Книжные фонды сложились из разных источников: приобретенных или подаренных личных библиотек отечественных историков и религиоведов; изданий, которые поступили из закрытых в 1930-х гг. монастырей, семинарий и церквей; профильной литературы, переданной из других музеев и обменных фондов крупных библиотек, а также прекративших

свою деятельность библиотек общественных, религиозных и государственных учреждений (Императорского Православного Палестинского Общества, 1882–1918; Святейшего Синода, 1721–1917; Архиепархиальной римско-католической духовной семинарии, 1879–1917; Центрального антирелигиозного музея в Москве, 1926–1937). Для отбора книг организовывались экспедиции в республики СССР, крупные и небольшие региональные краеведческие музеи и библиотеки, велась обширная переписка и книгообмен. Литература поступала часто не напрямую в музей, а сложными путями, меняя по несколько раз владельцев. Первичный же фонд библиотеки МИР составила литература из Обменного фонда Библиотеки Академии наук СССР (БАН). Поскольку библиотека музея, наряду с другими библиотеками при академических институтах, входила в состав специальных библиотек Ленсети БАН, то привлечение к работе штатных и внештатных сотрудников, организация хранения, учет и документация, комплектование текущее и ретроспективное, отчетность и планирование осуществлялось под руководством БАН.

С 1936 г. библиотекой МИР стала заведовать Любовь Моисеевна Гаркави (1894–1962). Она родилась в г. Слоним Гродненской губернии в 1894 г. В 1912 г. окончила Женское коммерческое училище в Минске и в 1915 г. переехала в Петроград. После окончания в 1929 г. Высших курсов библиотековедения при Государственной Публичной библиотеке она с 1 февраля 1930 г. начала работать в БАН, где и прослужила 33 года. После войны она окончила Государственный библиотечный институт им. Н.К. Крупской по специальности «библиография» [2, с. 162–163]. С 10 декабря 1935 г. Л.М. Гаркави была направлена на работу в библиотеку МИР на должность старшего библиотекаря, а затем исполняла обязанности заведующей библиотекой. Она хорошо знала немецкий и еврейский языки, читала и переводила с французского, английского и украинского языков. Ей непродолжительное время помогала Надежда Алоизовна Берг (Холмогорова-Берг), работавшая в должности библиотекаря 2-го разряда. Она трудилась в музее по договорам с октября 1933 г. по январь 1934 г., затем до 1941 г. — в БАН на разных должностях и была уволена по сокращению штатов [2, с. 72]. Сокращение в первые месяцы войны коснулось многих сотрудников библиотеки. По распоряжению Президиума Академии наук штат БАН вместе с Ленсетью был сокращен до 150 человек (вместо 262 человек). Из этого количества за первую зиму Великой Отечественной войны библиотека потеряла почти 50% служащих — к лету 1942 г. по штатному списку БАН вместе с Ленсетью числилось уже только 82 сотрудника [3, л. 24–25].

Незадолго до начала Великой Отечественной войны — в 1940 г. библиотекой МИР была проделана большая работа по документальной сверке фонда по инвентарным книгам. Велась работа и по другим направлениям: была разработана новая схема систематического каталога для статей из периодических изданий (6 ящиков), было описано 5 000 журнальных статей. В частности, был расписан журнал «Антирелигиозник» за 1926–1933 гг. и газета «Безбожник», большинство карточек сопровождалось аннотациями. В 1941 г. планировалось переработать каталог на монографические издания, и уже было отредактировано 2 ящика литературы по христианству и католицизму. Продолжалось комплектование фондов и

восполнение лакун. Так, в 1940 г. через БАН было куплено 643 книги, получено по обязательному экземпляру 256 ед. и приобретено за валюту 34 иностранных издания. Но самую большую часть поступлений — 1792 ед. — составила обработка нешифрованного фонда. Эти книги и журналы были получены в результате планомерной собирательской деятельности сотрудников музея, способствующих пополнению фонда редкими и ценными изданиями прошлых лет.

Известно, что было получено 250 книг XVIII в. из Синодальной библиотеки. За год было организовано 30 выставок новых поступлений. Активно использовали межбиблиотечный абонемент, из БАН и других библиотек приносили книги, необходимые сотрудникам. В переплет было отдано 900 книг. Библиотека МИР продолжала вести библиографическую работу. Были составлены списки и подобрана литература к докладам, сделанным научными сотрудниками музея на сессиях АН СССР. Была составлена картотека на лакуны многотомных изданий, которую передали для пополнения в обменный фонд БАН. Как следует из отчетов, библиотекой МИР велась большая и разнообразная деятельность, которую планировалось продолжить и в 1941 г. [4].

К началу 1941 г. книжные фонды библиотеки МИР составляли 15 492 ед. и включали русские, иностранные книги и периодику. Из них были обработаны, внесены в инвентари и каталоги 13 387 ед., необработанными оставались 2105 ед. [5]. В первый же день Великой Отечественной войны музей был объявлен как находящийся на «угрожаемом положении». Большинство сотрудников музея были мобилизованы, оставшиеся поддерживали сохранность музейных коллекций, дежурили на крыше собора, тушили зажигательные бомбы. На первый план вышли задачи сохранности музейных и книжных фондов. В первый же месяц войны, в июле 1941 г. заведующая библиотекой Л.М. Гаркави предприняла ряд мер: в первую очередь были отобраны редкие издания и запакованы в два больших и один стандартный ящики под номерами 18, 19, 22. Туда были сложены наиболее ценные иностранные книги и некоторые русские, которые могли понадобиться для работы сотрудникам в эвакуации, всего примерно 1 000 ед. [3, л. 22]. Уже 5 сентября 1941 г. на директорском совещании в БАН заведующей Ленсетью К.И. Гусак было поручено выявить в подведомственных библиотеках наличие ценных изданий и присоединить их к готовящимся к эвакуации материалам из фондов БАН.

Однако эвакуация музейных коллекций и книжных фондов так и не была проведена. Все предметы, упакованные в ящики, хранились всю войну на нижних этажах Казанского собора. Остальная литература оставалась расставленной в шкафах в двух больших комнатах библиотеки. Музей в годы блокады продолжал работать несмотря на то, что большая часть сотрудников находилась на фронте. После первой блокадной зимы 1941 г. в живых осталось только трое научных и несколько технических сотрудников.

Военные, отправляясь на фронт, проходили маршем мимо Казанского собора и останавливались у памятника М.И. Кутузову. В 1942 г. была открыта для публичного осмотра могила Кутузова, расположенная в помещении музея. За 1943 г. могилу Кутузова и экспозицию музея

посетило 12 142 бойца Ленинградского фронта и жителя города. Сохранилась книга отзывов, где бойцы писали, что у могилы они клялись бить фашистских захватчиков. В колоннаде Казанского собора в конце июля 1941 г. была развернута под открытым небом выставка «Героическое прошлое русского народа и Отечественная война советского народа против фашизма». Группа ленинградских художников изготовила шесть крупноформатных панно («Русские воины-богатыри разбивают немецких псов-рыцарей на льду Чудского озера в 1242 г.», «Сдача Берлина победоносному русскому войску в 1760 г.», «Отступление армии Наполеона из России в 1812 г.», «На поддержку Красной Армии — могучее народное ополчение», «С удесятенной энергией работай для фронта», «Все на защиту Ленинграда») и три большеформатных портрета (И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, А.А. Жданова). В годы блокады сотрудниками музея было создано несколько выставок, посвященных военно-историческому прошлому нашего народа, проводились экскурсии. Также были организованы передвижные выставки в госпиталях и клубах [6].

Заведующая библиотекой Любовь Моисеевна Гаркави принимала активное участие в выставочной и информационно-библиографической работе музея. Для директора Ю.П. Францева она подбирала литературу к книгам, которые он писал: «Война 1812 года» и «Армия Гитлера — армия средневековья». Ряд журналов она просматривала *de visu*, например, «Военный сборник» за 1855–1917 гг., публикации по военному делу и военному искусству. Для второй книги Францева были просмотрены публикации по средневековому мировоззрению, методам ведения войны в средние века, суевериям и характеристикам немцев, их нравам и быту во время Тридцатилетней войны. Гаркави самостоятельно делала выписки из просмотренных книг, всего было сделано около листа печатных выписок [7, л. 260].

Работа Л.М. Гаркави получила высокую оценку в характеристике от 13 февраля 1942 г., где говорилось, что она «проявила себя способным, энергичным работником, умело организующим библиотечную и библиографическую работу на основе тематики данного учреждения, причем следует отметить ее непосредственное участие и большую активность в организации экспозиционной и выставочной работы, которую проводил Музей истории религии» [8, л. 14]. Кроме этого, она занималась реорганизацией справочно-библиографического аппарата библиотеки, редактированием систематического каталога по новой схеме классификации. С начала Великой Отечественной войны Л.М. Гаркави была зачислена в резерв группы самозащиты и имела пост в бомбоубежище. Она проводила беседы, читки газет и художественной литературы в госпиталях. Также она принимала участие в спасении частных книжных собраний в блокадном Ленинграде. Ей была вынесена благодарность от военного госпиталя № 1015 за внимательное индивидуальное обслуживание врачебного состава эвакогоспиталя и благодарность командующего Краснознаменным Балтийским флотом за организацию большой выставки книг по всем разделам Военно-морского флота — от Петровской эпохи до начала Великой Отечественной войны [8, л. 15, 17]. За работу в годы войны Л.М. Гаркави была награждена медалями «За оборону Ленинграда» (1944 г.), «За трудовую доблесть» (1945 г.), «За доблестный труд

в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946 г.) [8, л. 3–6, 12; 2, с. 162–163].

Вскоре после начала Великой Отечественной войны здание Казанского собора подверглось вражеским атакам. Так, 1 октября 1941 г. зажигательная бомба упала около здания музея. С июля по ноябрь было выбито 63 окна. В нескольких местах при артобстрелах была пробита крыша, разрушена кровля, повреждено 10 колонн, 5 ступеней и цоколь. Во время бомбардировки в 1942 г. часть стекол в помещении библиотеки была выбита и два стеллажа намокли под боковыми дождями и снегопадами. Большинство сотрудников музея ушли на фронт, но в читателях еще числились 8 человек.

Распоряжением по Ленинградскому отделению хозяйственного управления Академии наук СССР от 15 февраля 1942 г. за № 71–2 библиотека МИР была законсервирована [9]. В сентябре 1942 г. МИР получил распоряжение срочно перебросить книжные фонды в другое помещение. Вся библиотека была снята с полок, упакована и подготовлена к перевозке в БАН, но затем распоряжение о перемещении библиотеки было отменено, и перевозка книг не состоялась. В январе 1943 г. книжные фонды были вновь поставлены на свои прежние места. Количество читателей сократилось до трех человек. Комплектование было прекращено. Наблюдение за сохранностью книжных фондов было поручено заведующей библиотекой Л.М. Гаркави [7, л. 239]. С этого времени начались регулярные осмотры помещений библиотеки МИР. В объяснительной записке к отчету за 1-е полугодие 1943 г. о работе специальных библиотек Ленсети ставилась задача «сохранить книжные богатства своих библиотек, довести их без потерь и порчи до дней мирного, творческого труда послевоенного времени — задача, которая определяла работу законсервированных библиотек Ленсети». Эта незаметная, кропотливая работа требовала повседневной заботы и внимания к состоянию книжных фондов. Опыт хранения законсервированных библиотек показал, как необходимо постоянное и систематическое наблюдение за режимом хранения, правильное проветривание, изоляция книг от чрезмерной влажности, специальное устройство сквозняков [10]. В акте от 2 февраля 1943 г. зафиксировано: «Мы, нижеподписавшиеся, ст. библиотекарь Любовь Моисеевна Гаркави (зав. библиотекой), помощник директора МИР Анна Николаевна Полякова и комендант МИР Викентий Осипович Бискирский составили настоящий акт в том, что сего 2-го февраля нами были осмотрены места хранения библиотечных книг в Музее истории религии, при чем было установлено следующее: Основная часть книг находится в двух комнатах наверху. Двери закрываются на дверной замок. Выбитые окна заделаны фанерой, не имеют щели. Книги расставлены в форматном порядке на стеллажах и в одном закрытом шкафу. Нерасставленных книг нет. Внизу, в рабочем помещении библиотеки, находится часть книг (справочники, энциклопедии, библиографии и марксистко-ленинская литература) и периодика за последние два года, частично в перевязанных пачках. Книги находятся в шкафах, большая часть шкафов заперты (нет ключа на одной половине шкафа, стоящего в левой стороне, где находятся произведения тов. Сталина и иностранные произведения). Книги, приготовленные к эвакуации с июля месяца 1941 г., лежат

упакованные в трех ящиках (два больших и один маленький за №№ 18, 19 и 22), находятся в зале Музея. Списки на ящики хранятся в библиотеке вместе с папками переписки и комплектования. Карточки на эти книги (алфавитные и систематические) вынуты из общего каталога и стоят отдельно в начале каталога с соответствующим указанием. Каталоги библиотеки стоят в рабочей комнате. Каталогов два — алфавитный и систематический, кроме того есть систематический каталог на периодику и ряд картотек. Всего каталожных кубиков 4 (по 12 ящиков в каждом кубике). Книги в полном порядке и стоят перевязанные (их подготовили к перевозке в БАН во время предполагаемого переезда библиотеки музея в БАН). Есть небольшое количество нерасставленных карточек в А[лфавитный] К[аталог] и больше — в С[истематический] К[аталог]. Все карточки стоят в кубиках с соответствующими надписями. Большое количество нерасставленных карточек (около 3000) объясняется тем, что все эти материалы на книги, полученные из Синодальной библиотеки и требовали систематизации *de visu*, чего библиотека МИР не успела сделать, тем более, что схема по православию, куда относятся все книги, не была сделана. Инвентари библиотеки (в количестве 4-х книг), материалы русского и иностранного комплектования, схемы, отчеты хранятся в шкафу библиотеки (в рабочем помещении). Наблюдение за состоянием библиотечного фонда несет ст. библиотекарь Л.М. Гаркави, а в ее отсутствие ответственным за библиотечное имущество является А.Н. Полякова. Нешифрованные книги и дублиеты стоят в верхнем помещении с соответствующими надписями. Дверь рабочей комнаты библиотеки закрывается на французский замок. Ключи от библиотеки хранятся у помощника директора А.Н. Поляковой» [3, л. 3–3 об.].

Такие проверки состояния фондов законсервированной библиотеки МИР проводились регулярно, о чем составлялись акты похожего содержания. В начале 1944 г. осмотр производился не только сотрудниками МИР, но и представителями БАН из библиотек академических институтов. «Акт 5 февраля 1944 г. в г. Ленинграде мы, нижеподписавшиеся, Уполномоченный И[нститута] И[стории] М[атериальной] К[ультуры] С.А. Красковский, ст. науч. сотр. ИИМК В.А. Петров, зам. директора МИР А.Н. Полякова, зав. фондом МИР М. Францева, Уполномоченный З[оологического] ИН[ститута] Л.А. Портенко и гл. библиотекарь БАН Козак составили настоящий акт в нижеследующем: Нами были осмотрены фонды и библиотека МИР, размещенные в помещении бывшего Казанского собора, при чем обнаружено: Фонды упакованы в ящики, стоящие на полу основного помещения Собора, защищены от опадающей местами сверху известки фанерой и полотнищами; заноса атмосферных осадков на ящики не происходит. При осмотре содержимого одного из ящиков, вскрытого несколько месяцев назад для проверки состояния находящихся в нем книжных фондов, признаков повреждений не обнаружено. В комнате со справочной библиотекой и картотекой библиотеки МИР состояние хранимых объектов хорошее. На стеллажах библиотеки МИР, размещенной в надстройке правого крыла алтаря, бумага книг несколько влажновата на ощупь, но плесень обнаружена лишь на единичных кожаных корешках переплетов. В одном месте из щели зафанеренного окна на пол книгохранилища и угол стоящего здесь стеллажа

наносит снег. Во всем книгохранилище с потолка на верхний ярус стеллажей происходит сильная осыпь ямчуги [селитра, налет — А.П.]. Фонды утвари и старопечатных книг религиозного содержания, расположенные в помещении верхнего этажа Собора, совершенно сухи и никаких следов повреждений не несут. Общие выводы: Состояние фондов и книг в ящиках в комнате справочной библиотеки и картотеки и в помещении верхнего этажа хорошее: оснований для изменения условий хранения нет. В библиотеке состояние фондов удовлетворительное. Необходимо заделать фанерное окно, через которое в помещение заносит снег. Верхние ярусы стеллажей необходимо прикрыть фанерой или полотнищами, чтобы защитить книги от осыпающейся ямчуги» [11]. Библиотека МИР оставалась законсервированной до июня 1945 г.

Заведующая библиотекой Л.М. Гаркави весной 1944 г. была переведена в БАН на заведование справочным отделом. Летом 1944 г. заведовать библиотекой МИР на неполную рабочую неделю из БАН была направлена Вера Борисовна Ечеистова. Фактически она начала работать с июля и приходила только три раза в неделю. Остальные дни она продолжала работать в библиотеке Института этнографии АН СССР. Затем с 8 октября по 20 ноября она находилась в отпуске, и библиотека опять была закрыта. Ечеистова имела большой опыт библиотечной работы: с 1921 по 1936 г. работала в библиотеке Этнографического отделения Русского музея, затем в библиотеке Академии художеств, а с 1942 г. поступила на работу в БАН. Вскоре после этого она уехала в эвакуацию и вернулась в Ленинград вместе с учреждениями Академии наук [12].

В библиотеке МИР Ечеистова, в первую очередь, занялась приведением в порядок помещений, расстановкой книг, разборкой поступивших журналов и газет. Много времени отнимала работа по получению и возврату книг из других библиотек по МБА. Ей почти ежедневно приходилось ездить в БАН в связи с издательскими делами сотрудников музея, в том числе для сверки библиографических ссылок. В конце 1945 г. уже были подготовлены два списка для выписки иностранных монографий, возобновилось ведение инвентарей. В отчете за 1945 г. указано, что на 1 января 1946 г. в библиотеке числилось 14 388 ед., поступило 60 книг и 261 журнал. Вся литература обработана и расставлена [7, л. 77]. В рукописном плане на 1946 г. уже ставились задачи наладить комплектование фондов: просматривать выставки новых поступлений в БАН для отбора профильной литературы, каталоги антикварных книг «Академ-книга», иностранные справочники и картотеки в отделе иностранного комплектования БАН, выписать журналы на 1947 г. Планировалось обрабатывать поступившую литературу (150 книг и 160 журналов) и литературу из нешифрованного фонда (80 книг). В связи с издательскими планами музея библиотека должна была составить библиографию работ известного этнографа и лингвиста, первого директора музея В.Г. Богораза по вопросам религии. Также была поставлена задача полной проверки фонда с выявлением утраченных и незарегистрированных книг [7, л. 38–39].

Научная библиотека МИР за годы Великой Отечественной войны и ленинградской блокады полностью сохранила книжные фонды, не вывозя их в эвакуацию. Библиотека была законсервирована на три года

с 1943 по 1945 г., но за состоянием фондов велось регулярное наблюдение и предпринимались меры по их сохранности. Сразу же по окончании Великой Отечественной войны работа библиотеки была налажена в полном объеме.

Список источников

1. СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 2. Л. 5–6.
2. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Т. 1. Санкт-Петербург: Гуманистика, 2014. 568 с.
3. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 29.
4. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 97. Л. 1.
5. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 81. Л. 2.
6. Терюкова Е.А. Музей истории религии в годы Великой Отечественной войны // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 19. Санкт-Петербург, 2019. С. 65–78.
7. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 28.
8. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 1223.
9. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 5. Л. 105.
10. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 15. Л. 17.
11. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 8. Л. 10–10 об.
12. Ечеистова Вера Борисовна: биографическая справка // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 1–4 (электронная версия). Url: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1670#top (дата обращения: 11.12.2023).

PANEYAH A. Museum of the history of religion library during the blockade of Leningrad

Paneyah Alla — head of the Scientific Library Department
The Museum of the History of Religion, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: biblioteka.mir@gmail.com

ABSTRACT

The Museum of the history of religion (MHR) was established in 1931 in the system of the USSR Academy of Sciences and was an academic institution until 1961, after which it was transferred to the jurisdiction of the USSR Ministry of Culture. The Scientific library of the museum was a branch of the USSR Academy of Sciences Library. Based on archival documents, the article tells about the work of the library during the blockade of Leningrad, about measures to protect and preserve book collections.

Key words: Museum of the history of religion, scientific library of the Museum of the history of religion, Russian Academy of Sciences Library, blockade, preservation of book collections, Harkavy L.M. (1894–1962), Etsheistova V.B. (1880–1962).

Н.С. Беляев

ИЗ ИСТОРИИ ПОСТУПЛЕНИЙ В БАН ЛИЧНЫХ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: организация и деятельность академического Книжного фонда

Беляев Николай Сергеевич — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, заведующий Лермонтовским кабинетом отдела Библиотеки Российской академии наук при Институте русской литературы (Пушкинский Дом)

Библиотека Российской академии наук, Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: Belyaev_77@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Изучение истории Библиотеки Академии наук СССР (БАН) во время Великой Отечественной войны — одна из важнейших проблем отечественного библиотековедения. Существенный интерес для специалистов представляют вопрос пополнения фондов БАН личными собраниями в 1941–1945 гг., а также ранее не введенные в научный оборот архивные документы о деятельности академического Книжного фонда, организованного для сохранения научных библиотек.

Ключевые слова: Библиотека Академии наук СССР (БАН), личные библиотеки, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

В последние годы появилось немало публикаций в области изучения истории Библиотеки Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны, прежде всего, подготовленных ее сотрудниками Н.В. Бекжановой и А.А. Балакиной. В русле этого направления научной работы БАН было решено осветить еще один очень важный вопрос. Как известно, комплектование фондов является одной из первостепенных задач, стоявших перед академической библиотекой во время ленинградской блокады. Безусловно, особый интерес представляет ретроспективное комплектование — пополнение фонда личными собраниями [1, с. 451]. Позволим себе несколько расширить эту тему и включить в нее деятельность БАН по сохранению частных библиотек ленинградских ученых. Учитывая рамки настоящей статьи, большое внимание будет уделено практической стороне этого процесса. В качестве основы для настоящего исследования послужило объемное (около 250 листов) архивное дело, хранящееся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 158, оп. 3 (1941), д. 29), и состоящее в основном из документов об обследовании, оценке и приобретении БАН бесхозных библиотек.

В 1942 г. уполномоченный Президиума Академии наук СССР по ленинградским учреждениям профессор А.А. Фомин сделал, как тогда говорили, «предположение» о создании «мощного книжного фонда», куда бы поступали бесхозные книжные собрания. Оно было направлено на рассмотрение руководству Библиотеки Академии наук. Дирекция БАН подготовила довольно обширное обоснование проведения на практике этого мероприятия. Прежде всего, было несколько расши-

рено само понятие «бесхозной» библиотеки, в него включили и рукописные материалы (путевые записки об экспедициях, дневники, оконченные или незавершенные научные работы и т.д.) — все это по согласованию с Главным архивным управлением должно было быть передано в организуемый Книжный фонд. Под формулировкой «бесхозная библиотека» понимались следующие виды массивов печатных и рукописных документов: во-первых, конфискуемые по распоряжению соответствующих органов власти, во-вторых, «выморочные» — библиотеки, владельцы которых скончались, не оставив наследников.

Вполне справедливо, что Книжный фонд должен был обладать финансовыми возможностями для приобретения ценных собраний. Таким образом, создавался важный источник для ретроспективного комплектования не только системы академических библиотек, возглавляемой БАН, но и других крупных книгохранилищ страны, пострадавших от зверств фашистов.

К сожалению, действовавший в то время порядок в отношении к бесхозным библиотекам приводил к тому, что они поступали почти полностью в торговую сеть и только через магазины библиотеки могли приобрести необходимые им книги. БАН считал, что создание Государственного Книжного фонда в Ленинграде в системе Академии наук позволит решить эту задачу, сконцентрировав в одном месте руководство над всеми бесхозными библиотеками, в их число также попадали «неиспользуемые производительно их владельцами архивы, коллекции документов и печатных материалов, библиографических картотек». В распоряжение Государственного Книжного фонда передавались все дублетные и обменные фонды городских библиотек. Кроме того, Книжный фонд должен был заниматься охраной собраний ученых, уехавших из Ленинграда.

Все издания, поступавшие в Книжный фонд, инвентаризировались. В хранилище книги группировались в зависимости от их владельцев, после прохождения инвентаризации составлялись карточки с кратким библиографическим описанием и обозначением инвентарного номера. Весь каталог, их отражавший, строился в порядке инвентарных номеров.

Руководство Книжным фондом возлагалось на уполномоченного по Ленинградским научным учреждениям профессора А.А. Фомина, практической работой должны были заниматься Библиотека Академии наук и Архив Академии наук. Непосредственно в БАН был организован штат «специальных районных инспекторов». В реальности все сведения об утраченных библиотеках поступали ученому секретарю БАН, который передавал их ответственному работнику библиотеки — эмиссару по конкретному району города, действия которого также четко регламентировались, а сам он составлял отчет о своей работе (включавший следующие сведения: точный адрес, где находилась библиотека, краткая характеристика книжного собрания, наличие редких изданий и рукописных материалов, перечень предпринятых охранных мер).

В 1942 г. был разработан проект мандата для сотрудников БАН, занимавшихся бесхозными библиотеками. На его основании сотруднику поручалось производить обследование и принимать необходимые меры по охране книжных и рукописных собраний, оказавшихся без хозяина.

Уполномоченный сотрудник имел возможность не только их визуально осматривать, но и обладал правом наложения печати и принятия соответствующих мер к перевозке книг в помещение Академии наук.

Кроме того, был подготовлен проект акта, составляемого в присутствии управхоза с приведением полного адреса, где находилась бесхозная библиотека, указывалось даже, где конкретно размещались книги в квартире, их тематика и редкость, общее количество, наличие рукописного материала и картотек. После этого отобранные материалы закрывались на ключ и опечатывались. В акте лицам, «принявшим на себя хранение печати» объявлялось, что «в случае утраты или порчи книг, карт и каталогов данного собрания, они несут ответственность, установленную законом за утрату и повреждение имущества, которое судебные органы сдают на хранение» [2, л. 19]. Соответствующий акт подписывался сотрудником БАН и лицом, принявшим на себя хранение.

Примеры мандатов

8 мая 1942 г.

Мандат

Дирекция Библиотеки Академии наук СССР поручает главному библиотекарю тов. Данини С.М. и Библиотекаря II-го разр. спецхранения тов. Беликовой А.И. произвести прием и опечатание имущества и библиотеки члена-корреспондента Академии наук СССР В.В. Майкова.

Хранение имущества с копией акта Академии наук СССР поручает управхозу данного дома.

Пом. Директора Библиотеки Академии Наук СССР /Кондратьев/

Мандат

Дирекция Библиотеки Академии наук СССР поручает старшему библиотекарю Федорову Л.А. произвести прием и осмотр имущества библиотеки следующих лиц: Франковский А.А., Васильев А.А. и Билибин И.Я.

Хранение имущества с копией акта Академии наук СССР поручает управхозу.

Ученый секретарь БАН СССР /Г. Снимщикова/

Старший библиотекарь /О. Панько/

Мандат

Дирекция Библиотеки Академии наук СССР поручает главному библиотекарю тов. Винтергальтер Е.И. произвести прием и осмотр имущества в библиотеке следующих лиц: Голлербах, Гиппиус В.В. и Гиппиус А.В.

Хранение имущества с копией акта Академии наук СССР поручает управхозу.

Ученый секретарь БАН СССР /Снимщикова/

Старший библиотекарь /Панько/ [2, л. 76, 225, 226].

Существенно, что деятельность БАН в данном вопросе опиралась на официальные документы, главным из которых было специальное постановление Исполкома Ленгорсовета от 26 мая 1942 г. за № 68–30, на основании которого Библиотека Академии наук получила право распорядиться всеми выморочными библиотеками, а также возможность приобретения у частных лиц книг, представляющих научную ценность [2, л. 24].

Небезынтересно, что при Книжном фонде действовала Комиссия, ее участниками были Г.А. Князев, И.И. Яковкин, Г.Я. Снимщикова и др. В частности, на одном из заседаний комиссии Книжного фонда обсуждался вопрос о приобретении и охране частных собраний уезжавших

в эвакуацию ленинградских ученых. Как вспоминала Галина Яковлевна Снимщикова: «В апреле 1942 г. по инициативе БАН началась работа по сбору книг, подвергающихся опасности уничтожения. Сотрудники БАН на тележках свозили в специальное для того отведенное помещение книги из разбитых зданий, совершенно вымерзших квартир и т.д. <...> В распоряжение БАН для этой цели не было предоставлено ни специальных кадров, ни средств. Используя свой штат и экономию средств за первый квартал 1942 года, БАН удалось широко развернуть эту работу и за три месяца было собрано более ста тысяч книг <...> В общей сложности сотрудниками БАН было осмотрено более ста библиотек, из них 38 библиотек переведено в спецхранение» [2, л. 24]. И все же, несмотря на самоотверженные действия, по вполне очевидным причинам сотрудникам БАН не удалось выполнить эту работу в достаточной мере.

Существенно, что в 1942 г. БАН смог пополнить свои фонды ценным собранием академика С.А. Жебелева (около 5 000 ед., в основном это книги по языкознанию, истории религии, античности). Теперь оно является одной из жемчужин библиотеки Санкт-Петербургского института истории РАН. Уникальные книжные коллекции по изучению Азии академиков Ф.И. Щербатского и П.К. Коковцова (около 6000 ед.) оказались в Институте востоковедения / Институте восточных рукописей РАН. Именно благодаря самоотверженному труду сотрудников БАН удалось сохранить библиотеки семьи ученых Семеновых-Тян-Шанских, бывшего члена Государственной Думы В.В. Милютина. Только за один 1942 г. поступила в распоряжение БАН 21 личная библиотека. Именно в БАН на временное хранение в 1941–1943 гг. были переданы архивы ученых — А.П. Семенова-Тян-Шанского, С.А. Жебелева, Н.И. Малеина, Н.П. Полетики и др. — всего более 17 архивных фондов.

Поступления личных библиотек отражались в специальных документах, содержащих сводную информацию и распределенную по следующим графам: порядковый номер, ФИО владельца, ФИО лица, обследовавшего личную библиотеку, дата, «уплаченная сумма» (детализация — «выморочное», «хранение», выплаченная сумма, «охраняет ответственное лицо»), «судьба» владельца (умер, эвакуирован и т.д.), дата приемки фонда, дата наложения печати, примерное количество книг, наличие архивных материалов, отрасль знания (тематика личного собрания), кто продает (если совершается покупка).

Кроме того, составлялись списки с информацией о личных библиотеках ученых, эвакуированных из Ленинграда, с пояснением, кто конкретно осуществлял их охрану. Подобные списки дошли до нашего времени, в частности, по библиотекам Ленсети. Одновременно готовились перечни библиотек умерших сотрудников научных институтов, как, например, в ИРЛИ.

Сотрудники БАН после обследования частных собраний составляли довольно обширные специальные докладные записки — ныне важные свидетельства о судьбах конкретных личных библиотек, иногда уже утраченных. Однако не всегда, по вполне объективным причинам, связанным прежде всего с плохим руководством на местном низовом уровне, удавалось спасти книги. В частности, в августе 1942 г. от уполномоченного по ИРЛИ В.А. Мануйлова в дирекцию БАН поступило

письмо следующего содержания: «Институт литературы Академии наук СССР просит Вас принять меры к тому, чтобы перевезти и использовать по Вашему усмотрению библиотеку покойного Василия Леонидовича Комаровича, находящуюся в квартире № 13 дома 9/2 по Кировскому проспекту. Среди книг В. Комаровича имеется довольно большое количество книг, принадлежащих библиотеке Института литературы Академии наук СССР, Библиотеке Академии наук СССР и лично сотрудникам Института — Д.С. Лихачеву, В.П. Адриановой-Перетц. Эти книги (среди них ценные томы “Собрания русских летописей”) необходимо возвратить владельцам. Институт литературы неоднократно пытался получить библиотеку и материалы из квартиры В.Л. Комаровича, но управхоз — А.И. Борисова — чинила всевозможные препятствия; сначала она ссылалась на то, что у нее нет ключа от квартиры Комаровича, затем она опротестовала право Института получить библиотеку и материалы Комаровича, несмотря на то, что ей были представлены соответствующие отношения от Института и Союза Советских писателей, членом которого был В.Л. Комарович. А.И. Борисова потребовала, чтобы этот вопрос был разрешен председателем Петроградского райсовета. К сожалению, Институт литературы не смог договориться в Райсовете и ценное литературное наследство Комаровича по-прежнему остается под угрозой. В случае, если Вам удастся получить книги и материалы В.Л. Комаровича, Институт литературы просит передать в него все рукописи литературоведческих работ Комаровича, среди которых особый интерес представляют его работы о русской летописи “Маскарада” Лермонтова и картотека по Достоевскому» [2, л. 165]. На документе стояла резолюция Г.Я. Снимщиковой — «Получить через Райфо Петрогр. р-на».

Известно, что только с конца мая (с момента принятия постановления исполкома Ленгорсовета) по начало ноября 1942 г. было обследовано 139 библиотек, перевезено в помещение Книжного фонда 28 библиотек, общее количество книг, принятых в Книжный фонд, составило 96 000 томов.

Данное исследование было бы безликим, если бы не были перечислены конкретные сотрудники БАН, которые, не жалея своих сил и здоровья, спасали книги из личных собраний ученых для будущих поколений — это Антонина Ивановна Беликова, Елена Ивановна Винтергальтер, Варвара Борисовна Враская, Екатерина Иосифовна Гейнц, Любовь Моисеевна Гаркави, Софья Михайловна Данини, Борис Владимирович Дитман, Ольга Карловна Ернштедт, Эмилия Аркадьевна Козак, Генриетта Моисеевна Лукомская, Мария Александровна Магнус, Нина Аркадьевна Мухина, Ольга Адамовна Панько, Надежда Николаевна Полянская, Галина Яковлевна Снимщикова, Мария Андреевна Суетина, Глафира Федоровна Уткина, Лев Александрович Федоров, Константин Илларионович Шафрановский и многие другие — всем им низкий поклон от нынешнего поколения библиотекарей.

В приложение к настоящей статье даны документы, наиболее ярко иллюстрирующие процесс работы с личными собраниями в БАН в годы блокады Ленинграда. Особый интерес представляет список личных библиотек, составленный на основе сводной таблицы, подготовленной в 1942–1943 гг. сотрудниками БАН.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Книжный фонд. Перечень поступивших личных библиотек

(владелец; адрес; тематика, количество книг; местонахождение владельца, основание для поступления в фонд; крайняя дата обследования / приемки / наложения печати) в 1942 году.

Орфография сохранена

Майков В.В., чл.-корр. (пр. Володарского, д. 51, 1 500 ед., архивные материалы переданы в Архив АН (20.06.42); выморочное, 09.06.42).

Яковлев Н.Н., чл.-корр. (Кировский пр., 26/28, кв. 49, по поручению владельца хранение доверено управхозу 13.05.42).

Морачевский В.И. (В.О., 11-я линия, д. 20, кв. 47, 2 500 ед., педагогика, продажа, продал сын — Морачевский Л.Я. за 2 000 р., 03.06.42).

Щербатской Ф.И., акад. (В.О. 7 лин., д. 2, кв. 30, 2 320 ед., составлен полный инвентарь для передачи ИВАН (Институт востоковедения АН СССР — прим. авт.) (решение Президиума), 24.05.42).

Корозо Н.А. (ул. Жуковского, д. 32, кв. 12; 2 000 ед., юриспруденция, выморочное, 03.07.42).

Первольф [Г.]В. (ул. Жуковского, д. 32, кв. 8, 2 000 ед., выморочное, 03.07.42).

Садовников (ул. Жуковского, д. 30, кв. 18, 150 ед., железнодорожная инженерия, выморочное, 03.07.42).

Вологдин В.П., чл.-корр. (Эсперова ул., д. 1, техника, эвакуирован).

Голлербах Э.Ф. (ул. Чайковского, д. 18, кв. 4, 400 ед., литературоведение, хранение, 30.05.42).

Айналов Д.В. (наб. р. Фонтанки, 700 ед., искусствоведение, приобретено за 2 000 р. у жены — А. Айналовой, 08.07.42).

Юзефович А.Н. (В.О., 7-я линия, д. 66, 500 ед., антропология, 28.05.42).

Милютин В.В. (Лермонтовский пр., д. 35, кв. 12, 20 000 ед., общественные науки, архивные материалы переданы в Архив АН, приобретено за 6 000 руб. по доверенности у плем. Петров[ой] Т.Ф., 24.06.42).

Надельсон Р.Г. (ул. Кирочная, д. 8, кв. 88, 1 200 ед., приобретено за 1 500 руб., 15.08.42).

Савельев (кан. Грибоедова, д. 160, кв. 22, 2 500 ед., искусствоведение, выморочное, приобретено у наследницы Тютрюмовой за 5 000 руб., 07.08.42).

Карпова И.С. (В.О., 12 лин., 1 500 ед., химия, куплено у эвакуированной владелицы Карповой И.С. за 1 000 руб., 18.06.42).

Берг Л.С. (пр. Маклина, д. 2, кв. 2, география, под охраной сотрудника Зоологического института Г.А. Терпуговой).

Мончадский А.С. (ул. Серпуховская, д. 3, кв. 8, ботаника, под охраной, 05.06.42).

Световидов А.Н., чл.-корр. (9-я Красноармейская, д. 19, кв. 19, зоология, под охраной, 11.06.42).

Гурьянова Е.Ф. (5-я Красноармейская, д. 11, кв. 8, экономика, под ответственностью завхоза, 11.06.42).

Тетяев М.М. (пр. Маклина, д. 2, кв. 11, под охраной «доверенных лиц», 14.06.42).

Зеленин Д.К. (пр. Маклина, д. 2, под охраной ИАЭ, 05.06.42).

Саенко А.И. (Тучков пер., д. 11/5, кв. 31, 4 000 ед., приобретено за 5 500 р., 01.08.42).

Жебелев С.А., акад. (В.О., 4 линия, д. 7, кв. 13, 3 591 ед., передано в ЛОИИ (постановление президиума АН СССР), архив передан в Архив АН (20.06.42), выморочное, 03.06.42).

Богаевский Б.Л. (ул. Рылеева, д. 10, кв. 7, произведен осмотр, 05.06.42).

Наливкин Д.В. (Горный институт, передано под охрану в библиотеку Горного института, 04.06.42).

Вальденберг В.Г. (В.О., 16-я линия, отказ).

Глазырин В.А. (ул. Писарева, д. 10, кв. 18, 1 500 ед., архитектура, умер, продажей библиотеки занимается сестра жены, продано за 1 500 р., 18.06.42).

Идельсон Н.И., астроном (ул. Маяковского, д. 16; наб. Фонтанки, д. 165, кв. 4, астрономия, эвакуирован, «отказать», продажа библиотеки поручена сотруднику Астрономического института С.В. Крохмалю, 10.06.42).

Франковский А.А. (ул. Маяковского, д. 27, кв. 18, 1 300 ед., литературоведение, художественные переводы, выморочное, 03.07.42).

Сычев (ул. Маяковского, д. 27, кв. 18, 2 500 книг и брошюр, искусствоведение, умер, продала вдова Сычева за 2 000 р., 15.07.42).

Васильева Н.А. (Кировский пр., д. 26–28, кв. 95, 250 ед., выморочное, 10.06.42).

Порецкий С.В. (Государственный Эрмитаж, Советская лестница, 2 500 ед., инженерия, строительство, металлургия, умер, остались дети под опекой, вопрос отложен до возвращения И.А. Орбели, 27.05.42).

Быховская С.Л. (ул. Рубинштейна, д. 23, кв. 17, 300 ед., умерла, занимала должность ученого секретаря ИЯМ, 17.06.42).

Чулошников А.П. (ул. Малая Посадская, д. 14, кв. 13, 5 500 ед., история, выморочное, продала вдова — Чулошникова [А.И.] за 5 000 руб., передано в ЛОИИ, 20.06.42).

Вульф Е.В. (Дмитровский пер., д. 3/5, кв. 37, 1 500 ед., ботаника, продали дочь и жена Вульфа за 1 500 руб., 25.06.42).

Козьмин Н.К., чл.-корр. (ул. Марата, д. 65, кв. 35, литературоведение, 1 000 ед., выморочное, заплатить Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина 350 руб. за упаковку, 14.06.42).

Финдейзен А.Л. (Соляной пер., д. 7, кв. 2, музыковед, имеется большая переписка с крупными композиторами как русскими, так и иностранными, библиотека по истории и теории музыки и ноты, продает дочь, желая получить 2 000 руб., оценочная комиссия отказала).

Гиппиус Вл.В. (ул. Чайковского, д. 77, кв. 18, родственники не продают).

Коковцов П.К., акад. (2-я Красноармейская, д. 14, кв. 10, 6 000 ед., постановлением Президиума АН передается в ИВАН все 6 000 ед. и архив, принял сотрудник А.Н. Болдырев).

Магид Д.А. (Минский пер., д. 1/36, кв. 15, 5 500 ед., гебраистика, умер, передано в Архив АН, продала дочь — С.Д. Магид за 5 000 р., 24.06.42).

Грибановский Н.Н. (Песочная ул., д. 26а, кв. 2, этнография, книги и картотека по Якутии, умер, наследница — дочь Грибановского, 04.06.42).

Биснек А.Г. (Советский пр., д. 59, кв. 1, 2 000 ед., библиография, умер, отказать, 03.06.42).

Рябинин (ул. Блохина, д. 4а, кв. 39, выморочное, книг нет, обследовал Архив АН, куда и были переданы архивные документы, 18.06.42).

Подгаецкий Г.В. (ул. Плуталова, д. 9, кв. 1, ботаника, археология, отказать, 19.06.42).

Билибин И.Я. (ул. Галерная, д. 25, кв. 46, очень хорошая библиотека, но вдова художница А.В. Щекотихина-Потоцкая пока не продает, 27.05.42).

Кинтович А.К. (ул. Гатчинская, д. 27, кв. 12, 200 ед., выморочное, передано в Архив АН, 20.06.42).

Покровский (пр. Володарского, д. 30, кв. 22, 1 500 ед., выморочное, 19.07.42).

Туруханова А.Я. (ул. Преображенская, кв. 16., д. 32, вся библиотека раньше состояла из 3 000 т., сожжена и расхищена, 20.05.42).

Семенов-Тянь-Шанский А.П. (В.О., 8-я линия, 4 000 ед., энтомология, выморочное, библиотека принята в помещение БАН по распоряжению ЛАХУ и хранится в комнате № 3 ЛОИИ до возвращения академических институтов, архив передан в Архив АН, 20.07.42).

Семенов-Тянь-Шанский Вен.П. (В.О., 3-я линия, д. 12, кв. 2, 4 000 ед., география, выморочное, продал за 5 000 руб. сын — Вл. Вен. Семенов-Тянь-Шанский, 19.07.42)

Семенов-Тянь-Шанский Изм.Петр. (В.О., 8-я линия, д. 39, кв. 6, 400 ед., метеорология, постановление оценочной комиссии отказать, 30.05.42)

Семенов-Тянь-Шанский Мих.Дм. (В.О., 8-я линия, д. 39, кв. 8, 500 ед., отказано по причине разрозненности собрания, 29.05.42).

Мюллер В.Б. (ул. П. Лаврова, д. 47, кв. 9, 5 000 ед., химия, умер, продает за 2 500 р. жена — Мюллер Р.Б., 19.07.42).

Калявина А.И. (Университетская наб., д. 5, кв. 45, отказать).

Нечаев Ал.Мих., профессор (ул. Зверинская, д. 2, кв. 31, 3 500 ед., механика, эвакуирован, продает владелец за 3 000 руб., 10.07.42).

Гусельщиков М.К. (В.О., 6-я линия, д. 41, кв. 4, 2 000 ед., кандидат технических наук, умер, продает за 1 500 р. жена — Гусельщикова А.Н., 18.07.42).

Митинский А.Н. (ул. Красная, д. 55, кв. 13, 2 000 ед., профессор механики, эвакуирован, продает за 4 000 р., 12.07.42).

Лебедев С.В., акад. (ул. Нижегородская, д. 10, кв. 4, химик, изобретатель каучука, вывезти, жена — А.П. Остроумова-Лебедева).

Кондратьев А.М. (ул. Блохина, д. 3, кв. 43, 4 000 ед., педагогика, продает за 2 000 р. жена — М.Е. Кондратьева, 10.07.42).

Ливотова О.Э. (пр. Чернышевского, д. 16, кв. 8, эвакуирована, продает владелец, сотрудник ИВАН, 12.07.42).

Калинина Н.М. (Крюков канал, д. 11, кв. 21, 4 000 ед., продает владелица, артистка ЛГАТОБ им. С.М. Кирова, оценившая библиотеку в 12 000 руб., решено отказать, 02.07.42).

Никифоров А.И. (Мытнинская наб., д. 3, кв. 1, 3 000 ед., литературоведение, архивные материалы переданы в Архив АН (07.10.42), умер, продавала вдова — Никифорова М.И. за 2 500 р., 10.07.42).

Соколова А.М. (В.О., 1-я линия, д. 2, кв. 12, 3 000 ед., конфискат, архивные материалы переданы в Архив АН, 19.07.42).

Малеин А.И. (Аптекарской пер., д. 6/4, кв. 22, 3 500 ед., история, архивные материалы переданы в Архив АН (07.10.42), умер, продавала вдова — Малеина [И.К.] за 4 000 р., 15.07.42).

Морозов А.А. (В.О., 6-я линия, д. 39, кв. 31, 500 ед., литературоведение, эвакуирован, 22.08.42).

Гюнтер Н.М. (пр. Карла Либкнехта, д. 13/4, кв. 10, 4 000 ед., математика, умер, продала вдова — Гюнтер Е.М. за 4 500 р., 15.07.42).

Фрицман Э.Х. (Тучкова наб., д. 8, кв. 17, 500 ед., химия, книги представляют целостный полный комплект, немецкие химические журналы за 30 лет, умер, продавала дочь — Фрицман Ш.Э. за 5 000 руб., 28.06.42).

Рыбакова О.И. (наб. Жореса, д. 12, кв. 5, 100 ед., оценочная комиссия приняла решение отказать, т.к. не согласилась с оценкой владелицы — 6 000 руб. 02.06.42).

Малис Л.Г. (Поварской пер., д. 6, кв. 3, 1 000 ед., математика, решение оценочной комиссии — отказать).

Родных А.А. (пр. Карла Либкнехта, д. 57/2, кв. 49, 2 000 ед., парашютное дело, выморочное, 21.09.42).

Федоров Л.А. (ул. Малая Посадская, д. 7, кв. 5, 5 000 ед., архивные материалы переданы в Архив АН, выморочное, 26.01.43).

Пушкаревич К.А. (ул. Красного курсанта, д. 9б, 2 500 ед., литературоведение, выморочное, 21.12.42).

Ернштедт Е.В. (ул. Кропоткина, д. 19, кв. 5, 500 ед., выморочное, 17.11.42.) [2, л. 30–32].

*Зам. директора Библиотеки Академии наук СССР
Ст. библиотекаря Мухиной Н.А.*

Докладная записка

Осмотрев по Вашему поручению, 15 янв. 1943 г., библиотеку акад. С.Н. Бернштейна (Лесной пр., д. 61, кв. 35), я установила следующее:

В квартире акад. Бернштейна проживает гр. П.Е. Курносенкова (работающая дворником в вышеуказанном доме), которой акад. Бернштейн посредством официальной доверенности поручил присмотр за своими вещами. Книги расположены в 3 комнатах, расставлены в шкафах и на полках (3 закрытых шкафа, 3 открытых полки). Комнаты в хорошем состоянии (лишь в одном месте осыпается потолок), окна либо застеклены, либо зафанерены; но отапливаются только кухня и примыкающая к ней комната. Книги — в хорошей сохранности, никаких следов сырости нет. Описи книг не имеется, по моему беглому подсчету, общее количество их составляет приблизительно 2 500 экз. По содержанию — большая часть книг представляет собою монографии и периодику по математике и

электротехнике, меньшая часть — беллетристические и искусствоведческие сочинения.

Резюмируя впечатления осмотра, можно считать, что книги, в том виде, в каком они находятся в настоящее время, непосредственной опасности не подвергаются (учитывая, конечно, то обстоятельство, что описи библиотеки не имеется). Наложить печать на библиотеку я не нашла возможным, потому что: 1) книги не сконцентрированы в одном помещении, а расположены в нескольких комнатах, в которых находятся и другие вещи, порученные присмотру гр. Курносенковой; 2) в случае возможных повреждений помещения (выпадения стекол и пр.) книги в опечатанной комнате окажутся в худшем положении, чем в настоящее время.

16.01.1943

Н. Мухина [2, л. 58]

Директору Библиотеки Академии наук СССР

Прошу принять на хранение рукописи моих неоконченных научных работ, согласно прилагаемой описи, до обратного затребования этих рукописей мною. Прошу не выдавать моих рукописей для прочтения или использования никому без особого на это моего письменного согласия или разрешения.

Н.П. Полетика, профессор кафедры «Новой истории» Ленинградского Гос. Университета.

Адрес: Ленинград, Десятая Советская, д. №4/6, кв. 19

Опись рукописей научных работ проф. Ленинградского Гос. Университета Н.П. Полетика.

1. Материалы по истории гражданской авиации СССР — папок
2. Колониальная политика эпохи империализма — папок.
3. Материалы по истории международных отношений 1871–1919 — папок [2, л. 66, 67].

Ученому секретарю БАН

[от] Гл. Библиотекаря Шафрановского К.И.

Рапорт

Довожу до Вашего сведения, что согласно распоряжению директора БАН И.И. Яковкина, переданного мне 3/VI — с.г. необходимо принять меры для охраны и передачи в Книжный фонд БАН:

1) Библиотеки и картотек умершего библиографа Андрея Густавовича Биснек, проживавшего в д. № 9 по Советскому пр., кв. 1, в одной квартире со своей сестрой.

Библиотека А.Г. Биснек состояла из очень небольшого подбора книг по Средней Азии, меньшего числа книг по истории и беллетристике и книг, принадлежащих в свое время Ленингр. о-ву Библиофилов (ЛОБ). Всего надо полагать, что библиотека А.Г. Биснек содержала около 2 000 книг. Помимо того, у А.Г. Биснек были ценные картотеки по Средней Азии, ряд указателей к содержанию журналов и др., неопубликованные библиографические материалы.

2) Картотеки книг, принадлежавших умершему краеведу-библиографу Якутии Н.Н. Грибановскому, проживавшему на Песочной улице (Петрогр. в д. 26а, кв. 2). Основная картотека по общей библиографии Якутии, составлявшаяся Грибановским в течение 30 с лишним лет, находится в Библиотеке Академии наук СССР. На квартире же у покойного оставались подготовленные им тематические библиографии, которые, насколько мне известно, завещаны Н.Н. Грибановским Библиотеке Академии наук СССР. Все [они] (Н.Г. Чернышевский в ссылке, Дело [...], рабочий Петр Алексеев, гражданская война в Якутии) в той или иной степени связаны с Якутией и их, несомненно, следует хранить вместе с основной работой Н.Н. Грибановского по библиографии Якутии в целом. В настоящее время, имущество, принадлежавшее Н.Н. Грибановскому, находится в ведении его дочери.

3) Помимо того, предлагаю Вам извещение, полученное от сотрудников Института антропологии и этнографии, которые считают, что необходимо принять сроч-

ные меры для сохранения в целости книг, принадлежащих эвакуированному в Ташкент историку, доценту Лен. гос. университета и сотруднику Института истории АН Ивану Ивановичу Смирнову, проживающему на ул. Радищева в доме № 40, кв. 1.

К. Шафрановский

4/VI-42 [2, л. 97, 97а].

*Зам. директора Библиотеки Академии наук СССР тов. Снимщицковой
От ст. биб-ря БАН Панько О.А.*

Докладная записка

Довожу до Вашего сведения, что порученное мне задание по опечатаванию квартирных помещений у трех сотрудников Академии наук, эвакуировавшихся 12 июля с.г. с академическим эшеленом. (Квартиры: Модзалевского, Лозинского, проф. Андреева). <...> Затем дважды посетила квартиру Модзалевского по 1 В.О., д. 44, кв. 6, где застала самого гр. Модзалевского, упаковывающего свои вещи и который просил меня зайти второй раз попозже с тем, чтобы в присутствии управхоза данного домохозяйства опечатать две комнаты. Придя во второй раз, гр. Модзалевский хотел опечатать свои комнаты без присутствия управхоза, в чем ему было мною отказано. В моем присутствии гр. Модзалевский поручил своей сестре опечатать его жилое помещение, договорясь заранее с управхозом (который по воскресеньям выходной) и сотрудником БАН, который печатает библиотеку, находящуюся на квартире гр. Модзалевского.

1/VII-42 г.

ст. библиотекарь БАН О. Панько

*В Библиотеку Академии наук СССР
Заявление
ст. научного сотрудника Архива Акад.
Наук СССР кандидата филологич. наук
Л.Б. Модзалевского*

Временно покидая Ленинград 12 июля 1942 года в связи с эвакуацией учреждений Академии наук СССР, обращаюсь в Библиотеку АН с просьбой взять под охрану и наблюдение остающуюся у меня на квартире (Вас. Остр., 1 линия, д. 44, кв. 6) личную библиотеку, насчитывающую 5 000–7 000 томов и содержащую следующие разделы: 1) Справочно-библиографический (словари, некрологи, списки и т. под.) о русских писателях и ученых XVIII–XIX вв. 2) Генеалогический (родословия русских дворянских фамилий), как материал справочного характера по истории русской культуры XVIII–XIX вв. 3) Мемуарный, состоящий из дневников, записок и воспоминаний русских людей XVIII–XIX вв. 4) Биографический (отдельные биографии, письма, материалы, др. издания подобного характера о русских писателях, ученых, музыкантах, артистах и др. деятелях русской культуры XVIII–XIX вв. в алфавитном порядке фамилий (А–Я)). 5) Историко-литературные сборники, монографии, курсы и др. по истории русской литературы XVIII–XIX вв. и по русской истории XVIII–XIX вв., отдельные монографии по специальным вопросам русской культуры той же эпохи. 6) Puschkiniana — а) большое собрание главнейших научных изданий сочинений Пушкина, начиная с посмертного (несколько прижизненных изданий не составляют ценной коллекции) и кончая последними юбилейными изданиями; б) труды пушкинистов по различным вопросам пушкиноведения как по истории творчества поэта, так и по разработке его биографии (сборники материалов, монографии и т. под., альбомы с иллюстративными материалами и т. под.). 7) Военно-исторический, главным образом, истории русских полков со списками командного состава, как биографический материал для истории русской культуры и общества XVIII–XIX вв. 8) Журнальный — комплекты журналов (с небольшими лакунами — «Русская Старина» (1870–1918); «Русский Архив» (1863–), «Былое» (1906–1907, 1917–1925), «Русский Библиофил» (1911–1916), «Голос Минувшего» (1913–1923), «Исторический вестник» (1882–1917), «Литературное наследство» (первые 30 томов), «Старые

годы» (1910–1916) и др.). 9) Собрания сочинений русских писателей XVIII–XIX вв. главным образом в отдельных изданиях XIX в.; большая часть вышедших в серии «библиотека поэта» (малая и большая серия), комментированные издания поэтов и писателей в издании «Советский писатель» и «Academia». 10) Modzalevskiana — собрание историко-литературных и педагогических трудов членов семьи Модзалевских — педагогов — Льва Николаевича и Константина Николаевича, чл.-корр. АН историка литературы и пушкиниста Бориса Львовича и др. 11) Небольшая нотная библиотека — гл. обр. произведения русских композиторов для рояля. Библиотека расположена в открытых стеллажах (9) и одном шкафу, а также частью на полу в стопках (стеллажи на зиму были сожжены за отсутствием дров). Перед моим отъездом прошу прислать квалифицированного представителя Библиотеки АН для наложения печати Библиотеки совместно с председателем домоуправления.

9 июля 1942

Л. Модзалевский. [2, л. 109, 110].

*В Библиотеку Академии наук СССР
От профессора Савостьяновой Марии
Владимировны*

Заявление

Прошу взять на учет БАН, ввиду моего отъезда из Ленинграда по эвакуации мою библиотеку (общим количеством 1 500 томов), находящуюся в занимаемой мною отдельной квартире по 15 линии Вас. Острова. (Точный адрес: Вас. Остров, 15 линия, дом 2, кв. 54). На квартиру имеется броня. 1. Библиотека моего деда Андрея Михайловича Достоевского (брата писателя) около... 200 томов. 2. Библиотека моего дяди, быв. сотрудника Ин-та литературы АН Андрея Андреевича Достоевского — около 400 томов (классики литературы). 3. Моя библиотека мемуарного характера (Жизнеописания и пр.). 4. Моя библиотека по моей специальности — физика — 500. Сверх того, у меня хранится некоторый архивный материал (письма, рукописи, портреты), касающиеся семьи Достоевских. И связанных с ними родственных семей. В случае моей смерти завещаю, весь указанный фонд, а также книжные шкафы (4 шкафа красного дерева, два бюро, один двойной дубовый шкаф, две полки) Библиотеке АН, которой предоставляю право распоряжаться по своему усмотрению.

М. Савостьянова

Ленинград 1942 г. VIII 17 [2, л. 119].

Зам. директора БАН Г.Я. Снимщиковой

Вдова академика С.В. Лебедева (изобретателя синтетич. каучука; ум. кажется в 1938 г.) намерена пожертвовать Академии наук отличную библиотеку (гл. обр. органич. химия) своего мужа. Не претендуя на сохранение обособленности библио-теки акад. Лебедева, А.П. Остроумова-Лебедева все же желает, чтобы каждая книга этого собрания хранила след своей принадлежности названному ученому, почему А.П. занята сейчас доклеиванием ex-libris'ов С.В. Лебедева на книги этой библиотеки. Через неделю — десять дней библиотеку эту можно будет забрать. Необходим шпагат для увязки пачек. Библиотека насчитывает свыше 2 000 томов. Адрес: Выб. стор., Нижегородская ул., д. 10г, кв. 4.

3/VIII 42

Ст. библио-рь Л. Федоров

Резолюция на документе: Вывезти. Г. Снимщикова [2, л. 134]

*Начальнику Административно-
хозяйственного управления объединенных
учреждений Академии наук СССР
М.Е. Федосееву*

<...> 23-го декабря с.г. [1942] согласно Вашего распоряжения, мы, нижеподписавшиеся, научный сотрудник Зоологического института Академии наук СССР Четыркина И.А. и главный библиотекарь БАН Козак Э.А., посетили квартиру члена-корреспондента Академии наук СССР Льва Семеновича Берга и освидетельствовали

состояние его научной библиотеки. Книги стоят на стеллажах в трех комнатах. Окна в исправном состоянии, недостающие стекла заменены фанерой; стены и потолки целы. Комнаты не отапливаются, однако, следов сырости и плесени на книгах нет. В кухне квартиры Л.С. Берга обнаружена замерзшая и переполненная водой раковина, пол залит водой и покрыт льдом, т.к. кран был приоткрыт во избежание замерзания воды в водопроводе. Нами вода вынесена и лед вырублен. Лицо, которому поручено наблюдение за библиотекой и квартирой Л.С. Берга, сотрудник ЗИН АН Терпугова Г.А. в настоящее время находится на оборонных работах. Для надлежащей сохранности книг Л.С. Берга необходимо постоянное наблюдение за состоянием квартиры и водопровода.

Гл. библиотекарь БАН Подпись (Э. Козак)
Науч. сотр. ЗИН АН Подпись (И. Четыркина)
[2, л. 192].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964 / С.П. Луппов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, П.В. Соколов, В.И. Воронов, В.Я. Хватов, М.С. Филиппов (отв. ред.). Москва; Ленинград, 1964. 599 с.: ил.
2. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1941). Д. 29.

BELYAEV N. From the history of personal book collections received by the RASL during the Great Patriotic War: organization and activities of the academic Book fund

Belyaev Nikolay — Candidate of Pedagogical Sciences, senior researcher, Head of the Lermontov Study in the Academy of Science Department of Russian Literature at The Institute of the Russian Academy of Sciences (the Pushkin House)
Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia, e-mail: Belyaev_77@mail.ru

ABSTRACT

The studying of the history of Academy of Sciences Library during the Great Patriotic War is one of the most important problems of the Russian library science. Of significant interest for specialists is the issue of replenishing the funds of the RASL with personal collections in 1941–1945, as well as archival documents of the activities of the academic Book fund organized for preservation of scientific libraries that were not previously introduced into the scientific circulation.

Keywords: Academy of Sciences Library, personal libraries, Great Patriotic War, siege of Leningrad, Institute of Russian Literature.

С.И. Зенкевич

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА ЛАХУ М.Е. ФЕДОСЕЕВА В ГОДЫ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Зенкевич Светлана Игоревна — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора БАН при Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: s.zenkevich@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается многогранная академическая деятельность во время ленинградской блокады (1941–1944) М.Е. Федосеева — коммуниста с Урала, приехавшего в Ленинград в 1936 г. в период перевода Академии наук в Москву и сразу возглавившего Ленинградское административно-хозяйственное управление (ЛАХУ). В блокадные годы, когда многие академики покинули Ленинград или умерли, Федосеев благодаря своей интенсивной работе был назначен уполномоченным Президиума АН СССР.

Ключевые слова: Михаил Ефимович Федосеев, Академия наук СССР (АН СССР), Президиум АН СССР, Ленинградское административно-хозяйственное управление (ЛАХУ), Библиотека Академии наук СССР (БАН), Великая Отечественная война, блокада Ленинграда.

Задача предлагаемой статьи — очертить многогранную деятельность во время блокады Ленинграда (1941–1944) Михаила Ефимовича Федосеева (1891 — после 1957 г.), на время эвакуации академиков занявшего ведущий административный пост в ленинградской академической науке. Эта деятельность в настоящее время представлена во многом обрывочно, точно, вместе с тем имя Федосеева постоянно мелькает в историях Академии наук СССР и ее учреждений (АН СССР) [1, 2], в опубликованных блокадных дневниках и письмах ленинградских ученых [3–5], в «военной» хронике БАН, то есть во введенных в научный оборот документах, находящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и Центральном государственном архиве историко-политических документов (ЦГАИПД СПб) [6–13]. С использованием хранящегося в Архиве БАН личного дела Федосеева [14] и опубликованных материалов рассмотрим объем и характер работы, выполненной в годы блокады этим человеком, и попробуем оценить масштаб его влияния и вместе с тем сферу его ответственности.

М.Е. Федосеев приехал в Ленинград в 1936 г. в возрасте 45 лет [14, л. 173]. До этого момента он не имел никакого отношения ни к обеим столицам, ни вообще к науке: это был большевик с Урала с богатым организационным и боевым опытом [14, л. 171–173; 15]. По приезду в Ленинград он сразу оказался в центре академических событий — в 1934 г. начался переезд Академии наук и академических учреждений в Москву [16, с. 58–60; 17, с. 141]. Федосеев сразу, с июня 1936 г., возглавил Ленинградское административно-хозяйственное управление (ЛАХУ) [14,

л. 176 об., 181 об.], созданное 1 сентября 1934 г. для обслуживания академического имущества, оставшегося в Ленинграде, и руководства ленинградскими институциями [18], сменив арестованного и вскоре расстрелянного Д.Б. Альтера (1906–1937) [19], первого начальника ЛАХУ [20]. На этом посту Федосеева и застала Великая Отечественная война.

В начале Великой Отечественной войны, с августа 1941 по 10 апреля 1942 г., регламентацией научной деятельности Ленинграда занималась Комиссия по делам ленинградских учреждений АН СССР [2], которой последовательно руководили академики Л.А. Орбели, С.А. Жебелев (после отъезда Орбели), умерший 28 декабря 1941 г., а затем И.Ю. Крачковский [16, с. 170]. Начальник ЛАХУ Федосеев участвовал в заседаниях этой комиссии [2, с. 539–542]. В апреле 1942 г. комиссия была фактически ликвидирована [2, с. 558, 561; 3, с. 623–624]. Федосеев продолжал вести хозяйственную работу во главе ЛАХУ, однако уже в течение первого военного года его положение заметно упрочилось: из «крепкого хозяйственника» он постепенно становится вполне полноправным руководителем ленинградских академических учреждений. Имея за плечами богатый опыт организационной работы в условиях военного времени, начальник ЛАХУ в ситуации, когда одни академики умерли в блокадном городе, а другие эвакуировались, оказался незаменимой фигурой. Федосеев, за редким исключением командировок, не покидал осажденного города и в течение всего периода блокады интенсивно работал.

Если в первые месяцы войны он в своих полномочиях не выходил за «хозяйственные» пределы (в июне 1941 г. возглавил штаб МПВО [3, с. 38], организовывал отправку сотрудников Академии на трудовые участки по оборонным работам, торфозаготовке и т.п. и даже учил их маршировать [3, с. 86]), то с весны 1942 г. в сферу его компетенции вовлекается гораздо более широкий комплекс задач: эвакуация (и людей, и академических фондов), охрана квартир эвакуированных и умерших ученых, организация комиссий по сохранности того или иного имущества, назначение уполномоченных по выдаче продуктовых карточек и т.п. Так, 22 апреля 1942 г. Федосеев как глава ЛАХУ сформировал инвентаризационную комиссию для проверки хранения архивных и иных ценностей в ленинградских учреждениях [7, с. 134], а 30 июля того же года предписал всем ленинградским академическим учреждениям сформировать подобные комиссии для учета имущества и материалов в комплексе [7, с. 139]. Федосеев решал вопросы об отправке или, напротив, «неотправке» сотрудников на трудовой фронт. Например, 2 июня 1942 г. директору академического архива Г.А. Князеву удалось убедить начальника ЛАХУ — этого «маленького Шумахера», «воеводу», «академического администратора», как он его в своих блокадных дневниках едко называет [3, с. 1016, 1018, 1108], — не включать в трудовой список Архив, поскольку там осталось всего пять человек и работать некому [3, с. 720]. Федосеев направлял сотрудников БАН на разгрузку дров и уборку овощей [7, с. 143]; к нему стекалась информация об объемах ремонтных работ, о подготовке к зиме и т.п. [7, с. 142].

Распределение спецпайков тоже оказалось в руках Федосеева [3, с. 732, 817], и он по этому поводу усердно хлопотал. С.А. Павлова, жена сотрудника Пулковской обсерватории Н.Н. Павлова (1902–1985), записа-

ла в дневнике, как в апреле 1942 г. столкнулась на набережной Васильевского острова с Федосеевым, который тут же вспомнил и ее, и ее мужа, заинтересовался получением пайка, который для них выбил, и настоятельно порекомендовал срочно за ним поехать, захватив «побольше тары» [цит. по: 2, с. 547–548].

Так, шаг за шагом, постепенно к ЛАХУ перетекают некоторые функции Комиссии по делам академических учреждений, а начальнику ЛАХУ Федосееву не хватает только статуса, но он скоро его получит.

10 октября 1942 г. на заседании Президиума АН СССР, находящегося в эвакуации в Свердловске, Федосеев сделал доклад о положении дел в ленинградских академических учреждениях. В результате этого доклада Президиум назначил его уполномоченным в Ленинграде [7, с. 143]. Это стало своего рода «инаугурацией» начальника ЛАХУ. Ответственную должность уполномоченного Президиума АН СССР Федосеев занимал до 1 апреля 1944 г. — до реэвакуации вице-президента АН СССР Л.А. Орбели [10, с. 129]. Именно в этой должности в июне 1943 г. он был награжден в числе первых легендарной медалью «За оборону Ленинграда». В личной карточке представляемого к вручению медали значится: «Адм.-хоз. Управление Академии наук СССР. Начальник Управления и Уполномоченный Президиума АН СССР по Лен. Учреждениям АН» [21]. Кстати, в этой карточке значится и его домашний адрес: «В.О. Университетская наб. д. 5 кв. 29», то есть главное академическое здание, в котором и находилось ЛАХУ: Федосеев фактически жил на рабочем месте!

Таким образом, Федосеев волей обстоятельств и личной инициативы, а также имея с юности соответствующий опыт, оказался более влиятельной фигурой, чем предполагалось изначально.

Приведем некоторые факты из блокадной хроники БАН, говорящие как о полномочиях Федосеева, так и о масштабах выполняемой и курируемой им работы. 15 февраля 1943 г. БАН информирует Федосеева о подборе и упаковке литературы по Н. Копернику и Н.И. Лобачевскому для предстоящей сессии Академии наук, для чего нужны «четыре средних ящика», которые нужно будет сопровождать [8, с. 100]. То есть Федосеев через хозяйку, если не напрямую следил за научной частью, то, по крайней мере, интересовался этим.

В марте 1943 г. была образована огородная комиссия под председательством Федосеева [8, с. 104].

1 мая 1943 г. Федосеев утвердил штатное расписание БАН на 74 единицы [8, с. 106]. В связи с новым штатным расписанием были установлены и новые оклады [8, с. 107]. И в дальнейшем штатные вопросы решались с Федосеевым [8, с. 112]. Он также назначал ответственных за выдачу пропусков, например, в здание БАН [9, с. 47].

12 мая 1943 г. по распоряжению Федосеева была обследована библиотека Физико-технического института, по итогам было установлено, что она в порядке [8, с. 108]. Распоряжением по ленинградским учреждениям АН на период посева и уборки огородов (лето) сотрудники после круглосуточного дежурства освобождались на один рабочий день для работы на огородах [8, с. 108].

20 мая 1943 г. Федосеев возглавил чрезвычайную комиссию по «расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчи-

ков и их сообщников, по выявлению и учету причиненного ими ущерба» [8, с. 109]. 21 сентября того же 1943 г. он направил президенту Академии наук В.Л. Комарову обширный «Информационный доклад об ущербе, нанесенном ленинградским учреждениям АН СССР немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками», рукопись которого ныне хранится в Архиве Российской академии наук. Общая сумма ущерба была им оценена в 1 111 936 398 руб. 03 коп. [22, л. 20].

5 ноября 1943 г. БАН обращается к Федосееву с просьбой о пересмотре штатного расписания библиотеки в связи с реэвакуацией (увеличение высокооплачиваемых вакансий и сокращение низких ставок), что позволило бы приглашать в БАН квалифицированных работников в условиях дефицита кадров нужной квалификации [9, с. 54]. По поводу академической реэвакуации, кстати, интересно замечание в частном письме этнографа Е.Э. Бломквист (1890–1956): Федосеев в начале 1944 г. категорически заявлял, что не сможет принять назад эвакуированные институты раньше осени, «так как только к этому времени сможет застеклить здания» и обеспечить отопление рабочих мест и квартир [4, с. 265], что в очередной раз говорит о его неравнодушии к выполняемым обязанностям.

7 декабря 1943 г. Федосеев предписал представить в ЛАХУ подробные характеристики на каждого сотрудника с указанием научной, технической, общественной работы, работы по защите Ленинграда и помощи фронту за два с половиной года войны, указанием стажа работы в академических учреждениях [9, с. 58].

17 декабря 1943 г. по поручению Федосеева составлена докладная записка о состоянии библиотеки Ленинградского дома ученых [9, с. 59].

10 января 1944 г. на общем партийном собрании членов и кандидатов ВКП(б) Ленинградских академических учреждений Федосеев сделал доклад о работе в 1943 г.: большинство ученых эвакуированы из Ленинграда, с сентября 1942 г. повышена зарплата, с 1 августа увеличились пайки для старших научных сотрудников и главных библиотекарей, выделены дополнительные карточки на обед [10, с. 117]. Федосеев — связующее звено между академическими учреждениями и партийными органами.

21 января 1944 г. старший библиотекарь БАН В.И. Бородина отправила Федосееву письмо с просьбой дать вызов тем, кто согласен работать в БАН [10, с. 119], то есть кадровые вопросы по-прежнему оставались в компетенции Федосеева.

24 января 1944 г. на общем партсобрании членов и кандидатов в члены ВКП(б) из ленинградских академических учреждений в своем докладе о работе БАН в 1943 г. Федосеев высказал мнение, что БАН «взвалила на себя функции районных библиотек, от которых следует отказаться» [10, с. 119] — Федосеев был в курсе характера библиотечной работы. Все эти факты говорят о широте его полномочий.

Отдельная страница деятельности Федосеева во время войны — перевод в БАН Бронированного фонда академических собраний, однако здесь мы к этому сюжету обращаться не будем, сославшись на опубликованную нами работу [23, с. 195–197]. Послевоенный период трудовой биографии Федосеева [15, с. 686–687; 23, с. 197] также оставим здесь вне рассмотрения.

Помимо медали «За оборону Ленинграда» Федосеев был награжден орденом «Знак почета» (1944), орденом Красной Звезды (1945) и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945) [14, л. 172 об.].

Таким образом, деятельный, ответственный и неравнодушный коммунист с Урала в условиях блокады и отсутствия в Ленинграде многих академиков занял одну из самых высоких административных позиций в ленинградской академической структуре и стал очень влиятельной фигурой, сосредоточив в своих руках многие важные управленческие функции применительно к ленинградским научным учреждениям. Федосеев — основное связующее звено в диалоге между ленинградскими учреждениями и Президиумом АН. На него были возложены огромные полномочия, что неизбежно налагало на него и большую ответственность, которую он с честью нес.

Список источников

1. Кольцов А.В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. / отв. ред. Э.И. Колчинский. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 192 с.
2. Баженова Н.М. Комиссия по делам ленинградских академических учреждений (конец августа 1941 — 10 апреля 1942 г.) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: исторические очерки / ред.-сост.: Г.И. Смагина, Э.А. Тропп, отв. ред. Ю.М. Батулин. Санкт-Петербург, 2013. С. 530–570.
3. Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 1220 с.
4. «...твое письма — документ незабываемого времени...». Из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист. 1942–1945 / подгот. текста, предисл., коммент. Е.Н. Груздевой. Санкт-Петербург: Реноме, 2013. 390 с.
5. Болдырев А.Н. Осадная запись: (Блокадный дневник). Санкт-Петербург: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1998. 365 с. (Дневники и воспоминания петербургских ученых).
6. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, июнь–декабрь 1941 г. // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 3 (63). С. 57–71.
7. Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, 1942 г. // Петербургская библиотечная школ. 2018. № 4 (65). С. 129–148.
8. Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, январь–июнь 1943 г. // Петербургская библиотечная школ. 2019. № 1 (66). С. 97–114.
9. Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, июль–декабрь 1943 г. // Петербургская библиотечная школ. 2019. № 2 (67). С. 40–62.
10. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, январь–апрель 1944 г. // Петербургская библиотечная школ. 2019. № 3 (68). С. 115–133.
11. Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, май–август 1944 г. // Петербургская библиотечная школ. 2019. № 4 (69). С. 127–150.
12. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, сентябрь–декабрь 1944 г. // Петербургская библиотечная школа. 2020. № 1 (70). С. 3–20.
13. Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, январь–июнь 1945 г. // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Вып. 1. Санкт-Петербург: БАН, 2020. С. 158–182.
14. Личное дело М.Е. Федосеева // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 2 л. Д. 13.

15. Зенкевич С.И., Балакина А.А. М.Е. Федосеев: штрихи к портрету «начальника ЛАХУ» // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. Москва, 2020. С. 683–687.

16. Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР: краткий исторический очерк. Т. 2: 1917–1976. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука, 1977. 456 с.

17. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, 1922–1952 / сост. В.Д. Есаков. Москва: РОССПЭН, 2000. 591 с.

18. Ленинградское управление АН // За социалистическую науку. 1934. 1 сентября (№ 24 (68)). С. 2.

19. Альтер Давид Борисович // Бессмертный барак. Url: https://bessmertnybarak.ru/Alter_David_Borisovich/ (дата обращения: 13.02.2024).

20. Весь Ленинград: адресная и справочная книга. 1934. Ленинград: Изд-во Лен-облисполкома и Ленсовета, 1934. С. 229.

21. Медаль «За оборону Ленинграда». Url: <https://medal.spbarchives.ru/> (дата обращения: 13.02.2024).

22. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 552. Оп. 1. Д. 7.

23. Зенкевич С.И., Балакина А.А. Революционер, большевик, глава ленинградских научных учреждений, сотрудник БАН (к портрету М.Е. Федосеева) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов: международный ежегодник. 2023. Вып. 9 (39). С. 190–199.

ZENKEVICH S. The chief of Leningrad Administrative and Economic Department M.E. Fedoseev and his activities during the Blockade of Leningrad

Zenkevich Svetlana — Candidate of Philological Sciences, Research Department

Researcher, RASL department by S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, Saint Petersburg, Russia, e-mail: s.zenkevich@gmail.com

ABSTRACT

The paper concerns the multidimensional activity of M.E. Fedoseev, a communist from Ural who arrived in Leningrad in 1936 during the period of transfer of the Academy of Sciences to Moscow and headed the Leningrad Administrative and Economic Department. During the Blockade of Leningrad (1941–1944), when many academicians died or evacuated, Fedoseev, due to his intensive and responsible work, was appointed an authorized representative of the Academy of Sciences Presidium in Leningrad.

Keywords: M.E. Fedoseev, Academy of Sciences, Blockade, Leningrad, Leningrad Administrative and Economic Department, Academy of Sciences Library, Presidium of the Academy of Sciences.

УДК 008.023
ББК 78.35(2)

С.Е. Хаздан

**АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА ПЕТРОВА:
От бригадира до заведующей
Отделом бронированного фонда**

Хаздан Софья Евгеньевна — главный библиотекарь, научно-исследовательский отдел изданий Академии наук
Библиотека Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: freken_book@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Карьера первой заведующей Бронированным фондом академических изданий А.А. Петровой в Библиотеке Академии наук СССР началась в 1937 году. Взяв на себя обязанности бригадира при работе с богатым фондом изданий Академии наук, она вскоре была назначена на руководящую должность. Новый фонд положил начало новому отделу Библиотеки.

Ключевые слова: Бронированный фонд, блокада Ленинграда, бригада, магазин «Академ-книга».

История передачи Бронированного фонда академических изданий при Президиуме Академии наук СССР¹ (АН СССР) Библиотеке Академии наук СССР (БАН) еще не исследована до конца. Статьей о первом руководителе фонда мы продолжаем ряд публикаций, посвященных этому периоду. Александра Алексеевна работала в БАН в годы Великой Отечественной войны в разных отделах и подразделениях библиотеки и принимала участие во всех этапах приемки (учете, размещении и др.) Бронированного фонда в 1944–1945 годах.

Основными источниками для настоящей статьи стали материалы из личного дела Александры Алексеевны Петровой за 1937–1978 гг., хранящиеся в Секторе Музейно-выставочной работы БАН (далее — МВАР) [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Их дополняют документы из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН) и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) [7, л. 17, 8, 9, 10, 11, 12, Л. 47, 13, 14]. Воспоминания об Александре Алексеевне сохранились в книге Т.В. Зверевой и в рукописных мемуарах Н.М. Розовой² [15]. Некоторые сведения о Петровой уже были опубликованы в нашей статье, посвященной сотрудникам первой бригады БАН, занимавшейся Бронированным фондом [16, с. 158]. Кроме того, мы обращались к статьям в биографическом словаре сотрудников БАН и нескольким публикациям А.А. Балакиной и Н.В. Бекжановой, а также к статьям, монографиям и сборникам документов по истории СССР, БАН и советской цензуры [17, 18, 19, 20, 21, 22, с. 898, 23, 24, 25, 26, 27, с. 201–203, 28].

¹ Далее — Бронированный фонд.

² Приводятся со слов заведующей Справочно-библиографическим отделом БАН Н.А. Волковой.

Александра Алексеевна Петрова (урожденная Черняева) родилась 19 мая 1917 года в крестьянской семье³. В родной деревне Челсма Костромской области Галичского района Безносковского сельсовета⁴ Александра Алексеевна к 1930 году получила неоконченное среднее образование — четыре года училась в сельской школе. Затем там же год училась на курсах воспитателя и четыре года «проработала на детской площадке». Эти сведения, без указания дат, содержатся в «Личной карточке учета кадров» Петровой (далее — «Личная карточка») [1, л. 36].

В 1936 году Александра Алексеевна переехала из деревни Челсмы в Ленинград и поступила в школу для взрослых. В автобиографии Петрова пишет, что в 1940 году окончила курс неполной средней школы для взрослых № 29/5 Октябрьского района, то есть 9 классов [3]. В подтверждение этих слов в ее личном деле сохранилась копия Свидетельства Наркомпроса РСФСР от 25 июня 1939 года [5]. О себе Петрова пишет, что продолжить обучение не смогла «в связи с финской войной»⁵ [3, 24]. Позднее, 27 апреля 1953 года при аттестации в БАН комиссия приняла решение «аттестовать в должности библиотекаря с обязательством окончить курсы повышения квалификации» [6]. Свидетельства об окончании библиотечных курсов в личном деле нет.

В БАН Александра Алексеевна Петрова пришла через год после переезда в Ленинград, 13 января 1937 года — в возрасте 20 лет [1, л. 36 об]. Однако в отношении ее первой должности источники противоречивы. Согласно Личной карточке, изначально она была принята в Административно-хозяйственную часть на должность уборщицы. Та же информация приведена и в биографическом словаре. А согласно характеристике, в январе 1937 года она устроилась в Отдел обслуживания на должность курьера [4]. Дальнейший путь Петровой по службе также не вполне ясен. 1 сентября 1937 года Петрова была переведена в Отдел обслуживания «библиотечно-техническим сотрудником» [1, л. 36 об; 17]. А 1 июля 1939 года Александру Алексеевну повысили до помощника библиотекаря [1, л. 36 об]. Следующее же повышение произошло 1 апреля 1943 года: дата известна благодаря Личной карточке. Но в ней полученная должность отражена как «библиотекарь I разряда» [1, л. 36 об; 17], а в «Характеристике» (также сохранившейся в личном деле) о следующем повышении (без указания даты) сообщается, что Петрова «переведена в читальный зал на должность библиотекаря II разряда» [4]. Первый или второй разряд — описка или ошибка. Статья из словаря повторяет сведения из Личной карточки. За уточнениями мы обратились к «Хронике БАН» за январь-июнь 1943 года: с 1 апреля 1943 года «грузчики Е.А. Егоркина и А.А. Петрова были переведены на ставки библиотекарей I разряда с формулировкой “по состоянию здоровья”». «Хроника» ссылается на Приказы по личному составу БАН за 1943 год [18, с. 104; 7, л. 17]. Подтверждением, что в послужном списке Петровой была должность грузчика, служит документ от 19 июля 1943 года о присуждении

³ Отец, Алексей Александрович Черняев работал маляром, мать Анна Васильевна Иванова — домохозяйка. В анкетном листе упомянут и муж, Петр Алексеевич Петров, сотрудник Государственного оптического института имени Сергея Ивановича Вавилова [2, л. 38].

⁴ Сейчас в составе Дмитриевского сельского поселения Галичского района Костромской области.

⁵ Советско-финляндская (или «Зимняя») война (30 ноября 1939 г. — 12 марта 1940 г.).

Александре Алексеевне медали «За оборону Ленинграда» (она оказалась в числе первых ленинградцев, получивших эту награду)⁶. Кроме того, мы можем сделать вывод, что весной 1943 года Александра Алексеевна была переведена на ставку библиотекаря именно I разряда. Так, в приказе по БАН от 21 января 1944 года № 3 читаем: «Библиотекаря I-го разряда Петровой А.А. предоставить отпуск с 29-го января по 18 февраля 1944 г. с правом выезда в г. Галич по семейным обстоятельствам» [9].

А.А. Петрова оставалась в Ленинграде на протяжении всей блокады и способствовала сохранению фондов БАН [21, с. 144]. Н.М. Розова вспоминает необыкновенное чутье Александры Алексеевны, сравнивавшей сложно описанное издание на латинском языке с читательским требованием и таким образом помогавшей найти запрашиваемую книгу⁷. Александре Алексеевне посвящены несколько абзацев в мемуарах ее коллеги по Главному читальному залу БАН (ГЧЗ) Татьяны Владимировны Зверевой. Этот отрывок в основном относится к работе А.А. Петровой в бригаде младших дежурных ГЧЗ, хотя Т.В. Зверева упоминает и некоторые другие подразделения Отдела фондов и обслуживания БАН (ОФО), где трудилась Александра Алексеевна. Установить временной промежуток работы Петровой в бригаде младших дежурных ГЧЗ не представляется возможным. Косвенным свидетельством может служить то, что, по воспоминаниям Т.В. Зверевой, на тот момент она закончила «четыре или пять классов» школы⁸ — то есть пришла в БАН недавно [15, с. 193]. В тех же воспоминаниях описан случай недопонимания с иностранным читателем по поводу книги философа-утописта Шарля Фурье (1772–1837), фамилию которого А.А. Петрова не знала. Однако Т.В. Зверева тут же добавляет, что ее коллега обладала «феноменальной памятью» и могла наизусть назвать шифры как подсобного, так и основного фондов. А.А. Петрова приучала молодых коллег к порядку и аккуратности обращения с изданиями и «картонными “карманами”» для читательских заявок [15, с. 193]. Продолжая перечисление подразделений, Н.М. Розова отмечает скрупулезное отношение коллеги к своим обязанностям в Секторе диспетчеризации читательских требований ОФО. Т.В. Зверева называет также фонд микрофильмов (в воспоминаниях других коллег это подразделение как место работы Петровой не упоминается) [15, с. 193]. Длительность работы Александры Алексеевны в этом отделе нам неизвестна.

1943 год был переломным для БАН. После частичного прорыва кольца блокады 18 января постепенно возрождались и расширялась деятельность библиотеки практически по всем направлениям. Осенью была налажена подача электроэнергии. В БАН стали регулярно поступать по три экземпляра изданий из десяти типографий города, а также из военного издательства Ленинградского фронта. Комплектование осуществлялось и через коллектор научных библиотек Ленинградского книготоргового объединения государственных издательств (ЛенКОГИЗа), и благодаря

⁶ [Запись № 4336] // Списки рабочих и служащих предприятий и учреждений Василеостровского района, награжденных медалью «За оборону Ленинграда». ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 38. Д. 19. Л. 170.

⁷ В таких случаях А.А. Петрова приносила издание и требование Н.М. Розовой, которая после тщательной проверки и подтверждала правильность выводов коллеги.

⁸ До 1930 года А.А. Петрова успела закончить 4 класса, что, по-видимому, и имела в виду Т.В. Зверева.

дарам. 25 мая 1943 года БАН просила «освободить от мобилизации» А.А. Петрову и еще двух сотрудниц (Евгению Григорьевну Гаркави и Зинаиду Петровну Горюнову) [18, с. 110]. Все они остались в БАН.

В 1944 году, после снятия блокады, в БАН поступил Бронированный фонд академических изданий. Вопрос о его размещении встал из-за ликвидации Ленинградского отделения Издательства Академии наук. Сектор книгораспространения издательства, преобразованный к тому моменту в Контору по распространению изданий АН СССР «Академкнига», не мог уделять должного внимания хранению уникального собрания, формировавшегося в течение более чем двух столетий, с 1728 года. Многие книги пострадали из-за влажности. Вопрос о передаче фонда БАН был впервые озвучен 10 января 1944 года на партийном собрании членов и кандидатов ВКП(б) ленинградских учреждений Академии. Как Петрова, так и упомянутая нами Горюнова принимали участие в работе с Бронированным фондом [11, л. 28].

Постановление Президиума АН СССР о передаче Бронированного фонда БАН было принято 20 марта 1944 года. Прием фонда занял около 16 месяцев (с марта 1944-го до июля 1945-го). Но эта задача, очевидно, расценивалась как экстренная и временная — по примеру восстановительных работ в БАН. Для всех процессов, связанных с фондом, БАН формировала бригады из сотрудников разных отделов, несмотря на то, что в Постановлении было прописано необходимое количество сотрудников для эффективного функционирования нового фонда — семь человек. Но по документу, принятому через несколько дней после постановления для Бронированного фонда — распределению должностей по отделам от 23 марта 1944 года — предполагалось лишь пять человек: заведующий — главный библиотекарь (sic!), два старших библиотекаря и два библиотекаря I разряда [19, с. 128]. Из-за временного характера работа с Бронированным фондом не отражалась в документах, и в личном деле Петровой в том числе [1, 2, 3, 4, 5; 16, с. 158].

Первоначально требовалось организовать и провести прием, учет и описание изданий. Бригада⁹ из пяти сотрудников БАН — для «приема и учета бронированного фонда» — была сформирована еще 10 января 1944 года, в преддверии Постановления Президиума от 20 марта: Мария Петровна Горюнова, Мария Евгеньевна Константинова, Клавдия Петровна Воронова, Антонина Степановна Мудрова и Александра Алексеевна Петрова — бригадир (приказ по БАН № 11) [8, л. 13; 19, с. 125]. Акты о приеме фонда подписывались неоднократно. 25 июля 1944 года акт «от имени Библиотеки АН СССР» подписывали главный библиотекарь Борис Владимирович Дитман и и. о. старшего библиотекаря А.А. Петрова (Приказ по БАН № 52) [8, л. 61]. Этот факт упомянут в «Хронике БАН» со ссылкой на «Стенограмму совещания по вопросу о структуре библиографического указателя изданий филиалов и баз АН...». Причем в статье, вероятно, вслед за цитируемым документом, она (ошибочно) названа «и.о. главного библиотекаря» [20, с. 142]. Приказ по БАН, которым Петрова была повышена до и.о. главного библиотекаря, нами

⁹ А.А. Петрова входила в состав одной из четырех бригад, сформированной 2 июня 1944 года «для описания бронированного фонда».

не найден. В пользу опечатки говорит и обозначение ее должности в «Хронике БАН», подтверждающееся архивным документом: «Приказом директора главному библиотекарю Б.В. Дитману и *и.о. старшего библиотекаря* А.А. Петровой предписано подписать от имени БАН акт о приемке от «Академкниги» Бронфонда» [20, с. 142; 8, л. 61]. В конце дня, после окончания работы, помещения опечатывались, и ключи оставались на хранение в БАН. Приказом по БАН № 52 это было поручено бригадиру Петровой «совместно с библиотекарем I разряда А.П. Беликовой». Ключи от помещений оставались на хранение в Библиотеке АН СССР [8, л. 61; 20, с. 142].

Директор БАН Иннокентий Иванович Яковкин, бывший в начале процесса передачи Бронированного фонда в Москве, вернулся в Библиотеку и приступил к обязанностям в апреле 1944 года. Но в конце месяца, 28 апреля, приказ (№ 20) о назначении Петровой заведующей Бронированным фондом «с возложением на нее ответственности за приемку и хранение указанного фонда» подписывала заместитель директора Вера Матвеевна Тамань [8, л. 24]. Согласно Постановлению заведовать фондом должен был главный библиотекарь. Петрова на тот момент была на ставке библиотекаря I-го разряда. Но руководство библиотеки посчитало достаточным повысить ее до старшего библиотекаря. В машинописном тексте приказа из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН пером дописано «исполн. обяз.». Мы полагаем, существенным был не только опыт, но и личные качества А.А. Петровой, возможно — ее молодость и инициативность.

Это назначение состоялось несмотря на альтернативную кандидатуру, предложенную Уполномоченным Президиума АН СССР по Ленинградским учреждениям Академии наук Михаилом Ефимовичем Федосеевым. Еще 11 января 1944 года он хотел отдать это место сотруднице Издательства АН СССР Зинаиде Ивановне Савиновой. «Хроника БАН», опираясь на архивный документ, сообщает причину: З.И. Савинова — «старейший сотрудник»¹⁰ Издательства АН СССР [19, с. 117]. Списка сотрудников на 1944 год среди архивных документов не сохранилось. В таблице за следующий, 1945-й мы видим: Савинова пришла в издательство в 1940 году и к январю 1944 года проработала не более четырех лет. Если причина рекомендации М.Е. Федосеева — в стаже, то в издательстве были люди, проработавшие дольше [12, л. 47]. Единственной причиной рекомендации Федосеева нам кажется ее должность — «Уполномоченная Издательства», что зафиксировано в документах от 3 июня 1943 года о присуждении З.И. Савиновой медали «За оборону Ленинграда» [14]. Уполномоченные от Главного управления по делам литературы и издательств РСФСР (Главлит) при крупных издательствах, газетах и радио появились в соответствии с Положением о Главлите и его местных органах от 06.06.1931 г.: «Признать необходимым утверждение уполномоченных Главлита по основ-

¹⁰ Дословно же в письме управляющему делами АН СССР Ивану Васильевичу Зубову было написано: «Заведовать бронированным фондом /Главный библиотекарь/ назначить Савинову Зинаиду Ивановну, которая, как старый работник Издательства, сможет разобратся в многомиллионных фондах» [13]. Очевидно, под «старым работником» М.Е. Федосеев имел в виду опытность сотрудницы издательства, а не ее возраст: на тот момент Савиновой было около 49-ти лет, и она не была самой старшей в коллективе.

ным издательствам, имеющим важнейшее политическое значение...» [22, с. 898; 27, с. 202]. Функции по определению кадровой и цензурной политики перешли Центральному комитету ВКП(б) [22, с. 898]. Роль, которую М.Е. Федосеев отводил З.И. Савиновой при работе с Бронированным фондом, остается туманной.

Следующий после А.А. Петровой заведующий Бронированным фондом, Александр Николаевич Хренов, был принят в БАН на должность главного библиотекаря 20 ноября 1944 года [29]. Однако в Приказе по БАН № 96 нет указания о его назначении заведующим, и соответствующее распоряжение в архивном деле отсутствует. 8 октября 1945 года вышел приказ заместителя директора БАН В.М. Тамани (§ 2) о предоставлении очередного отпуска на 24 рабочих дня (с 11.10 по 09.11.1945 г.) «Зав. Бронированным фондом Хренову А.Н.», то есть Александр Николаевич сменил Александру Алексеевну на должности заведующего Отделом бронированного фонда до 8 октября 1945 года [30]. Другой найденный нами документ, адресованный лично «Хренову А.Н., заведующему бронированным фондом» — приказ о порядке выдачи изданий из Бронированного фонда — без номера и не датирован. Единственное, что указывает на время его создания — упоминание в тексте Постановления Президиума Академии наук от 11 октября 1945 года [31].

18 мая 1967 года — к 50-летию Александры Алексеевны Петровой и 30-летию ее работы в БАН — благодарность выразил директор БАН Михаил Семенович Филиппов [10]. В тексте этого документа работа с Бронированным фондом не упоминается.

Александра Алексеевна скончалась через 15 лет после увольнения, 13 ноября 1993 года на 77-ом году жизни. Завершая отрывок воспоминаний об А.А. Петровой, Т.В. Зверева приводит случай последнего года работы коллеги в БАН, закончившийся инфарктом: «она, будучи уже в пенсионном возрасте (за 60 лет), на спор проскакала на одной ножке со второго этажа на четвертый» [15, с. 194]. Александра Алексеевна уволилась из библиотеки 1 июня 1978-го «в связи с уходом на пенсию» [1, л. 36 об].

Список литературы

1. Петрова Александра Алексеевна: личная карточка № 284 // Петрова Александра Алексеевна: личное дело. БАН. Сектор МВАР. Ф. 1/158. Оп. 2 л. Д. 12. Л. 36–36 об.
2. Анкетный лист // Петрова Александра Алексеевна: личное дело. БАН. Сектор МВАР. Ф. 1/158. Оп. 2 л. Д. 12. Л. 37–38 об.
3. Автобиография // Петрова Александра Алексеевна: личное дело. БАН. Сектор МВАР. Ф. 1/158. Оп. 2 л. Д. 12. Л. 39.
4. Характеристика // Петрова Александра Алексеевна: личное дело. БАН. Сектор МВАР. Ф. 1/158. Оп. 2 л. Д. 12. Л. 43.
5. Свидетельство Наркомпроса РСФСР, 25 июня 1939 г. (Копия) // Петрова Александра Алексеевна: личное дело. БАН. Сектор МВАР. Ф. 1/158. Оп. 2 л. Д. 12. Л. 40–40 об.
6. Аттестационный лист // Петрова Александра Алексеевна: личное дело. БАН. Сектор МВАР. Ф. 1/158. Оп. 2 л. Д. 12. Л. 44–44 об.
7. Библиотека Академии наук СССР: приказы по личному составу за 1943 год. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1943). Д. 6. 92 л.
8. Библиотека Академии наук СССР: приказы по личному составу за 1944 год. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 10. 137 л.

9. Приказ по Библиотеке Академии наук СССР от 21-го января 1944 г., № 3 // Приказы по Библиотеке Академии наук СССР, 2 января — 30 декабря 1944 г. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 10. Л. 4.
10. Приказ по Библиотеке Академии наук № 31 от 18 мая 1967 г. // Петрова Александра Алексеевна: личное дело. БАН. Сектор МВАР. Ф. 1/158. Оп. 2 л. Д. 12. Л. 45.
11. Список сотрудников Библиотеки Академии Наук СССР по состоянию на 1 июня 1945 г. // Списки сотрудников по учреждениям: Издательство, Типография, Дом Ученых, Контора «Академкнига» и Библиотека АН СССР (июль–ноябрь 1945). СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а (1945). Д. 8. Л. 25–37.
12. Список № 1 руководящих сотрудников Ленинградского Отделения Издательства Академии Наук СССР по состоянию на 1 ноября 1945 г. // Списки сотрудников по учреждениям: Издательство, Типография, Дом Ученых, Контора «Академкнига» и Библиотека АН СССР (июль–ноябрь 1945). Ф. 4. Оп. 4а (1945). Д. 8. Л. 45–47.
13. Письмо Управляющему делами Академии Наук СССР тов. Зубову И.В. от Уполномоченного Президиума Академии Наук СССР по Ленинградским учреждениям Академии Наук М.Е. Федосеева, от [Ш/1–44] // Переписка с академическими и неакадемическими учреждениями и отдельными лицами по издательским вопросам, о состоянии хранения библиотечных и архивных фондов. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1944). Д. 7. Л. 3.
14. Решения исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся о вручении медали «За оборону Ленинграда». СПб. ЦГА Ф. Р-7384. Оп. 38 (03.06.1943–31.12.1943). Д. 1. Л. 7.
15. Зверева Т.В. Мои коллеги // Встреча с библиотекой на всю оставшуюся жизнь. Санкт-Петербург: БАН, 2016. С. 191–203.
16. Хаздан С.Е. Отдел бронированного фонда в составе Библиотеки АН СССР: первая бригада (январь–март 1944 г.) // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Санкт-Петербург: БАН, 2022. Вып. 5. С. 155–159. (Летопись Библиотеки Академии наук).
17. Петрова Александра Алексеевна // Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Книга 2 / гл. ред. и составитель В.П. Леонов. (Серия: Великая Россия. Российская биографическая энциклопедия. Т. 14). Санкт-Петербург: Гуманистика, 2014. С. 574.
18. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН): хроника военных лет, январь–июнь 1943 года // Петербургская библиотечная школа. Санкт-Петербург: БАН, 2019. № 1(66). С. 97–114.
19. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН): хроника военных лет, январь–апрель 1944 года // Петербургская библиотечная школа. Санкт-Петербург: БАН, 2019. № 3(68). С. 115–133.
20. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН): хроника военных лет, май–август 1944 года // Петербургская библиотечная школа. Санкт-Петербург: БАН, 2019. № 4(69). С. 127–150.
21. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской Академии наук и ее сотрудники в годы Великой Отечественной войны // Труды института бизнес-коммуникаций. Т. 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. С. 133–145.
22. Зеленев М.В. Изменение правового статуса Главлита в 1930–1931 гг. // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.). Т. 1. Екатеринбург, 2019. С. 894–911.
23. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964 гг. / Луппов С.П. [и др.]. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 599 с.
24. Зимняя война, 1939–1940 гг. Кн. 1: политическая история. / отв. ред.: О.А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен, Москва: Наука, 1999. 382 с.
25. «Счастье литературы»: государство и писатели, 1925–1938 гг.: документы / сост. Д.Л. Бабиченко. Москва: Росспэн, 1997. 318, [1] с.
26. История советской политической цензуры: документы и комментарии / отв. сост. Т.М. Горяева. [по копии из АП РФ, 05.09.1930]. Москва: Росспэн, 1997. 672 с.

27. Цензура в Советском Союзе, 1917–1991. Документы / сост. А.В. Блюм Москва: Росспэн, 2004. 602 с. (Культура и власть от Сталина до Горбачева: документы).

28. Блюм А.В. Статьи для энциклопедии «Цензура»: ГЛАВЛИТ // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. 2011. № 6(112). С. 340–352.

29. Приказ по Библиотеке Академии наук СССР № 96, от 20.11.1944 г. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 10. Л. 113.

30. Приказ по Библиотеке Академии наук СССР от 8/X–1945 г., № 124 // Приказы по Библиотеке АН СССР. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 17 (2 января — 31 декабря 1945 г.). Л. 56.

31. Приказ Хренову А.Н., заведующему Бронированным фондом Академии наук СССР // Приказы по Библиотеке АН СССР. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945). Д. 17 (2 января — 31 декабря 1945 г.) Л. 30.

KHAZDAN S. Alexandra Alekseevna Petrova: from brigadier to head of The Safekeeping Department of the Academy of Sciences of USSR Library

Khazdan Sofya Evgenevna — head librarian, Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia, e-mail: freken_book@mail.ru

ABSTRACT

The Head of The Safekeeping Department A.A. Petrova became an employee of the Academy of Sciences of USSR Library in 1937. Taking on the responsibilities of a brigadier when working with the rich collection of publications of the Academy of Sciences she was soon appointed head of department. It became the beginning of new department in the Academy of Sciences of USSR Library.

Keywords: Safekeeping department, siege of Leningrad, brigade, book store “Academkniga”.

УДК 021
ББК 78.33

Н.В. Бекжанова, М.Ю. Лугавцова

**ПАМЯТЬ О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА:
книги, архивные документы, воспоминания...**

Обзор выставки

Бекжанова Наиля Вилевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник отдела научной систематизации литературы, Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bekzan17@rambler.ru

Лугавцова Марина Юрьевна — главный хранитель музея истории, Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lugavtsova11@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Обзор посвящен рассмотрению тематического и типо-видового состава материалов, представленных на выставке «Память о блокаде Ленинграда: книги, архивные документы, воспоминания...», подготовленной в Библиотеке Российской академии наук к 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, история, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, 80 лет полного освобождения, выставка.

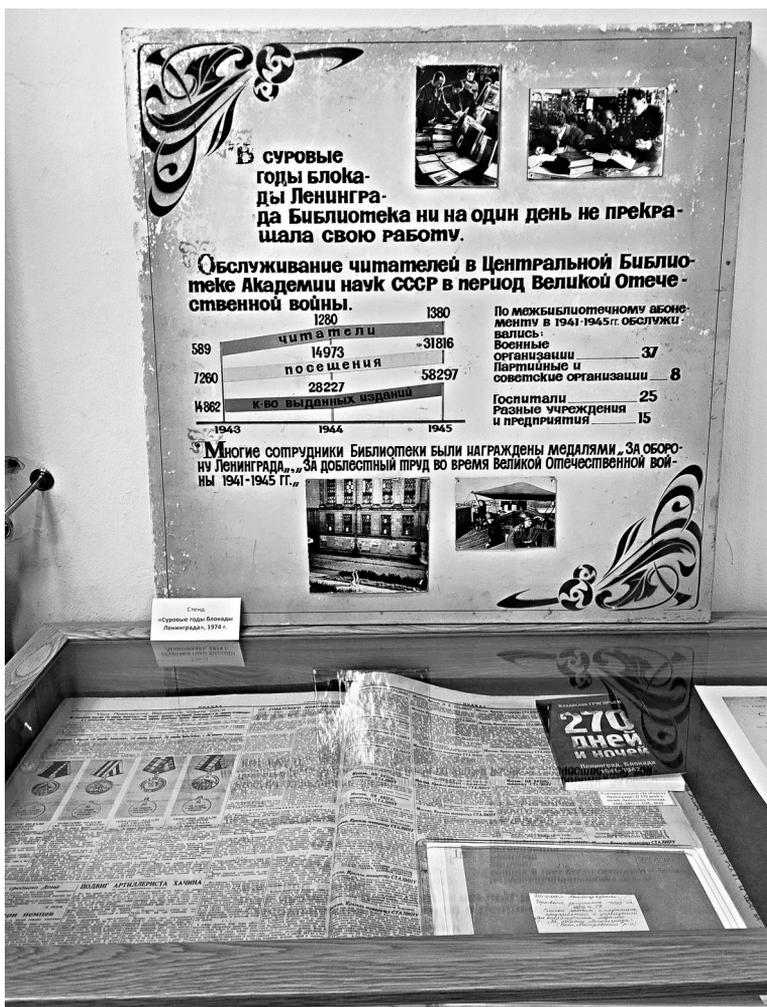
В рамках празднования 80-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады в Библиотеке Российской академии наук (БАН) организована выставка «Память о блокаде Ленинграда: книги, архивные документы, воспоминания...». Экспозиция, материал для которой предоставлен целым рядом отделов, располагается в выставочном зале (пом. 501).

Всего на выставке представлено более 400 экспонатов. Это монографии, научные сборники, альбомы, воспоминания очевидцев, опубликованные с 1943 г. до настоящего времени; подшивки газет 1941–1945 гг.: «Правда», «Труд», «Ленинградская правда»; фотоматериалы, архивные документы и музейные предметы.

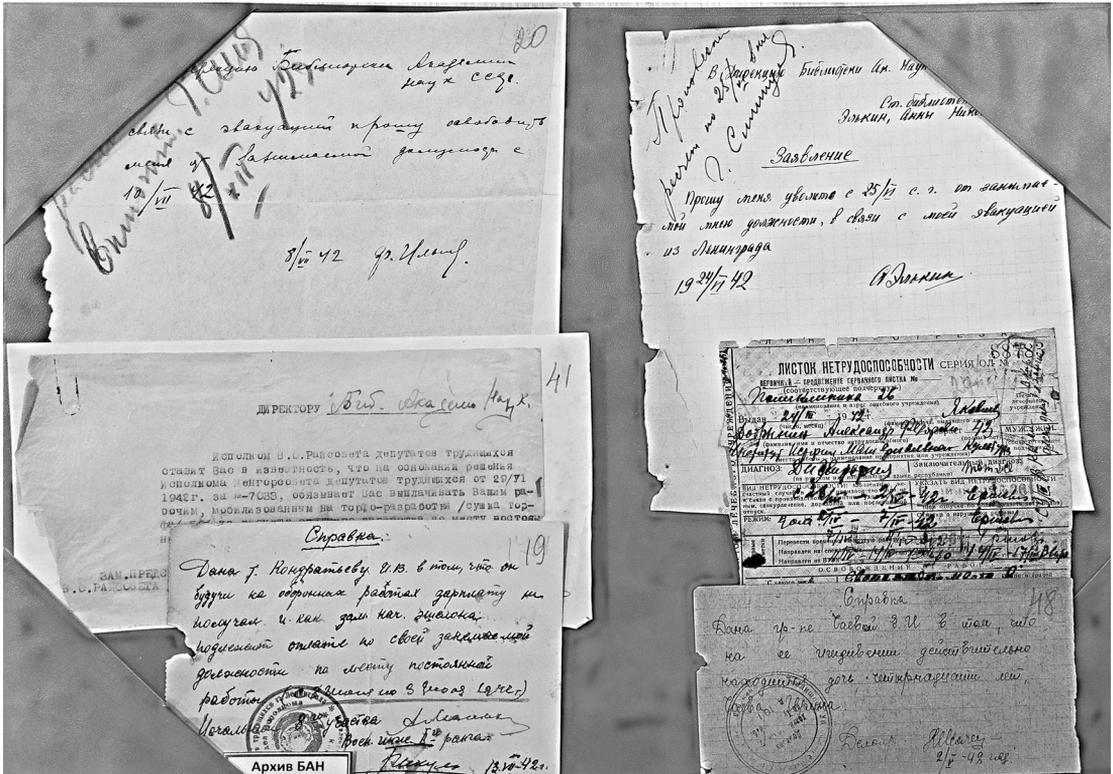
Экспонируемые материалы охватывают широкий спектр тем:

- документы и исторические источники;
- быт и условия жизни жителей блокадного Ленинграда;
- голод, его влияние на человека;
- «Дорога жизни»;
- Ленинградский фронт, операции по прорыву и полному снятию блокады Ленинграда;
- воспоминания блокадников;
- издания, напечатанные в блокадном городе;
- иллюстративный материал;
- мемориальные проекты.

Основную часть выставки составляют материалы, посвященные истории БАН периода Великой Отечественной войны. Открывается она стендом «Суровые годы блокады Ленинграда», который был подготов-

К 80-летию снятия блокады Ленинграда

лен В.М. Хвощевским — сотрудником библиотеки в 1955–1988 гг. — в 1974 г. к 30-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады.

Печатные издания из книжного собрания БАН демонстрируют ретроспективу развития темы. С первых дней войны в центральной и местных газетах появлялись публикации о работе БАН [1]. Одна из них — «Ленинградская правда» от 6 октября 1944 г., в которой напечатана фотография «В читальном зале Библиотеки Академии наук СССР», представлена в экспозиции.

В послевоенные годы из печати выходили работы, в которых авторы — сотрудники БАН — рассказывали о том, как работала библиотека в годы войны [2, 3]. Особый интерес для посетителей выставки представляют воспоминания Г.Я. Снимщиковой [4]. В 1941–1943 гг. занимавшая должности ученого секретаря, заместителя директора, а после эвакуации в 1942 г. директора БАН И.И. Яковкина руководившая всеми направлениями работы библиотеки, Галина Яковлевна живо описывает те условия, в которых работали она и ее коллеги.

Начиная с 2000-х гг. развитие исследовательского интереса вело к появлению значительного числа работ, посвященных более узким аспектам истории БАН военного периода: проблеме сохранения фондов в военных условиях [5], библиографической деятельности [6, 7], эвакуации сотрудников библиотеки [8], награждению медалью «За оборону Ленинграда» [9]. Примеры подобных работ представлены в экспозиции.

Все более обширное привлечение первоисточников, хранящихся в архивах города, позволило подготовить хронику деятельности БАН за 1941–1945 гг. Опубликованная в журнале «Петербургская библиотечная школа» (2018. № 3–4; 2019. № 1–4; 2020. № 1) и сборнике научных трудов «Наука и библиотека» (2020. № 1), она делает зримым бытование БАН в сложнейших условиях блокады, позволяет проследить изменения штатного состава, выявить актуальные в каждый момент аспекты жизни учреждения в целом, отдельных членов его коллектива, найти информацию о библиотекарях, их судьбе.

В экспозиции представлена карта военных адресов сотрудников БАН. Подготовленная в 2005 г. Н.Н. Елкиной в сотрудничестве с А.А. Петровым [10], она делает зрительным те расстояния, которые приходилось преодолевать библиотекарям для того, чтобы добраться до работы. В настоящее время содержащиеся на ней сведения (71 адрес) дополнены более 350 адресами [11].

Сотрудникам БАН, трудившимся в годы Великой Отечественной войны, посвящено несколько работ, также представленных в экспозиции. Это публикация Н.В. Пономаревой о К.И. Шафрановском [12], Т.В. Кульматовой — о Э.П. Файдель [13]. Герои этих статей, выехав в эвакуацию в Москву, стали ответственными исполнителями проекта по библиографированию академических изданий военного времени. Машинописный оригинал указателя за 1942 г. [14] и его первую публикацию в серии «Мемориальный проект» [15] можно увидеть на выставке. Ряд публикаций в экспозиции посвящен истории вопроса [16, 17].

На основе блокадного дневника сотрудника БАН Б.В. Злочевской подготовлено несколько публикаций О.А. Комаровой [18, 19]. О жизни и

обстоятельствах гибели на фронте В.М. Лаврова рассказал в своей статье С.В. Неволов [20].

Работа С.Е. Хаздан посвящена истории передачи в 1944 г. в состав БАН Бронированного фонда Президиума АН СССР, сделавшего библиотеку главным хранителем архивного экземпляра печатных изданий АН [21].

В каждой витрине, помимо печатных источников, размещены и оригинальные документы, хранящиеся в музее и архиве БАН. Это листки нетрудоспособности, выданные сотрудникам библиотеки в 1942–1943 гг., заявления об увольнении в связи с эвакуацией, справки о наличии иждивенцев, справки о регистрации сотрудников библиотеки, выехавших из оккупированных населенных пунктов Ленинградской области. Лицевые счета за 1942 г. делают зримыми те изменения, которые происходили с коллективом БАН в этом году.

На одной из витрин можно увидеть отчет отдела хранения за октябрь 1941 г., подписанный заместителем заведующего С.В. Гаршво, скончавшейся 6 марта 1942 г. Всего за время Великой Отечественной войны БАН потеряла погибшими на фронте, в результате бомбежек Ленинграда и невыносимых условий жизни около 100 сотрудников. Список их имен представлен в экспозиции [22].

На подготовленные к эвакуации рукописи, редкие издания, карты БАН, которые в силу разных причин не были вывезены из города и хранились в цокольном этаже главного здания, были составлены поящичные описи, отдельные листы которых из архива научно-исследовательского отдела редкой книги (НИОРК) можно увидеть на выставке. Также в экспозицию вошли издания, физически пострадавшие от осколков вражеских снарядов при обстреле здания БАН.

В одной из витрин представлено две подшивки газеты «Московские ведомости» за 1780 и 1801 г., которые просматривал в первую блокадную зиму сотрудник БАН И.В. Мешалин, скончавшийся 9 января 1942 г.

Обращает на себя внимание инсталляция, посвященная выставкам, которые подготавливали в военное время сотрудники БАН и отправляли в Москву. В экспозиции представлены ящики из-под немецких снарядов, использовавшиеся для перевозки книг, и экземпляры изданий, участвовавших в 1943 г. в Москве в выставках «Ньютон и наука его времени: к 300-летию юбилею со дня рождения Исаака Ньютона, 25 декабря 1642 г. — 4 января 1943 г.» и «Николай Иванович Лобачевский: к 150-летию со дня рождения, 1 декабря 1792 г. — ноябрь–декабрь 1943 г.».

Самостоятельный интерес представляют издания, входящие в «Фонд Великой Отечественной войны», формирование которого началось еще в период блокады, в настоящее время хранящийся в НИОРК. Это уникальные листовки, некоторые из которых начинаются словами: «Дорогие старосты...», «Товарищи красноармейцы, краснофлотцы...», а также книги, напечатанные в блокадном Ленинграде [23–26]. Всех их отличает скромное исполнение: малый формат, небольшое число страниц, серая бумага, мягкая обложка.

Отдельный блок составляют материалы, посвященные отделам БАН при академических институтах. Хронология их охватывает период с 1943 г. по настоящее время. Краткие заметки военного времени рассказывают о работе ленинградских отделений эвакуированных инс-

титуттов, а вместе с ними и остававшихся в городе библиотек [27, 28]. Первая обобщающая статья «Академические библиотеки ленинградской сети в 1941–1945 годах» была подготовлена к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне [29]. В экспозиции представлены и более поздние работы, посвященные отдельным библиотекам. Публикации В.Ю. Жукова и Н.Л. Марковой рассказывают о библиотеке Пулковской обсерватории [30, 31], А.В. Панеях — о библиотеке Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) [32], Р.Ш. Левиной и Л.М. Всевиова — о библиотеке Института истории материальной культуры [33], Н.С. Беляева — о библиотеке Института русской литературы (Пушкинского Дома) [34], И.В. Трапезниковой — о библиотеке Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе [35].

Особый интерес в экспозиции представляют экспонаты, предоставленные библиотекой ИРЛИ: оригиналы отчетов библиотеки за 1942 г. и книга «М.Ю. Лермонтов в портретах и иллюстрациях» [36], переданная в Лермонтовский кабинет сотрудником библиотеки Л.Г. Гринберг перед выездом в эвакуацию 9 июля 1942 г. На ее форзаце она оставила цитату из стихотворения О. Мандельштама «Tristia (Я изучил науку расставанья»: «Кто может знать при слове “расставанье”, какая нам разлука суждена...».

Отдельная витрина посвящена празднованию 220-летия Академии наук СССР, которое проходило в Москве и Ленинграде с 15 по 30 июня 1945 г. В нем приняли участие более 100 иностранных гостей — ученых, прибывших из многих стран мира. В экспозиции представлен оригинальный альбом, в котором размещены фотографии, освещающие юбилейные торжества [37]. В январе перед БАН была поставлена задача — подготовить выставки, рассказывающие о деятельности Академии наук на протяжении всей ее истории. Несколько сотен ящиков с изданиями АН были отправлены в Москву, а в Главном читальном зале БАН разместились обширная экспозиция, фотографию которой можно увидеть на выставке. Некоторые из изданий, демонстрировавшиеся в свое время в разделе «Академия наук СССР в борьбе с фашизмом за мировую культуру», представлены в витрине [38–41].

В двух витринах размещены воспоминания БАНовцев о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда, о жизни в послевоенном городе. Это и опубликованные материалы Н.Ю. Бубнова [42], Н.М. Розовой [43], В.М. Хвощевского [44], Н.А. Никифоровской [45], и детский рассказ на основе воспоминаний В.Б. Лазуркиной [46], и отрывки из делопроизводственных автобиографий, опубликованных в сборнике «Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук» [47]. Среди авторов — участники войны, рассказывающие о фронтовых буднях, сотрудники БАН военного периода или же детьми пережившие блокаду. За каждым отрывком стоит личная трагедия — потеря близких, друзей, несмотря на которую человек сумел найти силы продолжить жить и трудиться.

Все представленные на выставке материалы делают зримым то, как работала БАН в период Великой Отечественной войны, как сохраняется память об этом трагическом периоде в жизни библиотеки, в жизни всей страны.

Список источников

1. Тэсс Т. Невский проспект: письма из Ленинграда // Известия. 1944. 16 апр. (№ 91).
2. Шафрановский К.И. Библиотека Академии наук в Ленинграде (1941–1945 гг.) // Библиотекарь. 1946. № 4. С. 29–31.
3. Белоголовцев А.Ф. Библиотека Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Труды БАН и ФБОН. 1962. Т. 6. С. 265–274.
4. Снимщикова Г.Я. Год в блокаде: из записок библиотекаря // Девятьсот дней. 2-е изд., доп. Ленинград, 1957. С. 358–361; фото.
5. Баженова Н.М. БАН в первые месяцы блокады: проблема сохранности фондов: (по материалам Комиссии по делам ленинградских учреждений) // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 2. С. 59–69.
6. Кульматова Т.В. Деятельность БАН, связанная с описанием изданий Академии наук периода Великой Отечественной войны (1941–1945) // Книга: исследование и материалы / Рос. акад. наук. Москва, 2010. Сб. 92, ч. 1/2. С. 118–128.
7. Пономарева Н.В. Деятельность К.И. Шафрановского в период Великой Отечественной войны // Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: в 2 ч. Москва, 2015. Ч. 1. С. 229–233.
8. Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Сотрудники БАН в эвакуации во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Наука и библиотека: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2021. Вып. 2. С. 191–206.
9. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. К истории награждения сотрудников Библиотеки АН СССР медалью «За оборону Ленинграда» // Труды Института бизнес-коммуникаций / С.-Петербург. гос. ун-т промышл. технологий и дизайна. Санкт-Петербург, 2017. Т. 2. С. 91–99.
10. План Ленинграда 1980-х гг. с указанием адресов сотрудников Библиотеки Академии наук СССР, проживавших в блокадном Ленинграде [Оригинал] / авт.-сост.: Н.Н. Елкина, А.А. Петров. Санкт-Петербург, 2005. 1 л. (Место хранения: Музей БАН).
11. Адреса проживания сотрудников БАН периода Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук / авт.-сост.: Н.В. Бекжанова, А.А. Балакина; Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург, 2024. С. 485–497.
12. Пономарева Н.В. К.И. Шафрановский — организатор библиографической работы Библиотеки Академии наук СССР в 1930–1950-е годы // Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973). Санкт-Петербург, 2011. С. 10–20.
13. Кульматова Т.В. Э.П. Файдель — заведующая Академическим собранием БАН // Библиографические чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973). Санкт-Петербург, 2014. С. 16–23.
14. Алфавитный указатель изданий Академии наук СССР, опубликованных в 1942 г. / Сектор специальных библиотек АН СССР. [Москва, Б.г.]. Машинопись.
15. Библиография изданий Академии наук: 1941–1945 гг.: ежегодник. Вып. 2: 1942 год / руков. проекта Н.В. Колпакова, отв. сост. Т.В. Кульматова. Санкт-Петербург, 2007. 242 с.
16. Баженова Н.М., Кульматова Т.В. Библиографические указатели изданий АН СССР за 1941–1943 гг. под редакцией К.И. Шафрановского: концепция современного издания // Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973). Санкт-Петербург, 2011. С. 20–27.
17. Баженова Н.М., Колпакова Н.В., Елкина Н.Н. Мемориальные библиографические проекты Библиотеки Российской академии наук // Государственная библиография, статистика печати, книговедение и Российская книжная палата: прошлое, настоящее и будущее: сб. ст. / Рос. кн. палата; ред.-сост.: М.Е. Порядина, К.М. Сухоруков. Москва, 2012. С. 216–223.
18. Комарова О.А. Блокадный дневник Берты Владимировны Злочевской: (с анот. имен. указ.) // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 2. С. 108–115.
19. Комарова О.А. Блокадный дневник Берты Владимировны Злочевской // Берковские чтения–2017: книжная культура в контексте международных контактов. Минск; Москва, 2017. С. 163–168.

20. Неволов С.В. Вячеслав Модестович Лавров: некоторые обстоятельства биографии // Наука и библиотека: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2021. Вып. 3. С. 157–164.
21. Хаздан С.Е. Отдел Бронированного фонда в составе Библиотеки АН СССР: первая бригада (январь–март 1944 г.) // Наука и библиотека: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2022. Вып. 5. С. 155–159.
22. Сотрудники Библиотеки Академии наук, не дожившие до Победы... // Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук / авт.-сост.: Н.В. Бекжанова, А.А. Балакина; Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург, 2024. С. 501–504.
23. Архангельская-Левина М.С. Тупые травмы живота. [Ленинград]: Медгид, Ленингр. отд-ние, 1941. 140 с.
24. Петров И.Р., Гугель-Морозова Т.П. О лечении острой кровопотери вливанием кровозамещающей жидкости: с 3 рис. / Ленингр. ин-т переливания крови. Ленинград: Обл. дом сан. просвещения Леноблздравотдела, 1941. 14 с.: ил.
25. Новотельнов С.А. Инструкция по применению сфагна для перевязочных целей / АН СССР. Ботан. ин-т им. В.Л. Комарова. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 9 с.: ил.
26. Как приготовить чай и кофе из культурных и дикорастущих растений Лен-области: (сост. по работе проф. И.В. Палибина «Чай и кофе из культурных и дикорастущих растений») / под ред. А.А. Корчагина; Ботан. ин-т им. В.Л. Комарова АН СССР. Ленинград: Ленингр. газ.-журн. и кн. изд-во, 1942. 16 с.: ил.
27. Бочкарева Е. Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР в дни Великой Отечественной войны // Исторический журнал. 1943. № 7. С. 101–102.
28. В Ботаническом институте им. В.Л. Комарова // Вестник АН СССР. 1942. № 1. С. 71–73.
29. Клещук С.Е. Академические библиотеки ленинградской сети в 1941–1945 годах // Научные и технические библиотеки. 1985. № 4. С. 12–16.
30. Жуков В.Ю. Спасение книг Пулковской обсерватории в 1941 году // 70 лет назад: как это было...: материалы Междунар. науч.-практ. конф. по патриот. воспитанию. Санкт-Петербург, 2011. С. 64–71.
31. Жуков В.Ю., Маркова Н.Л. Е.И. Винтергальтер (1890–1974) и книги Пулковской обсерватории в войну и блокаду // Мы победу приближали как могли: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. Великой Отечеств. войне (с акцентом на события 1943 года), Москва, 18–19 апр. 2003 г. Смоленск, 2003. С. 212–217.
32. Панях А.В. Библиотека Института в годы войны // Из истории Кунсткамеры, 1941–1945. Санкт-Петербург, 2003. С. 63–67.
33. Левина Р.Ш., Всевиов Л.М. Из истории библиотеки ИИМК // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / РАН. Ин-т истории материальной культуры. Санкт-Петербург, 2013. С. 318–326.
34. Беляев Н.С. История Библиотеки Пушкинского Дома, 1906–2016 / Б-ка Рос. акад. наук, Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Санкт-Петербург, 2019. С. 225–230.
35. Трапезникова И.В. Блокадные страницы (о работе научной библиотеки Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе в годы Великой Отечественной войны) // Научная библиотека Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе: к 100-летию со дня открытия: сб. ст. / Б-ка Рос. акад. наук, ФТИ им. А.Ф. Иоффе РАН. Санкт-Петербург, 2023. С. 29–41.
36. М.Ю. Лермонтов в портретах и иллюстрациях: пособие для учителей средней школы / сост.: Э.Ф. Голлербах и В.А. Мануйлов. Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, Ленингр. отд-ние, 1941. 196 с., 1 л. фронт. (портр.).
37. 220 лет Академии наук СССР, 1725–1945. Юбилейная сессия, Москва–Ленинград: [альбом. Б.м., Б.г.].
38. Крылов А.Н. Ньютон и его значение в мировой науке, 1643–1943 / АН СССР. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1943. 39 с., 1 л. портр.
39. Идельсон Н.И. Николай Коперник: 1543–1943: 400-летие со дня смерти Коперника / АН СССР. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1943. 30, [2] с.: портр.
40. Вышинский П.Е. Смерть фашизму! / АН СССР. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 24 с.

41. Второй антифашистский митинг советских ученых в Москве, 11 июля 1943 года. [Москва]: Госполитиздат, 1943. 56 с.: ил., портр.
42. Бубнов Н.Ю. Война и блокада глазами ребенка; Острогожский дневник: история рода купцов Рязановых: два очерка из жизни ленинградской семьи Бубновых-Рязановых. Санкт-Петербург: Реноме, 2020. 303 с.: ил., портр.
43. Розова Н.М. Мои воспоминания о войне / Б-ка Рос. акад. наук. Справ.-библиогр. отд.; ст., сост., коммент.: Н.В. Бекжановой, Н.А. Волковой, Н.А. Сидоренко. Санкт-Петербург: БАН, 2013. 100 с.: ил., портр.
44. Хвощевский В.М. Кораблик: автобиогр. повесть. Санкт-Петербург, 1992. 84 с.
45. Никифоровская Н.А. Один блокадный месяц / публ. А.А. Балакиной, Н.В. Бекжановой // Такая разная война...: Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах / сост.: Н.А. Гринченко, Н.Г. Патрушева, М.В. Тоскина. Санкт-Петербург, 2020. Вып. 9. С. 385–421.
46. Черкашин Г.А. Кукла: [рассказ: для чтения взрослыми детям] / рис. Г.А.В. Траугот. Санкт-Петербург; Москва: Речь, 2020. 38 с.: цв. ил.
47. Великая Отечественная война и блокада Ленинграда: выдержки из автобиографий сотрудников Библиотеки Российской академии наук // Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук / авт.-сост.: Н.В. Бекжанова, А.А. Балакина. Санкт-Петербург, 2024. С. 359–482.

BEKZHANOVA N., LUGAVZOVA M. Memory of the Blockade of Leningrad: books, archival documents, memories...: exhibition review

Bekzhanova Nailya — Candidate of Pedagogical Sciences, senior researcher
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bekzan17@rambler.ru, onsl@rasl.nw.ru

Lugavzova Marina — Chief Curator of the Museum of history
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lugavtsova11@mail.ru

ABSTRACT

The review is devoted to the consideration of the thematic and type-specific composition of the materials presented at the exhibition “Memory of the blockade of Leningrad: books, archival documents, memoirs...”, prepared by the Russian Academy of Sciences Library for the 80th anniversary of the complete liberation of Leningrad from the blockade.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, history, Great Patriotic War, Blockade of Leningrad, 80th anniversary of the complete liberation, exhibition.

УДК 002.2
ББК 76.10

Ю.А. Долгих, Е.В. Ковриженко

**«МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ И КНИГА НОВОГО ВРЕМЕНИ:
ФОРМЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ» — 2023:
второй междисциплинарный научный семинар
в Библиотеке Российской академии наук,
посвященный античной мифологии**

Долгих Юлия Анатольевна — научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ju-d@mail.ru
Ковриженко Елена Владимировна — младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alyona.kovrizhenko@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье приводится обзор научного семинара в Библиотеке Академии наук, посвященного мифологическим сюжетам в книжной культуре Нового времени. Представлено краткое содержание выступлений участников на следующие темы: мифологические персонажи в книжном искусстве и гравюре, аллегорические интерпретации античных мифов в литературе, вопросы перевода мифологических имен и развития мифографической традиции на Западе и в России и т.д.

Ключевые слова: мифология, семинар, гравюры, история книги, мифологические аллегории, мифографическая традиция, Библиотека Российской академии наук.

21 ноября 2023 г. в Библиотеке Российской академии наук (БАН) состоялся второй научный семинар, посвященный рецепции мифологических сюжетов в книжной культуре (первый семинар по аналогичной теме был организован в 2022 г. [1]). Тематами обсуждения стали мифологические мотивы в книжном оформлении, эволюция мифографической традиции и ее влияние на национальные мифологические системы, мифы и их аллегорические интерпретации в искусстве и литературе. Семинар открыла директор БАН О.В. Скворцова, которая отметила, что сюжеты античной мифологии на протяжении веков были предметом интереса самых различных дисциплин, и их изучение сохраняет свою актуальность и сегодня.

С первым докладом «Мифографические труды Бенямина Гедериха в русской книжной культуре второй половины XVIII века» выступила научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги (НИОРК) БАН Ю.А. Долгих. Доклад был посвящен трудам немецкого педагога и лексикографа Бенямина Гедериха (Benjamin Hederich) (1675–1748), которые стали широко известны за пределами Германии и закупались в Россию из-за рубежа, как и многие другие образовательные книги. Примечательно, что, хотя имя Гедериха достаточно хорошо известно в немецкой литературе, в русском исследовательском поле упоминания о нем чрезвычайно редки. Самые известные его мифологические словари — «Gründliches Lexicon Mythologicum» («Основательный Мифо-

логический Лексикон», первое издание — 1724 г.) [2] и «Gründliches Antiquitäten-Lexicon» («Основательный Лексикон Древностей», первое издание — 1743 г.) [3] — никогда не издавались на русском языке. Однако они стали востребованными справочниками по мифологии не только для немецких поэтов и писателей, но и для русских исследователей, в частности для В.Н. Татищева. В «Истории Российской» (1768 г.) [4] Татищев реконструирует славянское язычество с опорой на западноевропейские мифографические труды, особо выделяя лексиконы Гедериха. Сравнительный анализ текстов показал, что в перечне наименований и описаний языческих богов Татищев в большей степени опирается на «Лексикон Древностей», чем на «Мифологический Лексикон». Некоторые мифологические имена не были упомянуты им в «Истории Российской», но встречаются в его неоконченном «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» (1793 г.) [5].

Однако в большей степени Гедерих стал известен в русской литературе благодаря не Татищеву, а переводчику Михаилу Леонову, исчерпывающих сведений о котором, к сожалению, пока не обнаружено. В 1781 г. из типографии Н. Новикова выходит книга «М. Вениамина Гедериха руководство к мифологии» [6], представляющая собой справочник по античной мифологии для учащихся. Сравнение текста Леонова с другими трудами Гедериха показало, что оригиналом послужило «Руководство по самым выдающимся историческим наукам» («Anleitung zu den fürnehmsten Historischen Wissenschaften...», 1725 г.) [7], в составе которого седьмым разделом идет «Руководство по мифологии». Русский перевод начинается со второй главы сочинения Гедериха. Это непосредственно сам словарь персонажей античных мифов, расположенных по алфавиту, в соответствии с мифологической системой, которую Гедерих приводит в первой главе, оставшейся не переведенной. Перевод Леонова достаточно точен, если не считать произвольно добавленные или измененные суффиксы в именах персонажей (например, «Пенамасы» вместо «Пенаты» или «Пелон» вместо «Пелопс»). Такой словарь полностью соответствовал традиции учебных мифологических компендиумов, потребность в которых возникла в русском образовании в XVIII в.

Различные интерпретации античных аллегорий были рассмотрены в докладе ведущего научного сотрудника Государственного Русского музея (ГРМ) Ю.М. Ходько «Минерва, Фемида и Любовь к отечеству. Аллегорическая гравюра П.-Ф. Шоффара “Екатерина II дарует различным народам, составляющим ее империю, новый свод законов”». Гравюра, выполненная по заказу А.С. Строганова, изображает Екатерину II, рядом с которой наверху расположены две аллегорические фигуры, а внизу — народы Российской империи. Согласно интерпретации Д.А. Ровинского, на гравюре представлены Минерва, Твердость и Фемида, а наверху — летящая Слава. По мнению Ричарда Уортмана, рядом с Екатериной изображены Минерва и Марс, а рядом — Ромул и Рем, из-за которых выглядывает волчица. Однако детальный анализ гравюры позволил автору доклада высказать иное предположение. На ранних оттисках есть французская надпись, где сказано, что картина представляет Екатерину, вдохновляемую Мудростью и руководимую Разумом — фигурой, ко-

тору Юртман назвал Марсом, а Ровинский — аллегорией Твердости. Еще у Фомы Аквинского упомянуто, что Мудрость — высшая интеллектуальная добродетель, действующая в мире через Разум. Поэтому Минерва (Мудрость), возвышающаяся над Екатериной, внушает правительнице саму идею закона. Разум же поддерживает Екатерину и руководит ее практической законодательной деятельностью. При этом уздечка, которую Разум держит в руках, символизирует сдерживание страстей и деспотического произвола. У ног Минервы стоит Правосудие. Предположение Юртмана о Ромуле и Реме оказывается неверным: фигура матери с детьми — аллегория Милосердия, собачка у них в руках (а не волчица) символизирует верность; все вместе они представляют благодарную Россию, получающую наказ Екатерины. Таким образом, предложенная Ю.М. Ходько новая интерпретация основывается на информации, содержащейся на ранних оттисках гравюры, а также на традиции изображения упомянутых аллегорий.

Доклад младшего научного сотрудника Института русской литературы (ИРЛИ) РАН А.В. Волкова «Мифологические имена в “Келейном летописце” Димитрия Ростовского» был посвящен анализу употребления вариантов имен античных богов в сочинении Димитрия Ростовского с привлечением источников, к которым он прибегал. «Келейный летописец» представляет собой комментированное изложение библейской истории, включающее в себя также «историю внешнюю» — историю древних восточных монархий и античную мифологию, которая, в соответствии с эвгемерическим подходом, была встроена в исторический процесс. Рассказывая об античных мифах, Димитрий Ростовский использует как латинские, так и греческие варианты имен богов. Например, в случае с именем Зевса, Дий выступает его альтернативной формой, а Юпитер и Иовис употребляются в качестве их латинско-польских соответствий. Предпочтение автором варианта Дий, возможно, было связано с его обращением к славянским переводам Библии и святоотеческих сочинений, где встречается именно эта форма. Имена Крон и Сатурн автор «Келейного летописца» считает взаимозаменяемыми, ориентируясь на латинский вариант в западноевропейской традиции. При дальнейшем изложении античной мифологии Димитрий Ростовский, прежде всего, опирается на западноевропейские латиноязычные произведения и преимущественно использует латинские формы имен.

Сочинение французского монаха-бенедиктинца XIV в. рассматривалось в докладе библиотекаря Отдела научной систематизации литературы (ОНСЛ) БАН К.Б. Кислина «Христианизация сюжетов античной мифологии в трактате Петра Берхория “Морализованный Овидий”». Трактат, построенный как пособие для проповеди, содержит интерпретацию сюжетов Овидия в русле христианской экзегезы: изложение мифов сопровождается комментариями, раскрывающими их моральный или аллегорический смысл. Вводная глава трактата включает сведения о внешнем облике богов; эти описания повлияли на дальнейшую традицию их изображения. Аллегорическое толкование отсылает к новозаветным событиям, а моральное служит обличению пороков современного общества, критике светских и церковных властей, а также определенных социальных групп. Так, под Ликаоном, превращенном Юпитером в вол-

ка, Берхорий подразумевает иудейский народ: Бог посетил дом иудеев, но не был принят ими, в результате чего иудеи уподобились волкам, блуждающим с места на место. Мотив наказания тщеславного человека за необоснованные претензии на высокий общественный статус воплощается в мифе о Фаэтоне. В 1559 г. «Морализованный Овидий» Петра Берхория был внесен в Индекс запрещенных книг, однако это не положило конец его распространению в читательской среде.

В докладе младшего научного сотрудника НИОРК БАН Е.В. Ковриженко «Христианская “Одиссея”: “La navegaciun de Ulises” Хуана Руиса Альсео» шла речь об ауто сакраменталь «Плавание Улисса», датированном 1621 годом. «Плавание Улисса» — первое драматическое произведение на испанском языке, посвященное этому гомеровскому герою [8, p. 1]. Пьеса Руиса Альсео представляет собой аллегорическое изложение истории спасения под видом жизни и странствий Улисса, который здесь синонимичен Человеку и одновременно воплощает в себе все человечество. Действующие лица ауто — персонификации различных понятий, и многие герои пьесы имеют два имени — функциональное, восходящее к гомеровскому эпосу, и аллегорическое, раскрывающее их истинную сущность. В ауто персонажи и отдельные эпизоды истории претерпевают трансформацию как в связи с характерной для жанра аллегоризацией, так и с необходимостью лучше отражать идейное наполнение пьесы: горящая Троя выступает аллегорией последствий грехопадения, лотофаги обитают на острове Невежества, пещера Полифема оказывается обиталищем Алчности, Цирцея становится аллегорией Похоти, околдовавшей Улисса с помощью греховных чар и превратившей его спутников, пять чувств, в животных. Эпизод с островом Сирен содержит весьма оригинальную отсылку к таинству евхаристии — центральной теме всякого ауто сакраменталь. Евхаристический хлеб у Руиса Альсео становится защитой от губительного пения Сирен вместо воска — с его помощью спасаются спутники Улисса. Сам же Улисс просит привязать его к мачте, которая одновременно представляет собой древо жизни и крест. Спасительным крестом для главного героя оказывается и доска, брошенная ему Покаянием, представляющим в роли нимфы Левкотеи, давшей Одиссею покрывало. Плавание Улисса завершается в порту Благодати.

Изучению оформления наградных экземпляров голландских школ на материале книг из собрания Н.П. Лихачева, хранящихся в Отделе БАН при Санкт-Петербургском институте истории (СПБII) РАН, было посвящено выступление главного библиографа Отдела БАН при СПБII РАН Е.З. Панченко «Афина на переплетах (эмблемы наградных экземпляров голландских латинских школ)». Н.П. Лихачев был одним из крупнейших коллекционеров суперэкслибрисов; особую группу среди его собрания составляют наградные экземпляры голландских школ в переплетах с тисненым золотом изображением Афины, приобретенные им единым лотом в Брюсселе. Обычай награждать талантливых учеников, распространенный во многих европейских городах, в Голландии практиковался особенно широко. Осенью и зимой в школах проводились экзамены, и лучшим ученикам вручались книги (чаще всего издания сочинений античных классиков) в роскошных переплетах с золотым суперэкслибрисом. Специфика подобных суперэкслибрисов

состояла в том, что эти книжные знаки указывали не на владельца, а на образовательное учреждение и город, в котором оно находилось. Традиционный для суперэкслибрисов герб (в данном случае — герб города) нашел себе место на щите, с которым было принято изображать Афины. Таким образом, античная богиня мыслилась как защитница и покровительница города.

Тема доклада, представленного научным сотрудником НИОРК БАН И.А. Даниловым, — «Библейские сюжеты с мифологической основой как элементы оформления книги XVI–XVII вв. На материале собраний Валленродтов и Герсдорфов». Предметом анализа послужили переплеты книг, хранящихся в фонде НИОРК БАН и происходящих из библиотек Валленродтов [9] и Герсдорфов. Было уделено внимание истории обеих коллекций. Основателем первой стал герцогский канцлер Пруссии Мартин фон Валленродт (1570–1632); в 1650 г. она была передана в кафедральный собор при Кенигсбергском университете, где хранилась до 1944 г. Другое собрание формировалось представителями верхнелужицкого рода Герсдорфов во второй половине XVIII века и поступило в БАН, как и библиотека Валленродтов, после окончания Второй Мировой войны. В докладе было рассмотрено художественное оформление экземпляров из указанных библиотек — изображения библейских сюжетов и персонажей на крышках переплетов.

Завершила семинар презентация каталога «Издания фирмы Фробенов (1491–1587 гг.) в фондах Библиотеки Российской академии наук и академических собраниях Санкт-Петербурга» (Москва; Санкт-Петербург, 2023), подготовленного Д.Д. Гальциным, научным сотрудником НИОРК БАН [10]. Работа над каталогом началась в 2014 г., и результатом ее стало описание экземпляров фробеновских изданий, хранящихся в Библиотеке Академии наук, а также в Государственном музее истории религии и библиотеках при академических институтах Санкт-Петербурга. В докладе была подробно освещена история издательского дома Фробенов, начиная с конца XV в., когда Иоганн Фробен выпустил свою первую Библию *in octavo*, до смерти внуков основателя династии в начале XVII в. Деятельность Фробенов носила во многом новаторский характер; особенности их изданий — оформление титульных листов, использование итальянских шрифтов (прежде всего, антиквы), издательские комментарии, а также характерные художественные детали — гравированные рамки, инициалы и издательские марки. В каталог включено 211 экземпляров, в их числе 7 инкунабул, которые хранятся в фонде НИОРК. Наибольшее количество фробеновских изданий поступило в БАН из библиотеки Римско-католической духовной академии, а также из частных коллекций (Валленродтов, Радзивиллов, Петровских и др.). На экземплярах БАН сохранились информативные маргиналии владельцев, которые могут стать предметом отдельного исследования.

Доклады участников сопровождались активным обсуждением, высказывались предположения об альтернативной интерпретации отдельных мотивов и смежных сюжетных элементов. Вовлеченность участников семинара в дискуссию, обмен мнениями и впечатлениями, живой интерес слушателей показали продуктивность работы семинара и понимание необходимости проведения подобных семинаров в дальнейшем.

Список источников

1. Долгих Ю.А., Ковриженко Е.В., Субботина О.В. Мифологические сюжеты и книга Нового времени: формы и интерпретации. Научный семинар в Библиотеке Российской академии наук // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Вып. 6. Санкт-Петербург, 2023. С. 140–143.

2. Hederich B. Gründliches Lexicon Mythologicum:... aus sicheren und zuverlässlichen Auctoribus, mit dieser durchgänglichen und genauen Anführung entfasset, anbey ein so nöthiges, als nützlich Genealogicon Mythicvum, mit angehängt; alles aber zum Nutzen und Gebrauch nicht nur derer Studirenden, sondern auch fürnehmlich vieler Künstler und anderer politen Leute, nicht weniger zulänglich, als deutlich zusammen gebracht ist. Leipzig: Gleditsch, 1724. [30] S., 1972 Sp., [36] S.

3. Hederich B. Gründliches Antiquitäten-Lexicon: Worinne die merckwürdigsten Alterthümer der Jüden, Griechen, Römer, Teutschen und ersten Christen zulänglich beschrieben, und mit ihren Auctoribus bewiesen werden. Leipzig: Gleditsch, 1743. [30] S., 3104 Sp., [8] S.

4. Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 1. Ч. 1. [Москва]: напечатана при Императорском Московском Университете, 1768. [12], XXVIII, 224 с.

5. Татищев В.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том VIII. Работы разных лет. Москва: Научно-издательский центр «Ладомир», 1996. 462, [2] с.

6. [Гедерих Б.] М. Вениамина Гедериха Руководство к мифологии. Переведено с немецкаго на российской язык Михайлом Леоновым. В Москве: в Университетской типографии, у Н. Новикова, 1781. 63, [1] с.

7. Hederich B. Anleitung zu den fürnehmsten Historischen Wissenschaften, Benanntlich Der Geographie, Chronologie, Genealogie, und Heraldica, Der Historia Universali, Notitia Auctorum, Den Römischen Antiquitäten, und der Mythologie. Wittenberg, 1725. [11] Bl., 512 S., [8] Bl.

8. Ruiz Alceo J. La navegaciyn de Ulises. Ediciyn, introducciyn y notas de Ricardo Arias. Kassel: Reichenberger, 1993. 98 p.

9. Книги из собрания Валленродтов в Библиотеке РАН: каталог книг формата «in quarto» / подгот. изд. Г.Н. Питулько. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2020. 1088 с., 32 с. ил.

10. Издания фирмы Фробенов (1491–1587) в фондах Библиотеки Российской академии наук и академических собраниях Санкт-Петербурга: каталог / авт.-сост. Д.Д. Гальцин. Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2023. 296 с., ил.

DOLGIKH J., KOVRIZHENKO E. «Mythological plots and the book culture of the Modern Era: forms and interpretations» — 2023: the second interdisciplinary seminar dedicated to the classical mythology in the Russian Academy of Sciences Library

Dolgikh Julia — Researcher of the Research Department of Rare Book

Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia, e-mail: ju-d@mail.ru

Kovrizhenko Elena — Junior Researcher of the Research Department of Rare Book

Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia, e-mail: alyona.kovrizhenko@yandex.ru

ABSTRACT

The article offers a review of the seminar in the Russian Academy of Sciences Library devoted to the studying of mythological topics in the book culture of the Modern period, with summaries of speakers' reports on a range of topics such as mythic characters in book art and engravings, allegorical interpretations of classic mythology in literature, issues related to the translation of mythological names and development of mythographic tradition in Western Europe and Russia, etc.

Keywords: mythology, seminar, engravings, book history, mythological allegories, mythographic tradition, Russian Academy of Sciences Library.

УДК 005+165.9
ББК 87.25

К.Б. Кислин

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ МЫСЛИ: история и современность

Кислин Константин Борисович — кандидат философских наук, библиотекарь, отдел научной систематизации литературы

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kislin_k_rel@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории классификационной мысли как определенному феномену в рамках истории философии. Отмечается влияние философских идей на расположение материала в классификационных сочинениях Средневековья и Нового времени. В конце статьи уделяется внимание современным философским подходам к научному знанию. Делается вывод о соответствии Национальной классификационной системы России (ББК) последним тенденциям в рамках философии науки.

Ключевые слова: история классификационной мысли, философия науки, глобальный эволюционизм, Библиотечно-библиографическая классификация (ББК).

В своем фундаментальном двухтомнике «Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации» классик отечественного библиотековедения Евгений Иванович Шамурин (1889–1962) поставил вопрос об историческом развитии классификационной мысли. Источниковой базой для ее изучения являются различного рода энциклопедии, каталоги, в том числе составленные для нужд библиотек, и иные документы, обобщающие и систематизирующие все накопленное к определенному историческому моменту знание. В ходе своего исследования Е.И. Шамурин убедительно доказывает заявленный во введении тезис о том, что на систематизацию знаний внутри той или иной эпохи влияют характерные для нее культурные условия [1, с. 3]. Таким образом, история классификационной мысли может быть рассмотрена как определенный феномен в рамках истории философии.

Изучение философских оснований классификационной мысли имеет важное практическое значение для библиотековедения, связанное с цифровизацией и поиском новых путей организации систематических каталогов. Актуальность темы обусловлена живым интересом библиотечного сообщества к месту библиотеки в современном изменяющемся мире и ее роли в формировании культурного ландшафта страны.

Попытки обобщить информацию о мире и представить ее в виде классификационной схемы предпринимались еще в античный период: энциклопедия Плиния Старшего «Естественная история» (I в. н.э.) в тридцати семи книгах открывается посвятителем письмом императору Титу, затем следуют разделы, посвященные космологии (кн. 2), географии (кн. 3–6), антропологии (кн. 7), зоологии (кн. 8–11), ботанике

(кн. 12–19), медицинской ботанике (кн. 20–27), медицинской зоологии (кн. 28–32), минералогии (кн. 33–37). Можно видеть, как знания выстраиваются в иерархической последовательности: неодушевленная материя, люди и животные, мир растений (и камни) [2, с. 1377].

Идея иерархического принципа мироустройства была близка неоплатонизму с его представлением об эманации, то есть «перехода от высшей и совершенной онтологической ступени универсума к низшим и менее совершенным» [3]. Философ-неоплатоник Амвросий Феодосий Макробий (V в.) в своем комментарии на «Сон Сципиона» Цицерона писал: «... раз из высшего Бога возникает Ум, из Ума — Душа, а Душа создает и наполняет жизнью все последующее, и раз одно блистание озаряет все и проявляется повсюду, как одно лицо во многих, поставленных в ряд, зеркалах; и раз все следует друг за другом в непрерывной последовательности, вырождаясь по мере движения вниз, то внимательному наблюдателю откроется, что от высшего Бога до последнего осадка вещей [тянется], сплетаемая воедино взаимными узлами, нигде не разрушаемая связь. Это и есть золотая цепь Гомера, которую, как напоминает Поэт, бог приказал свесить с неба на землю» [4, с. 247]. Упомянутый здесь образ золотой цепи был впервые представлен в «Илиаде» Гомера (VIII, 19–27): верховный бог Юпитер сбросил с небес золотую цепь и предложил остальным олимпийцам померяться с ним силой [5, с. 153]. Схожие идеи высказывает Боэций (V–VI вв.), также тяготевший к неоплатонизму, в «Утешении философией» (III, IX): «О Зодчий мира и движенья побудитель мудрый, // Строитель вдохновенный, что порядком правит вечным, // Ты пребываешь неподвижным в собственном величье!» [6, с. 122].

Неоплатоническая идея эманации оказала определенное влияние на христианское Средневековье. В частности, как подчеркивает Е.И. Шамурин, Бонавентура (1221–1274), средневековый схоласт и «учитель Церкви», в трактате «О возвращении наук богословию» писал, что «все знания происходят от “Отца Света”, т.е. от Бога и качественно различаются в зависимости от силы “божественной освещенности, в которой они рождаются”. Исходя из этого, он размещал науки от “низших” к “высшим”, причем самую низкую ступень занимали у него “механические искусства”, высшую — богословие» [1, с. 87].

Такое расположение материала было типичным для средневековых энциклопедистов, начиная от Исидора, епископа Севильского (кон. VI — нач. VII вв.). Его «Этимологии» состоят из двадцати объемных книг и являются первой и одной из самых значимых энциклопедий Средневековья. Автор ставил перед собой задачу суммирования всего известного на тот момент знания. Каждому рассматриваемому явлению дается этимологическая трактовка, то есть суть этого явления объясняется через его название. Подобные этимологические практики были широко распространены в то время.

Первые три книги «Этимологий» были посвящены предметам, которые изучались в кафедральных школах — так называемым *тривиуму* (грамматика, риторика, диалектика) и *квадривиуму* (арифметика, геометрия, астрономия и музыка). Эта система была впервые описана латинским писателем и ритором первой половины V века Марцианом

Капеллой в сочинении «О бракосочетании Филологии и Меркурия» и пользовалась в Средние века большим авторитетом. Далее располагаются книги о медицине (кн. 4) и «О законах и исчислении времени» (кн. 5). Книги с шестой по двадцатую повествуют о различных областях знания, которые Исидор расположил в иерархической последовательности: «О Боге, ангелах и святых» (кн. 7), «О церкви и сектах» (кн. 8), «О людях и чудовищах» (кн. 11), «О животных» (кн. 12), «О камнях и металлах» (кн. 16), информация о сельском хозяйстве помещена в семнадцатой книге [1, с. 49–50].

Компендиум Бартоломея Английского «О свойствах вещей», который был написан около 1260 года и служил пособием для студентов Парижского университета, открывается секцией о Боге (кн. 1). Затем следуют разделы: «О свойствах ангелов...» (кн. 2), «О свойствах разумной души» (кн. 3), книги с четвертой по седьмую посвящены вопросам антропологии и медицины, книги с восьмой по одиннадцатую касаются общих представлений о мире, времени, материи и форме, природных явлениях. Книги с тринадцатой по пятнадцатую касаются географических вопросов, шестнадцатая книга — «О ценных камнях», семнадцатая — «О деревьях и растениях и их свойствах», «О животных» (кн. 18), «О цветах» (кн. 19) [1, с. 79–80].

В энциклопедии Брунетто Латини (XIII в.) «Книга о сокровище» идея нисходящей последовательности знания о мире проявлена еще более четко. В первой (из трех) части сочинения повествование ведется: о Боге, ангелах, душе, небе (в широком смысле), земле (географические сведения), животных (в следующем порядке: рыбы, моллюски, четвероногие, пресмыкающиеся, птицы, насекомые), растениях и камнях. Вторая часть работы касается практических сведений: экономики, политики, некоторых профессий; отдельно выделены предметы, входящие в тривиум (грамматика, риторика, диалектика). Третий раздел полностью посвящен вопросам логики [1, с. 84–85].

Стремление составителей средневековых энциклопедий собрать воедино, описать и классифицировать как можно большее число объектов и явлений было следствием их теоцентрического взгляда на мир. В Средние века мир воспринимался как Книга, в символической форме повествующая о своем Создателе. За пределами мира феноменов, то есть непосредственно наблюдаемых явлений, стояла «иная», божественная реальность. Она могла быть открыта опытному наблюдателю, трактующему действительность через «призму» Писания. Сами вещи интересовали средневекового человека лишь в той мере, в которой они могли быть представлены в качестве творения Бога и несли на себе божественный отпечаток. Поэтому принято говорить о символическом миропонимании в этот период.

Зачастую авторы не столько описывали, сколько интерпретировали материал. Приведем в качестве примера рассуждения английского монаха-августинца XII века Александра Неккама о хамелеоне из его энциклопедии «О природе вещей». Он пишет: «Окрас он имеет пестрый и в разное время различный. Так, что с какой бы вещью он не сблизился — становится одного с ней цвета. Он не может принимать на себя [только] два цвета — красный и белый. Остальные принимает с лег-

костью. /.../ Хамелеон может напомнить тебе льстеца, который в состоянии сообразовать себя со многими людьми, но не с непорочными и справедливыми. Белый цвет означает невинность, красный — пламя милосердия» [7, с. 69].

Наряду с подобными — моральными — трактовками были распространены аллегорические интерпретации, в которых говорилось об Иисусе Христе или христианской душе. Например, французский монах-бенедиктинец середины XIV века Петр Берхорий в пятнадцатой книге своей энциклопедии «Моральный свод», которая была посвящена трактовке мифологических сюжетов из «Метаморфоз» Овидия, сравнивает нимфу Клитию, из-за неразделенной любви в Фебу-Солнцу превратившуюся в цветок подсолнечника, с грешной душой, которую «Солнце справедливости — Христос — не удостоивает [своего] внимания, но презирует ее» [8, с. 79].

В XIII веке в классификационной мысли Средневековья столкнулись две противоположные тенденции. С одной стороны, схоласты закрепили за богословием статус универсальной всеохватной дисциплины, утверждая, что все другие науки имеют лишь пропедевтический статус по отношению к ней. Это наиболее ярко выразил Фома Аквинский в своей формуле «философия — это служанка богословия». С другой стороны, в философии этого периода имел большое значение спор реалистов и номиналистов. Номиналисты, отрицавшие за общими понятиями («универсалиями») существование в качестве объективной реальности, требовали исходить в процессе познания из конкретно наблюдаемых явлений. В конечном итоге это был спор о том, дается ли знание «сверху», как «откровение», или добывается путем тщательного изучения окружающего мира. Позиция номиналистов оказалась плодотворной в истории науки, в частности, для разработки индуктивного метода познания (от наблюдения за частными явлениями — к общим выводам).

Спор номиналистов и реалистов зародил сомнения в богооткровенности знания. В упомянутых выше классификациях Бартоломея Английского и Брунетто Латини ясно прослеживается логика схоластической мысли, где каждое знание оказывалось в конечном итоге знанием о Боге. Однако уже в классификации францисканца и профессора богословия Оксфордского университета Роджера Бэкона (XIII в.) в его «Большом сочинении» положение наук по отношению к богословию переосмысливается: на первое место вынесены предметы тривиума и квадравиума, а также информация по другим областям знаний, богословие же поставлено в самый конец. Бэкон по-прежнему в духе времени считал, что «все науки являются подчиненными по отношению к “высшей науке” — богословию», однако знание о Боге уже не дается непосредственно «свыше», а «добывается» путем получения объективных знаний о мире [1, с. 89]. Е.И. Шамурин подчеркнул прогрессивность классификации Роджера Бэкона по сравнению с работами его предшественников, особенно отметив его «решительный отход от ставшей привычной ненаучной последовательности естествоведческих знаний — человек (поставленный вслед за Богом, ангелами и “душой”), животные, растения, камни» [1, с. 95–96]. Классификация Бэкона свидетельствует о возрастании роли объективного знания о мире, которое было следствием развития уни-

верситетов, и об отходе от принципа теоцентризма в средневековой классификационной мысли.

В XVI веке эта тенденция получила свое дальнейшее развитие уже в специальных библиотечных классификациях, таких как работы Конрада Геснера и Габриэля Ноде. Классификация Ноде, написанная им в 1627 году, является типичным образцом так называемой «факультетской системы», где в основу положено разделение знаний на четыре университетских факультета: богословский, юридический, медицинский и факультет свободных искусств, образованный из предметов тривиума и квадравиума [1, с. 164]. Таким образом, в «факультетской системе» богословие было отделено от философии и окончательно утратило свой универсальный статус, которым пользовалось на протяжении Средневековья.

Отдельного упоминания заслуживает сочинение родоначальника эмпиризма Фрэнсиса Бэкона (XVI–XVII вв.) «Великое восстановление наук». В своих теоретических построениях Бэкон исходил из принципа «двойственности истины», согласно которому существует два источника знания: полученное в результате «откровения», и опытное знание, добытое путем изучения окружающего мира и обобщения информации о нем (индуктивный метод). Е.И. Шамурин отмечает, что «воспользовавшись учением о “двойственности истины”, Бэкон полностью отделил науки от богословия “откровения” или “вдохновения”» [1, с. 179].

Классификации XVII–XVIII веков в целом характеризуются стремлением к поиску естественных причин тех или иных феноменов окружающей действительности и к отказу от «суеверий». Ярчайшим феноменом является «Энциклопедия» эпохи Просвещения, среди авторов которой были материалисты Дени Дидро и Поль Гольбах, а также Жан Д’Аламбер, придерживавшийся позиций деизма (представления о том, что Бог не вмешивается в повседневную жизнь людей и, по сути, «вынесен за скобки»).

В девятнадцатом веке ставится вопрос о естественных причинах происхождения религии. Приведем в пример рассуждения библиотекаря города Альба Массоля: «Люди, слабые, беспокоящиеся за свою судьбу, волнуемые тысячами страхов, удрученные тысячами бед, должны были искать мощного покровителя; и, приведенные постепенно к сознанию Бога, они захотели сделать его благосклонным к себе при помощи культа, который, они думали, для него более приятен: это то, что называют религией у всех народов мира» [1, с. 235]. Огюст Конт — основоположник позитивизма — настаивает на том, что всякое знание должно иметь эмпирический характер. Окончательно формируется научная картина мира, наука, споря с религией и другими формами общественного сознания, всерьез начинает претендовать на статус универсальной мирообъясняющей системы. Происходит процесс секуляризации, то есть «обмирщения» общества, снижения роли религиозных институтов в целом. Если Макробий говорил о «золотой цепи», сброшенной с небес на землю, то А.Н. Радищев, напротив, в описании мира использует образ лестницы: «От камня до человека явственна постепенность, благоговейного удивления достойная, явна сия лествица веществ, древле уже познанная» [9, с. 170]. Принципом постепенного перехода от наук о природе к наукам

о человеке, обществе и мышлении руководствовался в своей классификации, составленной для Второго отделения Императорской Академии наук, Карл Максимович Бэр (1792–1876 гг.) [9, с. 154].

Наибольшее влияние на советскую систему классификации оказал диалектический материализм. Е.И. Шамурин писал: «Важнейшим основным положением диалектического материализма является учение об единстве и материальности мира. Признание этого единства неизбежно приводит к выводу об единстве всех наук. <...> Материя и, следовательно, природа находится в состоянии постоянного становления и изменения. <...> Науки должны располагаться в последовательности развития форм движения материи от низшей, самой простой к высшим и более сложным» [9, с. 9–10]. С 30-х гг. начинается работа над созданием единой советской библиотечно-библиографической классификации [10, с. 6]. Новая классификация должна была быть адекватной идеологическим основаниям советского общества и служить делу пропаганды идей марксизма-ленинизма среди читателей. Однако, как отмечает Э.Р. Сукиасян: «Попытки представить ББК только как продукт “идеологического заказа” безосновательны, так как идеология составляла лишь одну из характеристик ББК» [10, с. 16]. Прежде всего это была цельная система, адекватно отражавшая современное состояние науки, над которой совместно трудились не только библиотекари, но и специалисты из разных областей научного знания. В результате более чем тридцати лет плодотворной работы, советскому библиотечному сообществу была предложена универсальная система библиотечно-библиографической классификации. Ее внедрение в практику работы библиотек происходило в течение 60-х годов с выпуском соответствующих таблиц ББК по различным дисциплинам [10, с. 13].

Положенные в основу ББК «философские принципы объективности и развития на основе логически обоснованной последовательности наук по формам движения материи с отражением новых особенностей и тенденций развития современной науки» [11, с. 6] позволили отечественной классификации пережить общественно-политический кризис 90-х годов и успешно адаптироваться к современным реалиям. С 2001 года начинается выпуск средних (по степени детализации) таблиц ББК, в которых советская идеология больше не занимает центрального места. Во введении к первому тому серии в качестве главной задачи авторского коллектива названа «подготовка и издание средних таблиц ББК, соответствующих современному уровню мировой и отечественной науки, отражающих глубокие изменения, происшедшие в жизни общества за последние десятилетия» [12, с. 6]. ББК имеет статус Национальной классификационной системы России.

В настоящее время перед специалистами-систематизаторами стоит ряд вопросов философского характера. Прежде всего, это вопрос о самой необходимости классификации, на который обратил внимание Э.Р. Сукиасян в статье 2015 года: «Высказывается мнение о ненужности классификации как таковой, мол, достаточно поиска по ключевым словам» [10, с. 16]. И далее: «Приходится постоянно защищать поисковые возможности ББК, объяснять, что ББК — не словарь и не совокупность понятий, а система, отражающая их парадигматику, не внешние, а внут-

рение, сущностные отношения» [10, с. 25]. Кроме того, конечно, остро стоит вопрос об адекватности отражения в классификации современного состояния науки, в которой происходят постоянные изменения. Предлагаем взглянуть на эти вопросы с точки зрения истории философии науки.

Согласно академику В.С. Степину, с последней трети XX века начинается переход от неклассической к постнеклассической стадии развития науки. Это было связано с трансляцией принципа эволюционизма из биологии в физику и с появлением представления о развивающейся (эволюционирующей) Вселенной, которого ранее не существовало [13, с. 332]. Впервые в истории науки возникли предпосылки к объединению представлений о неживой природе, органическом мире и социальной жизни в «целостную научную картину» [13, с. 331].

Основой современной научной картины мира является принцип универсального (или глобального) эволюционизма, стремящийся к рассмотрению отдельных научных дисциплин в их развитии и взаимосвязи друг с другом в качестве единой непротиворечивой системы. В.С. Степин пишет: «Если кратко охарактеризовать современные тенденции синтеза научных знаний, то они выражаются в стремлении построить общенаучную картину мира на основе принципов универсального эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов» [13, с. 331].

Это означает, что отдельные научные дисциплины рассматриваются в настоящее время в качестве самоорганизующихся систем, обладающих потенциалом к эволюции, адаптации и взаимному влиянию. В качестве такой самоорганизующейся системы рассматривается и наука в целом. Чрезвычайно важным процессом в рамках эволюции современного научного знания является сближение естественных и гуманитарных наук, согласно принципу человекообразности, то есть включенности человека и его действий в процесс научного освоения мира (антропный принцип, эффект наблюдателя в физике и прочее) [13, с. 352–353]. Благодаря такому сближению «научное знание приобретает новый гуманистический смысл» [13, с. 352].

Национальная классификационная система России (ББК) в полной мере соответствует современным философским представлениям о научном знании. Стоит обратить внимание на то, что российская классификация сама является сложной самоорганизующейся системой и адекватно отражает процесс эволюции и взаимоадаптации наук (естественных, прикладных, социальных, гуманитарных), взятых как части единого целого. При этом «несовершенство», или, лучше сказать, постоянная «незавершенность» классификации с точки зрения современного понимания науки естественна, поскольку, как и сама наука, ББК находится в состоянии непрерывного становления. Отечественная система классификации, изначально организованная на философских принципах марксизма-ленинизма, смогла успешно адаптироваться к современным реалиям и не утратила своей высокой актуальности, поскольку в полной мере отражает идеи глобального эволюционизма, господствующие в современной философии науки. Таким образом, работа над ББК имеет не только чисто практический смысл, но и является значимой с философской точки зрения.

Список источников

1. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 1. Москва: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1955. 399 с.
2. Альбрехт Михаэль фон. История римской литературы. Т. 2. / пер. с нем. А.И. Любжина. Москва: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2004. 704 с.
3. Шичалин Ю.А. Эманация // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/c/emanatsiia-4d62b3> (дата обращения: 06.11.2023).
4. Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней античности. Москва: Кругъ, 2007. 464 с.
5. Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича; предисл. В. Ярхо; примеч. С. Ошерова. Москва: Художественная литература, 1978. 534 с.
6. Бозций. Утешение философией / пер. с лат. В.И. Уколовой, М. Цейтлина; вступит. ст. А.В. Маркова; прим. В.И. Уколовой. Москва: РИПОЛ классик, 2020. 254 с.
7. Neckam Alexander. De naturis rerum et De laudibus Divinae Sapientiae / ed. T. Wright. London: Longman, Roberts, and Green, 1863. 521 p.
8. Bersuire Pierre. Reductorium morale, liber XV, cap. II–XV: Ovidius moralizatus / ed. J. Engels. Utrecht: Instituut voor Laat Latijn der Rijksuniversiteit, 1962. 189 p.
9. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 2. Москва: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1959. 562 с.
10. Сукиасян Э.Р. Библиотечно-библиографическая классификация (ББК) — Национальная классификационная система Российской Федерации: информационные материалы. Москва, 2015. 64 с.
11. Библиотечно-библиографическая классификация. Сокращенные таблицы: практическое пособие. Москва: Пашков дом, 2015. 672 с.
12. Библиотечно-библиографическая классификация. Средние таблицы: практическое пособие. Вып. 1. 60/63 С/Т Социальные науки в целом. Обществознание. История. Исторические науки. Москва: Либерия, 2001. 320 с.
13. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. Москва: Гардарики, 2006. 384 с.

KISLIN K. To the problem of the philosophical foundations of classification thought: history and modernity

Kislin Konstantin — Candidate of Philosophical Sciences, librarian, Department of Systematic Catalog
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: kislin_k_rel@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the history of classification as a certain phenomenon within the framework of the history of philosophy. The influence of philosophical ideas on the arrangement of the material in the classification works of the Middle Ages and Modern period is noted. At the end of the article, attention is paid to the modern philosophical approaches to scientific knowledge. The conclusion is made about the compliance of the Library-Bibliographical Classification (LBC) with the latest trends in the philosophy of science.

Keywords: history of classification, philosophy of science, global evolutionism, Library-Bibliographical Classification (LBC).

УДК 91

ББК 63.3 (5Кит) 4; 63.3 (6) 4

Т.И. Виноградова, Ю.В. Пригорицкая

«ПОЙМАЛИ ЛИНЯ» — ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КИТАЯ И АФРИКИ

Виноградова Татьяна Игоревна — кандидат исторических наук, заведующий отделом литературы стран Азии и Африки

Пригорицкая Юлия Валерьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: olsaa@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Работа над информационным ресурсом по африканистике на основе материалов фондов БАН показала, что история изучения раннего этапа взаимоотношений Китая с государствами Африки изучена недостаточно. В статье описывается состояние вопроса, дается обзор источников, формулируются основные трудности сино-африканистики. Одной из целей китайских экспедиций в Африку был ввоз крупных животных в качестве подношений императору. В дальнейшем африканские звери стали ассоциироваться с китайскими мифическими животными, и в измененном виде вошли в китайский bestiary.

Ключевые слова: В.А. Вельгус, единорог-цилин, жираф, Чжэн Хэ, камелопард.

Современная научная африканистика как комплекс дисциплин, исследующих культурное и социально-экономическое устройство Черной Африки, зародилась конце XIX в., когда в университетах Европы началось преподавание африканских языков. Особенностью исследований по Африке можно считать то, что они «...при отсутствии внутренних письменных источников, основываются в первую очередь на географических наблюдениях, фольклорных и лингвистических записях, сделанных путешественниками, а также на изучении предметов материальной культуры» [1, с. 3]. В фонде К.М. Бэра Библиотеки РАН хранится представительное собрание европейских книг об Африке: 343 наименования на немецком, французском, английском языках, принадлежащих 254 авторам, а также диссертации на латыни конца XVII в. [1, с. 3–4].

Африку открывали и осваивали не только европейцы, однако об исследователях из других стран нам известно гораздо меньше, и тому много причин помимо естественного для нас европоцентризма. К примеру, научные работы о китайском исследовании Черного континента не включены в общий корпус обязательных трудов по африканистике. Старые китайские источники по Африке до сих пор рассматриваются сквозь призму экзотики, в них очень много недостоверных и сенсационных сведений, однако неизбежные лингвистические и иные трудности не должны служить оправданием для отказа от расширения источниковой базы современной африканистики за счет литературы на китайском языке. Современные исследования о китайско-африканских отношениях носят политологический характер и редко обращаются к их ранней истории.

Еще в 1964 г. специалист по истории Африки Чеслав Ешман отмечал, что китайские связи с Африкой изучаются уже 50 лет, «но результаты этого исследования не проникают на быстро растущую ниву африканистики» [2, с. 27]. С этого времени ничего принципиально не изменилось. Также отдельно следует рассматривать бурно развивающуюся китайскую африканистику, обеспечивающую расширение китайского присутствия в Африке. На автора этих строк осенью 2019 г. произвела большое впечатление колоссальная по размерам, географическому и хронологическому охвату выставка африканской деревянной скульптуры из фондов Национального музея Китая. К сожалению, современные китайские исследования по Африке по-прежнему мало известны на Западе, однако ситуацию могут исправить появляющиеся в последнее десятилетие многочисленные монографии и книги китайских авторов на английском языке. Новые исследования африканских ученых по истории связей их стран с Китаем малодоступны.

В отечественной сино-африканистике ранние китайские источники по Африке описаны, переведены и прокомментированы китаеведом В.А. Вельгусом [3]. Виктор Андреевич Вельгус (1922–1980) был уникальным специалистом, чья квалификация позволяла ему работать с самыми разными источниками.

Вельгус родился в Москве, после смерти родителей был усыновлен китайцем — участником Октябрьской революции и красноармейцем. В 1928 г. вместе с приемными родителями уезжает в Китай, где он прожил до 1947 г., получив китайское классическое образование. Вернувшись в СССР в 1947 г., начал преподавать китайский язык и одновременно учиться в лучшей по тем временам отечественной синологической школе, став учеником и коллегой академика В.М. Алексеева (1881–1951). Именно В.А. Вельгус отпечатал на машинке рукопись В.М. Алексеева «Рабочая библиография китаиста», в дальнейшем с этой копией работали при подготовке текста для издания в БАН [4].

С 1960 г. В.А. Вельгус служил в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР (Кунсткамера), где углубленно занимался ранними китайскими источниками по Африке. В Кунсткамере его коллегами были высококвалифицированные африканисты и арабисты, одним из научных редакторов его книги был Д.А. Ольдерогге. В 1-й главе книги Вельгуса «Китайские известия об Африке ранее XVI в. и некоторые вопросы их изучения» перечислены основные работы о раннем китайском присутствии в Африке: трехтомник Чжан Син-лана (1888–1951) о связях Китая с Западом, в котором приводятся сведения о черных рабах в Китае [5], и монография «пионера сино-африканистики» Я.Ю. Дёйвендака (Jan Julius Lodewijk Duyvendak 1889–1954) «Открытие Африки китайцами» [6]. Источники до XI века переведены [3, с. 141–159], их тексты представлены в Приложении в оригинальном написании [3, с. 228–252]: это отрывки из «Исторических записок» Сыма Цяня, «Истории ранней Хань», из менее известных сочинений. Заслуживает внимание и подробный разбор В.А. Вельгусом трудов по истории китайско-африканских связей, в том числе арабоязычных и японских, в его рецензии на книгу китайского исследователя Чжан Те-шэна [7, с. 65–70].

Основные проблемы изучения китайских источников по Африке, по мнению В.А. Вельгуса и других исследователей, таковы:

– Малочисленность письменных источников, повторяемость многих сведений, цитирование без указания источника.

– Археологических свидетельств пребывания китайцев в Африке больше, чем письменных: большое количество фарфоровых селадоновых изделий империй Тан (618–907) и Сун (960–1279), китайские монеты.

– Трудности идентификации топонимов по китайской иероглифической транскрипции.

– В источниках много совершенно фантастических сведений, причудливым образом переплетающихся с описанием реальных событий: «Человеческое дерево. На юго-западе [восточное побережье Африки] от страны Да-ши (Арабского халифата), в двух тысячах ли, есть страна, в горах которой на деревьях, наподобие цветов, растут человеческие головы. Говорить они не умеют, а если их спрашивают [о чем-нибудь], то улыбаются и только; а если много улыбаются, то опадают». Автор Дуань Чэн-ши (?–863), «Различные заметки из пещеры в горах Ю-ян» [3, с. 158].

Знаменитые морские экспедиции под командованием Чжэн Хэ выходят за хронологические рамки исследования В.А. Вельгуса, но обойти их вниманием, говоря о китайцах в Африке, невозможно. В 1405–1433 гг. великий китайский мореплаватель Чжэн Хэ 鄭和 (1371/1376–1433/1435) возглавил семь походов через Южно-Китайское море в Индийский океан, 4-я и 5-я экспедиции достигли Африки за восемь десятилетий до Васко да Гамы.

В конце XVI в. писатель Ло Мао-дэн 羅懋登 на основании исторических хроник и записок участников плаваний создал роман «Плавание Чжэн Хэ в Западный океан» («Общедоступное повествование о хождении в Западный океан сановника-евнуха по прозванию Три Драгоценности»), первое издание — 1597 г. В.А. Вельгус рекомендует рассматривать сведения из романа в качестве исторического источника с большой осторожностью: «Ло Мао-дэн приводит тексты грамот местных правителей Могодишо, Джуба, Брава, адресованных китайскому императору, и называет имена правителей этих стран. Возможно, что имена здесь и вымышлены, но не исключена вероятность, что не все здесь является чистой фантазией» [3, с. 25].

Одна из проблем сино-африканистики заключается в невозможности четко сформулировать, что было нужно китайцам в Африке, тогда как от правильного ответа на этот вопрос зависит понимание нынешней ситуации. Китайцы определенно не хотели колонизировать Магриб и Африку южнее Сахары, реальные объемы торговли были невелики и существенных доходов не приносили. Серия крупнейших, дорогостоящих и крайне успешных морских экспедиций под командованием Чжэн Хэ была внезапно и без объявления причин прервана. Объяснение, что китайским императорам было достаточно, чтобы правитель любой страны в ответ на дары формально признал себя данником Срединной империи и послал императору что-либо в подарок в качестве «дани», представляется потомкам европейских колонизаторов неубедительным. О присутствии черных рабов в Китае в источниках написано очень расплывчато [2, с. 30; 3, с. 13, 139–140].

С уверенностью можно только утверждать, что китайцам в церемониальных целях были нужны экзотические африканские звери, первое упоминание об этом содержится в истории узурпатора Ван Мана: «В годы Юань-ши (1–5 гг.) царствования императора Пин-ди, когда правлению помогал Ван Ман, желая блеснуть величием и добродетелью, он отправил богатые подарки правителю страны Хуан-чжи 黃支 с тем, чтобы тот прислал посольство с подношением [в виде] живого носорога» [3, с. 40]. Какая территория подразумевается под страной Хуан-чжи, не вполне ясно, преобладает версия, что речь идет о Канчипурам (Кондживерам) в Индии, но некоторые ученые склонялись к Суматре [3, с. 183] и даже к Эфиопии [3, с. 36]. В тексте цитируемой хроники («История ранней династии Хань») не сказано, куда именно дошло посольство и где китайскую делегацию ожидал желаемый носорог.

Слоны упоминаются в старых текстах в связи со слоновой костью как основным продуктом китайского импорта. Слоны водились в самом Китае, ими нельзя было удивить, был даже особый праздник 6-го числа 6-го лунного месяца (праздник Тянь-куан цзе 天貺節, посвященный Богу Неба), когда проводилась публичная церемония купания дворцовых слонов. В старых текстах есть описания страусов, львов и всяких удивительных копытных животных. Однако жирафы в ранних упоминаниях отсутствуют, а первая документированная встреча китайцев с этим животным произвела сенсацию.

Среди бумаг В.М. Алексеева в его «Синологической картотеке» хранится вырезка из неизвестной англоязычной газеты, без даты, в которой речь идет о том, что упомянутый выше профессор Лейденского университета Я.Ю. Дёйвендак приобрел у букиниста в Нью-Йорке китайскую картину XV в. с изображением жирафа, подаренного китайскому императору. Позднее Дёйвендак опубликовал репродукцию этой картины под названием «Благовещий жираф» в качестве иллюстрации к статье «Точные даты китайских морских экспедиций в начале XV в.» [8] (Рис. 1). Со ссылкой на исторические хроники династии Мин Дёйвендак рассказывает об изумлении китайского двора при виде экзотического животного, принятого за мифического оленя-единорога цилиня.

Здесь необходимо сделать два отступления — о цилине и императоре, ко двору которого был доставлен жираф. В Китае с древности сформировалась четверка благовещих животных: цилинь, дракон, феникс-фэнхуан и черепаха. Цилинь считался главным из всех зверей и непосредственным вожак оленей. Словарь «Шо вэнь цзе цзы» (說文解字,

Рис. 1. Жираф Дёйвендака

«Объяснение простых знаков и разбор составных», 100 г. н.э.) сообщает следующее: «Ци есть добродетельное животное, тело оленя [Давида], коровий хвост и один рог. Линь (вариант написания иероглифа) — самка ци» 麒仁獸也麋身牛尾一角麋/麟牝麒也. То есть перед нами — составной зверь-единорог. Информация об облике цилиня множилась и дополнялась, поэтому трудно сказать с уверенностью, когда добавлялся тот или иной компонент. У цилиня тело небольшого оленя, шея волка, хвост быка, копыта коня, шерсть бывает разных цветов, но чаще описывается как бурая. Цилинь питается только волшебными злаками, при ходьбе не ломает траву и не давит насекомых. Примечателен его рог, заканчивающийся мягким мясным наростом, которым он не может причинить никому вреда. Рог — символ объединения страны в единое государство и символ единовластия государя, со временем также сделался фаллическим символом.

Древние авторы рассматривали цилиня как воплощение морально-этической категории жэнь 仁 «человеколюбие», «гуманность». Считалось, что появление цилиня несет умиротворенность и процветание, знаменует предстоящее рождение мудреца. В VI в. зафиксировано предание, что рождению Конфуция предшествовало появление цилиня, исторгшего изо рта нефритовое письмо с пророчествами. В XI в. появилась информация, что цилиня впервые видели в 2697 г. до н.э. во времена правления Желтого императора Хуанди, что ознаменовало наступление идеального правления. Насилие над цилинем, его поимка или ранение считались крайне плохим предзнаменованием. Словами хо линь «поймали линия» 获麟 заканчивает Конфуций летопись «Чунь цю» («Вёсны и осени»), появление пойманного цилиня предшествовало и смерти Конфуция, и крушению некоторых царств (пленный цилинь — предвестие смуты и падения государства) [9].

Третий минский император Чжу Ди 朱棣 (1360–1424, на троне как Чэн-цзу 成祖 с 1402 г. до смерти), избрал для своего правления девиз Юн-лэ 永樂 «Вечное счастье». Он был сыном основателя государства Мин и победителя монголов Чжу Юань-чжана, имел вотчину в Пекине, успешно оборонял его от монголов и полагал, что отец оставит трон именно ему. Император же передал бразды правления своему старшему сыну, который вскоре умер, оставив трон своему сыну. Молодой император Чжу Юнь-вэнь опасался влиятельного дяди и других сыновей Чжу Юань-чжана, поэтому постепенно отстранял их от дел и участия в поминальных ритуалах. С целью свержения законного императора Чжу Ди в январе 1402 г. начал поход на Нанкин, тогдашнюю столицу страны, в результате которого правитель Чжу Юнь-вэнь с супругой погибли при пожаре императорского дворца. Чжу Ди перенес столицу в Пекин, вырезав при этом всех сторонников племянника в нескольких поколениях, старясь уничтожить любую память о нем. Новому императору нужны были знамения и символы, чтобы легитимизировать свое правление, в связи с чем незамедлительно был зафиксирован ряд благовещих знамений: находка стебля кукурузы с несколькими початками, появление белого оленя, белого слона, очищение вод реки Янцзы.

Правление Чжу Ди под девизом Юн-лэ было вполне успешным — развивалась экономика, налаживались связи с внешним миром. Именно

в это царствование были снаряжены морские экспедиции в южные моря под командованием Чжэн Хэ. Стоит упомянуть, что одной из негласных целей дальних плаваний Чжэн Хэ были попытки отыскать племянника императора Чжу Юнь-вэня: ходили слухи, что он не погиб при пожаре нанкинского дворца, а смог бежать и скрыться за пределами Китая. С плаванием Чжэн Хэ связана и еще одна причудливая версия целей китайских походов в Африку: адмиралу было доверено привезти в Китай множество черных женщин, именно поэтому в качестве участников экспедиции отбирались в основном евнухи, каковым был и сам Чжэн Хэ [2, с. 30]. Экспедиции Чжэн Хэ, техническое оснащение флота свидетельствуют о беспрецедентном уровне развития науки и технологий в Древнем Китае. А созданная по приказу императора энциклопедия всех знаний, получившая название по девизу его правления «Юн-лэ да дянь», в течение шестисот лет до создания «Британской энциклопедии» была крупнейшей в мире.

В 1414 г. экспедиция Чжэн Хэ доставила в Бенгалию жирафа, пойманного в Малинь 麻林 (Малинди, современная Кения), а затем король Бенгалии Саид Аль-Дин Хамза-шах отправил животное в Китай как свой дар императору Чэн-цзу. Дарение крупных редких животных издавна приветствовалось в качестве дани от «вассальных» царств. Вся история дарения жирафа расписана с точностью до дней официальной историей государства Мин, цзюань 304 и другими историческими сочинениями, составленными, впрочем, через триста лет после описываемых событий. Многие при дворе увидели в жирафе цилиня, но для одних он был благим знаменем, а для других плененный «единорог» был предвестником несчастий.

Впоследствии ко двору Чэн-цзу доставляли еще жирафов, уже непосредственно из Африки. Через несколько десятилетий после описываемых событий — в 1486 г. в Европе появился знаменитый «жираф Медичи», подаренный правителю Флоренции Лоренцо Медичи египетским султаном.

Первого жирафа при китайском императорском дворе по свежим следам запечатлел придворный художник Шэнь Ду 沈度 (1357–1434), до наших дней сохранились более поздние копии его свитка в разных вариантах: с надписью и без, жирафа держат под уздцы либо один, либо два груга, одетых по-разному. Картины хранятся в Пекине, Тайбэе, Филадельфийском музее искусств и Метрополитене. Дэйвендак приобрел еще более позднюю копию [10].

Облик жирафа повлиял на традиционную китайскую геральдику: знаками отличия на официальных халатах китайских чиновников служили вышитые на груди прямоугольники с изображениями животных, определенному рангу соответствовал определенный зверь, одному из высших рангов соответствовал цилинь (Рис. 2). При раскопках одной из могил XV — начала XVI вв. близ Нанкина была обнаружена прекрасно сохранившаяся вышивка золотыми нитями с изображением животного, похожего уже не на классического китайского единорога, а на жирафа со свитка Шэнь Ду [11] (Рис. 3).

В современном китайском языке «жираф» 长颈鹿 чанцзинлу, буквально — «олень с длинной шеей», в Японии и на Тайване, где в языке боль-

Рис. 2. Цилинь, отличительный знак с парадного костюма чиновника, конец XIX — начало XX вв. (фотография из открытых источников)

Рис. 3. Цилинь. Фрагмент вышивки, XV — начала XVI вв.

ше японизмов, чем в материковом китайском, жирафа именуют обычно «олень-цилин» 麒麟鹿 кирын сика или цилинь лу. По-корейски жираф гирын 기린, тоже транскрипция цилинь. Но это новые слова, а в «Истории Мин» и других исторических документах минского времени, рассказывающих об экспедициях Чжэн Хэ, привезенного чудесного зверя именуют цилинь или цзулафа 祖刺法, иероглифическая транскрипция слова «жираф». В большинстве современных европейских языков длинношее животное именуется словом, восходящим к корню «жираф», попавшим в них через арабский и/или персидский языки (араб. زرافة *zaraḥa* / ژیراف), куда оно, в свою очередь, пришло из сомалийского языка, на котором жираф будет *géri / giri* [12].

То, что жираф повсюду воспринимался как зверь составной, породило в различных культурах большую путаницу в его наименовании. Есть загадочная история с «библейским жирафом». В самом тексте Библии жираф не встречается, возникнув внезапно в греческом переводе: во «Второзаконии» 14:5 в списке кошерных животных фигурирует греческое слово, обозначающее жирафа — «камелопард» *καμηλοπάρδαλις*. В оригинальном библейском тексте в этом месте упомянут *zemer* זֶמֶר — слово, которое встречается только один раз и только в этом контексте, и означает некое горное прыгающее животное, газель или барана. Есть версия, что подмена произошла потому, что переводчики этого отрывка находились под влиянием египетской традиции [13]. В Египте жираф был животным знакомым, но все же экзотическим, известно его участие в большой торжественной процессии Птолемея II в 279 г. до н.э. Жираф был символом распространения власти Египта над отдаленными территориями африканского континента, зоонимов для жирафа было два — *mt* (или *mtj*) и *sr*. Александрийские переводчики Библии, работавшие как раз в правление Птолемея II, могли по созвучию сделать из *zemer* египетского *mt/sr*, т.е. «жирафа». Однако если *zemer* как любое парнокопытное животное считался кошерным, то ни верблюд, ни леопард такими быть не могли, поэтому неслучайно в английских переводах этого отрывка вновь возникают «горный баран» или «газель».

В Риме жираф, привезенный Юлием Цезарем в 46 году до н.э., вызвал фурор не меньший, чем при дворе Чэн-цзу, в нем также увидели «составного зверя» и дали ему название камелопард, т.е. гибрид верблюда и леопарда, что вошло и в европейскую геральдику, и стало частью научного названия животного: *Giraffa camelopardalis*.

«Римская история» Кассия Диона (между 155 и 164 — после 229) (*Cassius Dio. Roman History*, 43.23) описывает жирафа как животное, похожее на верблюда, его задние ноги короче, чем передние, что еще более зрительно удлиняет шею. Шкура животного пятнистая, как у леопарда, поэтому его и определяют как «верблюдолеопарда». Эта этимология встречается у многих римских авторов.

Некоторые соображения из области зоологии. Рожки цилиня, как они описываются древними и средневековыми китайскими авторами, напоминают рожки жирафа, которые называются оссиконы, такие мягкие выступы на головах из современных животных есть только у жирафов и окапи. Голос цилиня мягкий, подобный звуку колокольчика, жирафы звуков практически не издают из-за малоразвитой гортани, все звуки получаются тихими, как бы утонувшими в длинной шее. Заметим, что одна из возможных этимологий библейского *zemer* — «тихий, молчаливый».

Все это, конечно, не может не наводить на мысль, что китайцы видели жирафа гораздо раньше XV в. и уже тогда ассоциировали его с цилинем: Конфуций свидетельствовал о поимке единорога примерно в 480 г. до н.э. В отсутствии документальных свидетельств это останется лишь предположением, но ведь всего через 500 лет после этого узурпатор Ван Ман повелел привезти себе носорога. Кстати, есть версия, что под цилинем понимался все же носорог [14, с. 681], но учитывая лингвистические и зоологические параллели, вариант с жирафом выглядит пред-

почтительнее. Показательно, что в обоих случаях прообразом главного китайского мифологического зверя признается крупное африканское животное, что не может не свидетельствовать о наличии очень ранних, скорее всего — опосредованных, контактов между Великой Китайской равниной и Африканским континентом.

Авторы благодарят за помощь и советы главного библиотекаря ОЛСАА БАН И.Н. Воевуцкого.

Список источников

1. Издания по Африке в фонде К.М. Бэра Библиотеки Российской академии наук / сост. Ю.В. Пригорицкая. Санкт-Петербург: БАН, 2018. 80 с. (Библиография Востока. № 6 (13)).
2. Jeśman C. The roots of Chinese policy in Africa. A review: Le relazioni della Cina con l'Africa nel Medio-evo by Teobaldo Fillesì. Milan, 1962 // *Race*. 1964. № 4. P. 26–34.
3. Вельгус В.А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (китайские источники ранее XI в.) / отв. редакторы Д.А. Ольдерогге и Р.Ф. Итс. Москва: ГРВЛ, 1978. 301 с.
4. Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста: книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. Санкт-Петербург: БАН, Альфарет, 2010. 502, [1] с., портр. (*Rara orientalia*).
5. Чжан Син-лан 張星娘. Чжун-си цзяотун шилияо хуйбянь. 中西交通史料匯編. Свод материалов по истории сношений Китая с Западом. Т. 1–3. Пекин, 1930.
6. Duyvendak J.J.L. China's discovery of Africa. Lectures given at the Univ. of London on Jan. 22, 23, 1947. London: Arthur Probathein, 1949. 35 p., ill.
7. Вельгус В.А. [Рецензия на книгу]: Чжан Те-шэн. Первые шаги в изучении истории китайско-африканских связей. Пекин: Издательство «Сань лянъ шудянь», 1965. 98 с.; изд. 2–е: 1973, 104 с. // Средневековый Китай. Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. С. 65–70.
8. Duyvendak J.L. The True Dates of the Chinese Maritime Expeditions in the Early Fifteenth Century. *T'oung Pao*. 34. 1938. P. 341–412, il. 400–401.
9. Сомкина Н.А. Историческая морфология цилиня // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 9. 2008. Вып. 3. Ч. 2. С. 272–276.
10. Watt James C.Y. The Giraffe as the Magical Qilin in Chinese Art: A Painting and a Rank Badge in Metropolitan Museum // *The Metropolitan Museum of Art*. 2008. Vol. 43. P. 111–115.
11. Мин Сюй Да у ши сунь Сюй-пуфу фуму 明徐达五世孙徐辅夫妇墓. Могила Сюй Пу, потомка в 5-м поколении минского генерала Сюй Да, и его жены // 南京市文物保管委员会, 南京市博物馆 文物. Вэньбу. 1982. № 2 (309). С. 28–33.
12. Ferrand G. Le nom de la giraffe dans le Ying Yai Cheng Lan // *Journal Asiatique*, ser. 11, 12. 1918. P. 155–158.
13. Miziur-Moździoch M. How a Sheep Turned into a Giraffe: The Case of Deuteronomy 14:5 // *Vetus Testamentum*. 70. 2020. P. 753–758.
14. Кравцова М.Е. Словарь китайских поэтов с V в. до н.э. по X в. н.э. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2019. 702 с.

VINOGRADOVA T., PRIGORITSKAJA J. “Caught a Lin” — from the history of relations between China and Africa.

Vinogradova Tatiana — Candidate of Historical Sciences, head of Oriental publications department

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: olsaa@rasl.nw.ru

Prigoritskaja Julia — Candidate of Philological Sciences, researcher of Oriental publications department

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: olsaa@rasl.nw.ru

ABSTRACT

While working on an information resource on African studies based on the materials of the RASL funds, we concluded that the history of the early Chinese relations with Africa still not studied enough. The article describes the status of the issue, provides an overview of the sources, and formulates the main difficulties of Sino-African studies. One of the goals of the Chinese expeditions to Africa was the import of large animals as a tribute to the emperor. African animals became associated with Chinese mythical animals and, in a modified form, entered the Chinese bestiary.

Keywords: V.A. Velgus, qilin-unicorn, giraffe, Zhen He, camelopard.

УДК 025.343.2
ББК 76.10+63.3(4Вел)5

Д.Д. Дымская

EIKON BASILIKE В БАН

Дымская Дарья Дмитриевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научной систематизации литературы

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: cromwell@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена хранящимся в Библиотеке Российской академии наук экземплярам *Eikon basilike* — духовной автобиографии английского короля Карла I, изданной в 1649 г. Основное внимание уделяется первому английскому изданию, истории его создания и публикации.

Ключевые слова: Карл I (король Англии), история Англии, Библиотека Российской академии наук, первоначальный фонд, старопечатная книга.

Благодарности:

Автор выражает благодарность сотрудникам Научно-исследовательского отдела редкой книги и Иностранного фонда Отдела фондов и обслуживания БАН за любезное предоставление материалов и консультации.

Среди книг, относящихся к т.н. первоначальному фонду Библиотеки академии наук (далее — БАН), особое место занимает *Eikon basilike* (греч. «Образ короля»). И это неудивительно — в свое время эта книга была самым настоящим бестселлером: изданная в 1649 г., она в тот же год выдержала 35 переизданий в Англии и 25 — на континенте. Некоторые из них можно найти в БАН: в фонде Научно-исследовательского отдела редкой книги хранятся экземпляры *Eikon basilike* 1649 г. на английском, французском, нидерландском и латинском языках, а также немецкоязычное издание 1650 г. Один экземпляр 1649 г. на английском языке имеется в фонде Бэра (1) и является частью конволюта из собрания лифляндского библиофила Рудольфа фон Штрауха, чья коллекция стала одним из трофеев, привезенных Петром I после завоевания Балтийских земель в 1714–1716 гг. [2, с. 60–61]. В пользу данной атрибуции говорит сделанная от руки подпись «Rud. von Strauch» на титульном листе издания. Кроме того, в Иностранном фонде Отдела фондов и обслуживания есть экземпляр на английском языке, изданный в 1880 г. и представляющий собой репринт издания 1648 г. (2), а также французская версия 1823 г. в составе конволюта.

В данной статье мы хотели бы остановиться на оригинале, т.е. английском издании 1649 г. и основное внимание уделить истории его создания. Итак, что же представляет собой *Eikon basilike* и чем обусловлена его популярность?

Самое главное — то, что рассматриваемая книга принадлежит перу английского короля Карла I и отражает его взгляды на самые драматичные события английской истории, участником или свидетелем

которых ему довелось стать. Как известно, правление Карла I было отмечено чередой конфликтов с парламентом и острыми религиозными спорами, кульминацией которых стали гражданские войны, охватившие все три подвластных ему королевства (3). Король в конечном итоге оказался в плену и после недельного суда был приговорен к смерти и обезглавлен.

Работать над книгой он начал еще в период памфлетной войны (январь–август 1642 г.), когда агрессивная антироялистская пропаганда сторонников парламента привела короля к мысли дать объяснение, по крайней мере, некоторым своим действиям и донести свою позицию до широкой публики. Вскоре после отъезда из Лондона в январе 1642 г. он поделился своими планами с приближенными, объявив, что уже написал о причинах своего удаления из Вестминстера, а далее намерен рассказать о своем видении суда и казни графа Страффорда, который был его ближайшим советником. Это и стало началом будущего *Eikon basilike*. Сочинение, впоследствии изданное под этим заглавием, изначально не задумывалось как цельная книга. Король просто излагал свои мысли по тем вопросам, которые на тот момент казались ему наиболее важными, и делал это в форме заметок. Однако после злосчастной для роялистов битвы при Нейзби в июне 1645 г. эти заметки вместе с королевской корреспонденцией попали в руки парламентской армии.

Продолжить свои литературные занятия король смог уже будучи в плену — сначала у парламента в Холмби (т.е. между 16 февраля и 4 июня 1647 г.), а затем — во власти армии в Хэмптон-Корте (между 24 августа и 11 ноября 1647 г.), где ему наконец вернули захваченные при Нейзби заметки. Именно на этот период приходится основная часть работы над текстом. Количество материала по понятным причинам росло, и вскоре королю понадобилась помощь в систематизации написанного. Епископ Джаксон порекомендовал ему для этой цели служителя церкви Св. Ботольфа в Олдгейте сэра Джона Брэттла. Брэттл объединил и упорядочил королевские заметки, после чего передал получившийся текст священнику Эдварду Симмонсу, который навещал короля в Хэмптон-Корте. Симмонс в это время сам занимался написанием сочинения в защиту короля, а потому передал подготовленный Брэттлом текст своему бывшему однокурснику, а ныне соседу — Джону Гаудену. К июню 1648 г. Гауден отредактировал собранный и систематизированный Брэттлом материал, и, когда осенью 1648 г. в Ньюпорте начались переговоры между королем и представителями парламента, нашел способ передать Карлу рукопись для окончательной правки. Изучив предлагаемый текст, король внес итоговые исправления и таким образом текст приобрел окончательную форму и превратился в книгу.

Изначально планировалось опубликовать ее под заглавием *Suspiria regalia, or The Royal Plea* (*Suspiria regalia*, или *Оправдание короля*), и в канун Рождества 1648 г. готовый текст был передан печатнику Ричарду Ройстону, который был убежденным роялистом и во время гражданских войн издавал антипарламентскую сатиру. Однако вскоре начался суд над королем, и стало ясно, что его итогом будет далеко не оправдательный приговор. Поэтому один из королевских капелланов, Джереми Тейлор, в последний момент предложил поменять название книги на *Eikon*

basilike. Отныне она должна была стать не защитой королевской политики, как первоначально предполагал Карл, и не призывом к сочувствию в отношении страдающего монарха, на что рассчитывал Гауден, а своего рода «портретом» короля-мученика [3, с. 19–20; 4, с. 219–223; 5, с. 293–294; 6, с. 78–80].

Eikon basilike увидел свет в день казни короля — 30 января 1649 г. Экземпляры, доступные широкой публике, появились у уличных торговцев не позднее 4 февраля 1649 г., а третий выпуск первого издания, скорее всего, поступил в магазины около 9 февраля 1649 г. — в день, когда Карл был похоронен в капелле св. Георгия в Виндзоре [7, с. 9–11, 165]. Несмотря на непомерно высокую цену — 15 шиллингов [6, с. 86] — первые 2000 экземпляров были быстро распроданы. Затем, с увеличением тиража, цена снизилась. Переплетенные издания в формате in octavo по-прежнему стоили 15 шиллингов, а цена обычных варьировалась от 2 шиллингов 6 пенни до 3 шиллингов 6 пенни.

Когда власти начали бороться с распространением книги, Eikon basilike стал издаваться в карманном формате duodecimo, чтобы его легче было перевозить и прятать. Кроме того, именно в таком формате обычно печатали религиозную литературу, чтобы книги легко помещались в карман и их можно было все время носить с собой, а при желании в любой момент достать и перечитать. Стоили эти маленькие издания 2 шиллинга 3 пенни [7, с. 4. прим. 10; с. 188; 8, с. 47–48].

Что же касается структуры и содержания, то Eikon basilike состоит из 28 глав, охватывающих события 1640–1647 гг. Почти каждая глава делится на две части — размышления и молитвы. Исключение составляют главы 25 («Покаянные размышления и скорбные обеты короля в его уединении в Холмби») и 27 («К принцу Уэльскому»), поскольку первая из них по большей части представляет собой компиляцию различных псалмов и, соответственно, сама является одной большой молитвой, а вторая, как явствует из названия, предназначена для принца Уэльского и написана в качестве наставления, поэтому молитва по ее завершении отсутствует. Главы 24 («Об отказе допустить к Его Величеству его капелланов») и 28 («Размышления о смерти после Постановления о Необращении и заточения Его Величества в замке Карисбрук»), судя по всему, были написаны не королем, а Гауденом и включены в книгу в самый последний момент [3, с. 223]. Названия всех глав даны в третьем лице, а повествование ведется от первого, из чего следует, что заглавия также придумывал не король.

С марта печатать Eikon basilike начал Уильям Дагард. Он включил в ройстоновскую версию дополнительные материалы: молитвы короля, не вошедшие в основной текст; его аргументацию против законности суда над ним; письмо принца Карла (будущего короля Карла II) от 23 января 1649 г.; прощальные наставления короля пришедшим проститься с ним детям (4) и, наконец, эпитафию, приписываемую Джеймсу Хоуэллу [8, с. 60]. В БАН имеются оба варианта — как с перечисленными addenda, так и без них. Версия с дополнениями, по-видимому, относится как раз к мартовской партии, изданной Дагардом [7, с. 34].

Фронтиспис королевской книги, как правило, был украшен гравюрой Уильяма Маршалла (5), выполненной в духе иконографии новозаветно-

го сюжета моления о чаше, где Карл отождествляется со страдающим Христом.

Книга насыщена библейскими аллюзиями, а красной нитью через все повествование проходит тема совести. Поскольку в протестантизме совесть воспринимается как способность слышать и понимать Слово Божье, то получается, что человек, действующий в соответствии с ее велениями, выполняет Божью волю. Именно так объясняет свои поступки Карл, неоднократно заявляя, что лучше пострадать, чем поступиться совестью.

Надо сказать, что книга достигла своей цели: стержень *Eikon basilike* — изображение Карла в качестве короля-мученика — определял его образ в сознании англичан на протяжении более двух поколений, да и впоследствии играл значительную роль в политических и религиозных спорах вплоть до якобитского восстания 1715 г. [9, с. 404; 10, с. 9]. Кроме того, *Eikon basilike* послужил источником вдохновения для многих писателей и поэтов, а в 1653 г. часть текста была положена на музыку, результатом чего явилось произведение для трех голосов и органа под названием *Psalterium Carolinum* [11]. Однако наиболее яркий пример проявления влияния книги — канонизация Карла I. Он был признан святым на кентерберийской и йоркской конвокациях 1660 г. и до сих пор остается единственным святым, канонизированным Церковью Англии после Реформации.

О неугасимом интересе к королевской книге свидетельствует и то, что она неоднократно переиздавалась и после XVII в.: в частности, в БАН, как уже говорилось выше, хранятся экземпляры, выпущенные в XIX в. Печатается *Eikon basilike* и в наше время: последнее издание, о котором нам известно, относится к 2021 г. [12].

Все это позволяет согласиться с высказыванием американского литературного критика Дугласа Буша, который считает *Eikon basilike* «одной из величайших книг, когда-либо написанных на английском языке» — если не по литературным достоинствам, то по произведенному эффекту [13, с. 216].

Примечания

1. Некоторые из перечисленных изданий зарегистрированы в т.н. Камерном (т.е. первом печатном) каталоге БАН [1, с. 612. № 100 (одно из английских изданий); № 112 (нидерландское издание); с. 613. № 117 (латиноязычное издание)]. Второе английское издание и французская версия также относятся к первоначальному фонду, о чем свидетельствует специальный штамп, но в каталог они не занесены.

2. До 1752 г. новый год в Англии отмечался 25 марта, поэтому в данном случае, очевидно, имеется в виду одно из ранних изданий 1649 г.

3. Традиционно выделяется две гражданских войны: первая шла в 1642–1645 гг., а вторая — 1647–1648 гг. Кампании Кромвеля против роялистов в Ирландии (1649 г.) и Шотландии (1650 г.), а также его победа над Карлом II при Вустере (1651 г.) иногда рассматриваются как третья гражданская война.

4. Из всех детей короля в Англии тогда находились только 13-летняя принцесса Елизавета и 8-летний герцог Глостерский Генри, во время гражданской войны попавшие в плен к парламенту. Их последняя встреча с отцом состоялась за день до его казни — 29 января 1649 г.

5. Известно семь версий гравюры Маршалла, а кроме того, существует множество ее вариаций, выполненных его подражателями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bibliothecae imperialis Petropolitanae. Pars 4. Petropolis, 1741. 908 p.
2. Питутько Г.Н. Редкие английские издания XVI–XVII вв. в составе первоначального фонда библиотеки РАН // Библиотека академии наук: 300 лет служения науке. Юбилейная научная конференция, посвященная 300-летию Библиотеки Российской академии наук, 27–28 ноября 2014 г.: тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2014. С. 60–61.
3. Daems J., Nelson H.F. Introduction // Milton, John. Eikon basilike with selections from Eikonoklastes. Toronto, 2005. P. 13–40.
4. Whilcher R. What Was the King's Book for? The Evolution of 'Eikon Basilike' // The Yearbook of English Studies. 1991. Vol. 2: Politics, Patronage and Literature in England 1558–1658. Special Number. P. 218–228;
5. Whilcher R. Eikon basilike. The Printing, Composition, Strategy and Impact of «The King's Book» // The Oxford Handbook of Literature and the English Revolution. Oxford, 2012. P. 289–308.
6. Lacey A. The cult of King Charles the Martyr. Woodbridge, 2003. 310 p.
7. Madan F.F. A new bibliography of the Eikon Basilike of King Charles the first, with a note on the authorship. Oxford, 1950. 199 p.
8. Lobo G.I. Writing Conscience and the Nation in Revolutionary England: PhD diss. S. l., 2010. 246 p.
9. Sharpe K. «So Hard a Text»? Images of Charles I, 1612–1700 // The Historical Journal. 2000. Vol. 43, № 2. P. 383–405.
10. Wilson F.P. «That memorable scene»: the image of King Charles the First in seventeenth and eighteenth-century literature: PhD diss. York, 1993. 383 p.
11. Stanley T. Psalterium Carolinum. The devotions of his sacred Majestie in his solitudes and sufferings, rendered in verse. London, 1657. 277 p.
12. Charles I, King. Eikon Basilike. The Pourtracture of His Sacred Majestie, In His Solitudes and Sufferings. S. l., 2021. 146 p.
13. Bush J.N.D. English literature in the earlier seventeenth century 1600–1660. Oxford, 1959. 621 p.

DYMSKAYA D. Eikon basilike in the Russian Academy of Sciences Library

Dymskaya Daria — Candidate of Historical Sciences, Systematization Department
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: cromwell@inbox.ru

ABSTRACT

The article deals with the copies of Eikon basilike (the spiritual autobiography of the English king Charles I, published in 1649) held in the Russian Academy of Sciences Library. Particular attention is paid to the very first English edition and the history of its writing and publishing.

Keywords: Charles I of England, history of England, Russian Academy of Sciences Library, original collection, early printed book.

А.А. Киселёв

ОБРАЗ МНИМОГО ВРАЧА В ПЬЕСАХ МОЛЬЕРА И ШЕРИДАНА

Киселёв Антон Александрович — старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Санкт-Петербург,
Россия, e-mail: kiseliiov2a@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу двух пьес Мольера («Лекарь поневоле» и «Мнимый больной») и пьесы Шеридана («День Святого Патрика»). В пьесе «Лекарь поневоле» рассматривается образ мнимого врача, сыгравшего благоприятную роль в разрешении проблемы мнимого больного. В пьесе «Мнимый больной» оценивается роль мнимого врача для преодоления предубеждения отца против брака своей дочери. В пьесе «День Святого Патрика» показано, как исполнение женихом роли мнимого врача приводит его к успеху. На материале этих комедий исследовано нарушение дихотомии «врач — больной», носящее гротескный характер.

Ключевые слова: Мольер, Шеридан, Сганарель, мнимый врач, мнимый больной.

1. Введение

В комедиях Жана-Батиста Мольера (1622–1673) нередко появляются врачи в частности, в таких произведениях как «Лекарь поневоле», «Мнимый больной», «Дон Жуан», «Любовь-целительница», «Господин де Пурсоньяк». Можно сказать, что врачи становились одними из главных объектов насмешек драматурга. Известно, что в XVII веке уровень медицины в Европе был очень низок, но вполне соответствовал традиционным представлениям эпохи. К примеру, универсальным средством от всех заболеваний считалось кровопускание. Как отмечает кандидат медицинских наук И.Е. Лихтенштейн: «Говорили, что от кровопусканий погибало больше людей, чем во время войн» [5, с. 22].

«День Святого Патрика, или Предприимчивый лейтенант» является одной из наиболее известных пьес Ричарда Бринсли Шеридана (1751–1816). Главный персонаж комедии в одном из эпизодов притворяется врачом. Исследователь зарубежной литературы XVII–XVIII вв. Т.Г. Чеснокова указывает влияние Мольера и ирландского драматурга Джорджа Фаркера на Шеридана: «В фабульном отношении фарс опирается в первую очередь на сюжеты Ж.Б. Мольера («Лекарь поневоле» — *Le Medicin malgre lui*, 1666) и Дж. Фаркера («Офицер-вербовщик» — *The Recruiting Officer*, 1706). К Мольеру, в частности, восходят образы мнимого аптекаря/знахаря (Леандр / О'Коннор) и эскулапа, выступающего в роли помощника влюбленных (Сганарель / доктор Роза): разница заключается лишь в том, что в мольеровском фарсе врач является таким же поддельным, как и аптекарь» [4, с. 68].

Статья более детально рассматривает образ мнимого врача на основе пьес Мольера «Лекарь поневоле» и «Мнимый больной», а также пьесы Шеридана «День Святого Патрика».

2. «Лекарь поневоле» Мольера

Если в некоторых пьесах Мольера врачи фигурируют как второстепенные персонажи, то в пьесе «Лекарь поневоле» [2, с. 7–80] врач, а точнее говоря, мнимый врач становится главным персонажем, о чем, впрочем, несложно догадаться из названия самой пьесы.

Сганарель (комический персонаж многих комедий Мольера) ссорится со своей сварливой женой Мартиной и в конце разразившейся ссоры бьет ее палкой. Мартина решает ему отомстить, и вскоре для этого находится отличнейший повод. Она подслушивает разговор, из которого узнает, что слуга одного господина с мужем кормилицы господской дочери ищут врача для исцеления от немоты этой самой дочери, Люсинды. Тогда Мартина с явным злорадством сообщает им, что ей знаком один замечательный врач, обладающий, впрочем, одной странной особенностью: он, притворяясь лесорубом, ни за что не сознается в своей настоящей профессии врача, пока его хорошенько не побьют! Те, конечно, этому весьма удивляются, но соглашаются к нему обратиться. Как и предсказывает Мартина, Сганарель долго отрицает свою принадлежность к медицине, но после ударов палкой решает примириться с неизбежным, хоть и абсолютно для него необъяснимым, ходом событий.

В это время Жеронт, отец Люсинды, обсуждает с кормилицей Жаклиной планы по замужеству своей дочери. Кормилица предлагает выдать ее замуж за Леандра, но Жеронт отвергает его кандидатуру, имея в виду более выгодного жениха (Ораса): «Леандр — ей не партия; он не так богат, как тот» [2, с. 41].

Прозорливый читатель, наверное, уже начинает догадываться о причине «немоты» Люсинды. Вот тут как раз и появляется главный герой пьесы — Сганарель. Он предстает в докторском платье и остроконечной шляпе, и произносит, как кажется, совершенно нелепую фразу: «Гиппократ говорит, что мы оба должны быть в шляпах» [2, с. 43].

Жеронт удивленно его переспрашивает, но имя Гиппократа и докторское одеяние Сганареля производят на него должное впечатление. Далее Сганарель совершает еще один странный «ход», обращаясь к Жеронту «господин лекарь». Тот отвечает, что не является лекарем, и в ответ мнимый врач бьет Жеронта палкой, из мести совершая «симметричное» действие (многие персонажи этой пьесы получают побои).

После того как этот инцидент исчерпан, Сганарель пристаёт к Жаклине, а затем появляется и сама «больная» — Люсинда. Тогда Сганарель, не в силах отказаться от своего природного балагурства, произносит: «Нужно хорошенько беречься. Она не должна умереть без предписания врача» [2, с. 50].

Далее он, видимо, уже догадываясь об истинном состоянии здоровья девушки, произносит фразу, заставляющую Люсинду улыбнуться (а возможно, и покраснеть): «Больная преапетитна: я утверждаю, что всякий здоровый мужчина останется ею доволен» [2, с. 50].

Люсинда искусно демонстрирует немоту, издавая нечленораздельные звуки, а ее отец поясняет, что из-за болезни пришлось отложить свадьбу, и жених с нетерпением ждет ее выздоровления. На это мнимый врач остроумно замечает, очевидно, вспоминая о своей скандальной жене

Мартине: «Вот болван-то! Он не хочет, чтобы его жена была немая? Кабы господь послал моей жене такую болезнь, я бы воздержался от ее лечения!» [2, с. 51].

Но Жеронт все-таки требует от Сганареля, чтобы тот назвал причину болезни Люсинды. Для мнимого врача наступает самый ответственный момент, он пребывает в мучительных раздумьях. В его памяти всплывает имя Аристотеля, но продолжить свою мысль он не в силах. Тогда он, взяв в качестве ориентира слово «мокрота», пытается сформулировать хоть какой-нибудь диагноз. И тут Сганареля осеняет, он вопрошает Жеронта, понимает ли тот латынь. Получив отрицательный ответ, мнимый врач произносит целый набор откуда-то ему известных искаженных латинских слов и выражений. В конце его реплики звучит даже целая фраза на исковерканной латыни: «Quia substantivo et adjectivum concordat in generi, numerum, et casus» [2, с. 54].

Дословно это означает «так как существительное и прилагательное согласуются по роду, числу и падежу», не имея, таким образом, никакого отношения к медицине. Воодушевившись успехом, Сганарель далее приводит «греческое» и «еврейское» слова, что одобрительно воспринимается присутствующими. Жеронту бросается в глаза, что Сганарель в своих объяснениях неправильно располагает печень и сердце, но мнимый врач поясняет, что теперь в науке принят новый взгляд на анатомию. После витиеватой формулировки диагноза врачу полагается предписание какого-то лечения. Но уж это для ловкого Сганареля не представляет никаких сложностей: «Мое мнение — ее надо сейчас положить в постель и вместо лекарства давать ей побольше хлеба, размоченного в вине» [2, с. 56].

После этого к Сганарелю обращается Леандр, возлюбленный Люсинды. Он сообщает мнимому врачу, что болезнь девушки — притворная, и поясняет, что причина кроется в ее душевном смятении. Сганарель соглашается ему помочь и раскрывает правду относительно своей роли в сложившейся ситуации. Дальнейший монолог лекаря поневоле поясняет открывшиеся перед ним перспективы: «Я нахожу, что это — самое лучшее ремесло, потому что — худо ли, хорошо ли работаешь — всегда платят одинаково. (...) Прوماхи для нас не существуют, и виноваты те, кто умирает. Самое же лучшее в нашей профессии, это — что мертвые обладают скромностью и деликатностью, величайшею в мире, и никогда не жалуются на докторов, которые их уморили» [2, с. 63].

В следующем эпизоде мнимого врача просят помочь женщине, страдающей от лихорадки и боли в ногах, и тот советует... съесть кусок сыра. При этом, правда, он добавляет, что в состав этого сыра «входят золото, кораллы, жемчуг и много других драгоценных вещей» [2, с. 66].

В финальной сцене пьесы Сганарель приходит к Жеронту и Люсинде в сопровождении Леандра, играющего роль аптекаря. По сути, это еще один мнимый врач, не успевающий, впрочем, проявить свои «профессиональные познания». Этот трюк возможен потому, что Жеронт не помнит Леандра. Увидев своего возлюбленного, девушка мгновенно «обретает» дар речи. Жеронт приходит в восторг, прославляя умение врача. Однако Люсинда заявляет обрадованному отцу, что она согласна выйти замуж только за Леандра. Тот в панике спрашивает Сганареля, может

ли тот сделать ее снова немой, на что мнимый врач блестяще парирует: «Это совершенно невозможно. Все, что я могу сделать для вашего удовольствия, это — сделать вас глухим, если желаете» [2, с. 73].

На этом роль врача для Сганареля заканчивается, а вскоре и для Люсинды и Леандра наступает счастливая развязка.

3. «Мнимый больной» Мольера

В комедии «Мнимый больной» [3, с. 348–482] главным персонажем является зажиточный парижский мещанин Арган, внушивший себе наличие ряда всяческих заболеваний. Его окружают аптекари и врачи, пользующиеся его мнительностью и невежеством в корыстных целях. У Аргана есть молодая дочь Анжелика, которую он желает выдать замуж за молодого врача Тома, сына почтенного врача Диафуаруса. Причина такого решения весьма необычна, но в то же время и понятна: страдающий от своего здоровья Арган хочет, чтобы зять был одновременно и его личным врачом! В то же время влюбленная в Клеанта Анжелика не хочет и слышать о других женихах. Яростной защитницей интересов Анжелики от несуразных планов мнимо больного отца становится ее служанка Туанета. Чтобы встретиться со своей возлюбленной, Клеант притворяется учителем музыки. Арган все это время остается мнимым больным, его состояние очень точно комментирует проворная и насмешливая Туанета: «Конечно, он ходит, спит, есть и пьет, как все люди, но это несколько не мешает ему быть очень больным» [3, с. 402].

Появление выбранного Арганом жениха Тома Диафуаруса в сопровождении других врачей выглядит комичным, а неумолимый отец настаивает на заключении брака. Тогда двое наиболее здравомыслящих персонажей — брат Аргана Беральд и все та же служанка Туанета — пытаются найти выход из создавшейся ситуации. Справедливо полагая, что клин клином вышибают, Туанета предлагает: «Хорошо бы ему подсунуть какого-то лекаря, который был бы за нас и сумел отвратить его от Пургона, доказав, что его лечение никуда не годится» [3, с. 438].

Беральд тщетно пытается убедить своего брата в ненужности и бесполезности выполнения любых медицинских процедур [3, с. 442]:

Арган. Значит, по-вашему, доктора ничего не знают?

Беральд. Знают, братец. Они знают гуманитарные науки, прекрасно говорят по-латыни, умеют назвать все болезни по-гречески, определить их и подразделить, но что касается того, чтобы вылечить их, — этого они не умеют.

Затем Беральд выгоняет аптекаря Флерана, пришедшего сделать больному промывание. Узнав об этом, врач Пургон в ярости сообщает Аргану, что за отказ от лечения ему грозят ужасные болезни и даже смерть! И тогда Туанета решается на отчаянный шаг, сама надевая врачебное облачение.

Мнимый врач неожиданно объявляет, что ему... девяносто лет! Далее Туанета заявляет о своих глубоких познаниях в медицине и богатой практике при лечении различных заболеваний. Пощупав пульс мнимого больного, мнимый врач без малейших колебаний ставит диагноз: *больные легкие*. Узнав, что Пургон назначил больному диету, Туанета назначает ему другую диету, в которой, в частности, вместо разбавленного

вина рекомендуется пить вино в чистом виде. На этом роль мнимого врача заканчивается.

Туанете удастся убедить Аргана в том, что его вторая жена Белина вероломна, а строптивая дочь Анжелика, напротив, его любит. Растроганный Арган соглашается на брак дочери с Клеантом, если тот согласится стать врачом. Клеант, ощущая безвыходность ситуации, соглашается, но Беральд предлагает стать врачом самому мнимому больному! Последняя часть пьесы — третья интермедия — изображает шуточную церемонию посвящения Аргана в бакалавры медицины.

4. «День Святого Патрика» Шеридана

Действие комедии Шеридана [1, с. 483–524] разворачивается в Англии, в день Святого Патрика. Прелестная Лоретта, дочь строгого судьи Крэдьюлэса, влюблена в отчаянного сорвиголову — лейтенанта О'Коннора. Разумеется, судья категорически возражает против их общения. На помощь смелому лейтенанту приходит склонный к пространным рассуждениям доктор Рози, друг судьи. Он рекомендует судье переодетого лейтенанта в качестве верного защитника дома от шайки солдат, возглавляемой проклятым О'Коннором! Лейтенант представляется как Хэмфри Хам, а затем, увидев неудовольствие судьи, Честным Хэмфри. Когда лейтенант остается наедине с Лореттой, та его вначале не узнает. Когда же он пытается ее поцеловать, появляется судья, и разражается скандал.

После этой неудачи лейтенант О'Коннор и доктор Рози разрабатывают более искусный план. Судья получает письмо, в котором от имени лейтенанта сообщается о том, что в его утренний кофе был подмешан яд. В панике судья посылает за доктором, но тот объявляет, что бесполезно помочь умирающему другу, однако знает отличного немецкого знахаря: «У него имеются противоядия на все случаи» [1, с. 519]. Роль этого врача, как уже можно догадаться, исполняет все тот же лейтенант О'Коннор.

Мнимый врач и доктор Рози общаются между собой на непонятной смеси английского языка и латыни. Мнимый врач заявляет, что судья отравлен, а его лечение обойдется в три тысячи фунтов стерлингов! При появлении Лоретты лейтенант восклицает на слегка искаженной (не согласован грамматический род) латыни «*Quidam bella rosam!*» («Что за прекрасная роза!»). Затем мнимый врач предлагает вылечить судью бесплатно, если тот даст согласие на его брак с Лореттой. После выписки рецепта О'Коннор неожиданно во всем сознается. Судья приходит в ужас, но в конце концов уступает.

5. Сравнение персонажей

Исполняющий роль мнимого врача Сганарель является главным персонажем пьесы «Лекарь поневоле». Выступающая в той же роли Туанета — весьма значимый, но отнюдь не главный персонаж пьесы «Мнимый больной». А мнимый врач лейтенант О'Коннор, хоть и является главным персонажем пьесы «День Святого Патрика», но роль врача (как и роль прислужника) в этой пьесе для него является второстепенной.

В пьесе «Лекарь поневоле» Сганарель совсем не стремится сыграть роль врача: его к этому вынуждают обстоятельства. Как Туанета, так и

О'Коннор, напротив, специально притворяются врачами для достижения определенной цели. Эти цели оказываются весьма сходными между собой: достижение счастливого брака вопреки воле отца невесты. Разница лишь в том, что в пьесе «Мнимый больной» мнимым врачом оказывается служанка Туанета, выступающая, таким образом, в роли посредницы между упрямым отцом и непослушной дочерью, а в пьесе «День Святого Патрика» роль мнимого врача исполняет сам жених. В пьесе «Мнимый больной» для появления мнимого врача не требуется особых предпосылок (Арган и так постоянно окружен врачами), а невольная ссора Аргона со своим постоянным врачом и аптекарем этому способствует. В пьесе Шеридана появление мнимого врача сопровождается целой инсценировкой — получением письма, сообщающего об отравлении.

Насколько же эффективным оказывается лечение мнимых врачей? Станарель пытается как-то приободрить несчастную Люсинду, а приводя в качестве аптекаря возлюбленного Леандра, полностью исцеляет мнимую больную. Служанке Туанете не удается полностью избавить Аргона от своей ужасной мнительности, но она зарождает в нем сомнения относительно правильности его лечения. Беседа Аргона с братом Беральдом, появление мнимого врача (Туанеты) и инсценировка собственной кончины (придуманная той же Туанетой) побуждают Аргона согласиться на брак его дочери с Клеантом. Таким образом, цель также достигнута. Благоприятного результата добивается и О'Коннор, так как судья больше не препятствует его браку с Лореттой.

В статье показано, что во всех обсуждаемых пьесах трансформируется традиционная дихотомия «врач — пациент», так как оба субъекта могут не соответствовать своему «статусу». Так, в обеих пьесах Мольера мнимым врачам приходится иметь дело с мнимыми больными (Станарелю с Люсиндой, а Туанете с Арганом), и лишь в пьесе Шеридана мнимому врачу О'Коннору противостоит здоровый (но опасющийся отравления) судья Крэдьюэлс. Также можно отметить, что если обычному больному нужен обычный врач, то мнимому больному для «выздоровления» чаще всего необходим именно мнимый врач. Как известно, Мольер невысоко ценил медицину своего времени, считая большинство врачей невеждами и шарлатанами, поэтому неудивительно, что в пьесе «Лекарь поневоле» других врачей, кроме Станареля, не находится, а в пьесе «Мнимый больной» их довольно много, но их лечение не приносит никакой пользы. В пьесе «День Святого Патрика», напротив, присутствует настоящий врач (доктор Роза), но его знания остаются не востребуемыми.

Список источников

1. Библиотека зарубежной классики. Английский театр. Том 20. Москва: Слово, 2010. 776 с.
2. Мольер Ж.-Б. Собрание сочинений. Том 3. Москва: Терра, 1994. 832 с.
3. Мольер Ж.-Б. Собрание сочинений. Том 4. Ленинград: Гослитиздат, 1939. 607 с.
4. Чеснокова Т.Г. «День Святого Патрика» Р.Б. Шеридана и традиции фарса как — «малой комедии» в английском театре XVIII в. // Вестник ПСТГУ III: Филология 2013. Вып. 2 (32). С. 65–77.
5. Лихтенштейн Исанна. Франсуа Рабле. Врач. Писатель. Монах. Url: <https://www.academia.edu/17256021/>

KISELIOV A. The imaginary doctor image in plays of Molière and Sheridan

Kiseliov Anton — senior lecturer

Saint-Petersburg State University of Civil Aviation, Saint-Petersburg, Russia,

e-mail: kiseliov2a@mail.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to analysis of three plays: “The Doctor in Spite of Himself” and “The Imaginary Invalid” by Molière and “St. Patrick’s Day” by Sheridan. In the play named “The Doctor in Spite of Himself” the concept of the imaginary doctor having played the favorable role in solving the imaginary sick person’s problems is discussed. In the play named “The Imaginary Invalid” the role of imaginary doctor in overcoming of father’s prejudice against his daughter’s wedding is appreciated. In the play named “The St. Patrick’s Day” fiancé having played an imaginary doctor’s role is shown to be a success. The «doctor — patient» dichotomy infringement being a sort of grotesque is investigated on this material.

Key words: Molière, Sheridan, Sganarelle, imaginary doctor, imaginary invalid.

УДК 021.2
ББК 63.3(7Coe)6

С.Е. Клещук

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ: библиотеки для науки (1910–1940-е гг.)

Клещук Станислав Евгеньевич — кандидат педагогических наук, независимый исследователь Санкт-Петербурга, Россия, e-mail: ban-rio@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Исследована деятельность библиотек высших учебных заведений США в период 1910–1940-х гг., включая историю их создания, роль и место в вузе, комплектование фондов, обслуживание читателей, роль, место и значение самого библиотекаря.

Ключевые слова: США, 1910–1940 гг., университетские библиотеки и их роль в обслуживании науки, комплектование фондов, обслуживание читателей, роль и значение библиотекаря, оргтехника.

Введение

Статья является естественным продолжением предыдущей — это «Россия — США: наука и библиотеки», которая охватывала период с конца XVII в. и до Первой мировой войны.

Изучение первоисточников показало, что в период 1910–1940-х гг. абсолютно преобладающий объем научных разработок и исследований в США пришелся на высшие учебные заведения — университеты и технологические институты [3; 21; 28; 29; 49; 53; 72; 78; 81]. Соответственно, именно их информслужбы, т.е. библиотеки, и взяли на себя весь объем обслуживания профессорско-преподавательского состава и студентов.

Американские авторы в разные исторические периоды называли эти библиотеки по-разному: college and research libraries, university libraries, scientific, academic libraries.

Нам придется продолжить традицию, начатую еще в статьях советского периода, и называть их всех одинаково — УБ (университетские библиотеки).

Материал располагается следующим образом: 1. Задачи библиотек и их место в вузе; 2. Место, роль и статус библиотекаря; 3. Комплектование фондов; 4. Обслуживание читателей; 5. Применение технических средств; 6. Заключение.

Задачи библиотек и их место в вузе

Начинать статью необходимо с высокой оценки уровня стратегического мышления американских коллег-библиотекарей в таком далеком 1914 г. Авторы — самого разного уровня и масштаба — заведующий УБ престижнейшего Колумбийского университета (основан в 1754 г., Нью-Йорк, население 5,6 млн в 1920 г.) Дж.В. Даусон и заведующий библиоте-

кой колледжа Азария Рут в гор. Оберлин (штат Огайо, население точно 4236 человек в 1923 г.)¹.

Суммарно их мысли.

1. Предполагается-ожидается резкое увеличение объема научных исследований в стенах высших учебных заведений, причем чем мощнее и авторитетнее университет, тем больше будет объем научно-исследовательской работы (НИР), большая вовлеченность преподавателей в науку.

2. Ожидается резкий рост объема библиотечных фондов в УБ, предположительно в 4 раза к 1941 г. Удивляет прогностический оптимизм и масштаб мышления заведующего библиотекой Оберлин-колледжа (его местопребывание даже в 1963 г. американская энциклопедия определила как village (по американским масштабам — деревня, уважаемые читатели), который в ноябре 1914 г. написал, что в будущем в США наибольший рост фондов, социальный авторитет, научную ценность будут иметь именно библиотеки высших учебных заведений. А но ведь это сбывшийся прогноз на весь XX век!

3. Для большей вовлеченности библиотекарей в сферу управления научными исследованиями необходимо включать заведующего ЦБ вуза и заведующего факультетскими библиотеками в состав научных советов самого вуза и его факультетов с правом решающего голоса.

4. Внутри университетов начнется все более узкая специализация ученых и возрастет их нагрузка при поиске информации — отсюда резкое повышение требований к личности сотрудника научно-библиографических и справочно-библиографических отделов, которые должны становятся узкими информаторами-поисковиками. Библиотекари должны будут снимать нагрузку с ученых в деле поиска и подбора научно-технической информации (НТИ) по их темам.

В ноябре 1918 г. закончилась Великая Европейская война (потом ее назовут Первой мировой), а в декабре один умный американец² прямо написал, что именно американские ученые превращаются в стратегический интеллектуальный резерв всего мира и на их долю выпадает миссия спасти западную цивилизацию. Очень даже символично и показательно, что именно эту его фразу и именно библиотекари вспомнили опять-таки после очередной, теперь уже Второй мировой войны, в 1946 г. [35, с. 141].

5. Наши библиотеки пока очень индивидуалистичны и нужна кооперация в сфере вузовских библиотек, ибо многие университеты разрабатывают смежные или родственные научные темы — нужно объединение усилий и ликвидация дублирования при комплектовании.

Эта идея 1914 г. была частично реализована в 1942–1948 гг., когда разрабатывался Фармингтон-план, охвативший почти 60 университетов. Подробнее — в разделе о комплектовании.

¹ У этого учебного заведения, основанного в 1833 г., была очень своеобразная всеамериканская известность: оно первым в США стало принимать на обучение и женщин, и мужчин одновременно, да еще и негров [41; 89].

² Веблен Т.Б. (1857–1929), американский социолог, экономист и социальный критик. Как раз летом 1918 г. он опубликовал книгу *The Higher Learning in America*, где он выступил против руководства университетами со стороны бизнеса. См.: Новая Российская энциклопедия. 2007. Т. III (2). С. 240; Большая Российская энциклопедия. 2006. Т. 4. С. 685; *Dictionary of American Biography*. New York, 1936. Vol. XIX. P. 241–244; *The Encyclopedia Americana*. Chicago, 1963. Vol. 27. P. 706.

В 1918 г. идеи 1914 г. полностью поддержал директор Библиотеки Конгресса У.У. Бишоп [6], а уже в июне 1946 г. их правильность подтвердил У.Х. Карлсон [23].

В ноябре 1919 г. в Колумбийском университете прошло первое послевоенное совещание сотрудников УБ Восточного побережья США, где обсуждали тезисы 1914 г.: расширение комплектования научной литературой, создание региональных отраслевых узкотематических сводных каталогов научной литературы, усиление образовательной роли этих библиотек как проводников методов американского библиотечного дела по всему миру³.

В июне 1920 г. заведующий УБ университета Брауна (основан в 1764 г.) Джури Ф.К. прямо записал, что библиотека уже становится лабораторией для студентов, преподавателей, ученых (своих и проходящих) и что нужно создавать внутривузовские консультативные библиотечные советы [47].

В 1953 г., анализируя — в ретроспективе — рост влияния УБ на жизнь своего вуза, Кеннет Д. Браун записал [12, с. 24–26], что еще в 1886 г. и позже, в 1931–1934 гг., в крупнейших университетах страны — Чикагском (основан в 1890 г.), Колумбийском, Гарвардском (основан в 1636 г.) и Йельском (основан в 1701 г.) УБ считали и называли «символом вуза и центром интеллектуальной жизни», «пульсирующим сердцем великого организма», «сокровищницей мудрости», «мастерской для нового знания». Автор с удовлетворением отмечал, что каждое новое поколение американцев повышает в своем сознании ценность и полезность книгохранилища своего высшего учебного заведения, и уже в 1903–1904 гг. их могли называть очень и очень уважительно *academic library* [12, с. 26; 90].

В 1930–1931 гг. ведущие университеты свою научную жизнь (*academic life*) стали переносить из класса в библиотеку, уменьшали число лекционных часов и увеличивали время для собственной работы студентов с литературой. Более того, вузы стали разрабатывать стратегию индивидуального обучения студентов, что только повышало ценность УБ и уровень требований к ее сотрудникам [87, с. 61–62]. Библиотекарь сферы НБО и СБО стал постепенно превращаться в наставника [77; 92].

Даже в 1931 г., в разгар Великой депрессии, сотрудники УБ писали о непременном повышении роли УБ в вузе и в науке [87, с. 64], делая упор на ожидаемом увеличении размеров фондов, росте количества студентов, повышении квалификации сотрудников самой УБ, увеличении их роли в обучении студентов самостоятельному библиографическому поиску.

В 1938 г. в Чикагском университете запустили свою программу изучения влияния экономики США на положение УБ и их сотрудников, рассматривали его как администратора-руководителя-финансиста-библиографа и помощника ученого. Одновременно изучали межфакультетские библиотечные связи, степень ответственности библиотекаря перед студентами и учеными-преподавателями, влияние новой техники и новых должностей на качество обслуживания читателей [44; 51; 103].

В 1948 г. автор Баусфилд Х.Г. из Бруклин-колледжа подвел итог всех этих размышлений и рассуждений, прямо записав, что сейчас УБ — это не обслуживающая структура (*service organization*), а управляющий, регулирующийся отдел (*instructional department*), который полностью участвует в работе своего вуза или факультета [8].

Полистный просмотр профессиональных журналов за десятки лет принес нам такой редкий аналитический материал, как отчетность за период 1870–1930 гг. относительно концентрации библиотек высших учебных заведений США по регионам страны — по результатам государственных ежегодных переписей [4]. И что мы имеем: из 8 переписей в 7 случаях центром притяжения и концентрации УБ были ареалы во главе со штатами Пенсильвания и Огайо — это Северо-Восток, самый старый район страны и только 1 раз штат Индиана — Средний Запад.

Если говорить о деталях, то заметим, что еще (или уже!!!) в 1923 г. [2] в университетах работало по несколько библиотек помимо центральной — это факультетские, кабинетские, лабораторные, в Калифорнийском — 4, Чикагском — 4, Джорджтаунском — 5, Бостонском — 6, Гарвардском — 15, Корнельском — 4, Колумбийском — 11, Иллинойском — 10, Пенсильванском — 4. (Но добавим от себя — по данным на 1921 г. — 4 это именные подаренные НБ, а было еще 15 факультетских)⁴.

В 1901 г. престижный и богатый Йельский университет начал создавать особые *club room libraries* для собственных исследований особо одаренных студентов [12, с. 54]. (В скобках от себя заметим, что по суммарному объему фондов эта УБ сегодня является второй по величине университетской библиотекой мира, первая в Гарварде).

Массачусетский технологический институт несколько задержался — по сравнению со знаменитыми университетами, так как только в 1931 г. его Библиотечный совет одобрил создание тематических отраслевых научных библиотек, начиная с подаренной «Истмен-библиотеки», которая немедленно установила связи по МБА с Гарвардом, Бостонской публичной библиотекой и Американской Академией искусств и наук [30].

В некоторых вузах еще 100 лет назад уже работали такие ценные тематические узкопрофильные библиотеки, что их описанию был посвящен целый номер не очень профильного для нас журнала⁵ — это Гарвардский университет, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе и Калифорнийский технологический институт — а темы: история бизнеса, философия, физика, химия, геология, архитектура [13; 14; 54; 58; 95; 98].

В 1916 г. Национальная Академия наук создала *National Research Council* — координирующий, кооперирующий и интегрирующий орган в сфере научных исследований, но его работа не затрагивала область библиотечно-информационного обслуживания самой науки [113]. (В скобках, ради справедливости, отметим, что первый сигнал об интересе власти к вузам появился только в разгар Второй мировой войны. В январе 1942 г. автор статьи, анализируя ретроспективу — с 1920-х гг. — взаимо-

⁴ *Library Journal*. 1921. Vol. 46. No. 4 (Feb. 15). P. 166.

⁵ *Special Libraries*. 1926. Vol. 17 (June).

отношений власти и университетов, прямо написал, что крупнейшие вузы ныне стали получать государственные заказы, создавать собственные, внутривузовские исследовательские центры-институты, а это резко повышает ценность библиотечных фондов и требования к качеству работы сотрудников УБ — они становятся соучастниками выполнения государственных программ [83; 103]).

Вторая мировая война, реализация правительственного атомного проекта и превращения США, на фоне разоренной Европы, в ведущую научно-техническую и промышленную державу мира — все это самым положительным образом отразилось на американском библиотечном сообществе. В октябре 1946 г. было прямо записано в основном профессиональном журнале [23, с. 293] — главный результат «недавней войны» — это невиданное увеличение ценности наших научных библиотек. В 1951 г. заведующий УБ Пенсильванского университета прямо написал, что центр мировой науки переместился из Европы в США, и это сделало наши УБ еще более ценными и привлекательными⁶. (Кстати сказать, этот вуз был первым в США, кто получил разрешение именоваться «университетом» [50, с. 641].

Только лишь в 1946 г. определенные правительственные организации подготовили для президента Г. Трумена доклад, в котором содержались предложения о необходимости финансирования именно УБ — документ затрагивал межбиблиотечную кооперацию, СБО и внедрение новой техники [23; 70; 86]. Некоторые авторы-составители предлагали создавать общенациональные или даже всемирные сверхбиблиотеки по отдельным дисциплинам [23, с. 292], вводить кооперирование на общемировом уровне или же создавать местные сети родственных библиотек, благо, в США такой опыт уже был в среде НТБ промышленных корпораций еще в 1910-е гг.⁷ В своих УБ предлагалось сохранять только малоспрашиваемую литературу, а нужную получать быстро и эффективно из одного центрального хранилища. Эти предложения не были реализованы.

Вопросами статистики в сфере библиотек высших учебных заведений общественные объединения начали заниматься еще в XIX в., в 1889 г. — это Американская библиотечная ассоциация и ее отделение — Ассоциация библиотек колледжей; обзоры составляли и отчеты публиковали в 1915, 1929, 1933 и 1945 гг. [84; 88]. По данным последнего исследования на УБ — в расчете на одного студента из всех источников — тратилось в среднем по стране 136 долларов (варианты в зависимости от региона: 116, 139, 141, 181, 102, 152 долларов) [35, с. 8].

Справедливости ради, стоит отметить, что обширной статистикой после Второй мировой войны стали заниматься и правительственные организации. Главная — U.S. Office of Education, учет вели по 15 позициям, включая каталогизацию, переплет, МБА, перевод заглавий иностранных книг, время на составление библиографических указателей [48]. По данным федеральной статистики, на 30 июня 1940 г. в стране работало 1321 учреждение системы высшего образования, фонды их библиотек

⁶ Library Trends. 1952. Vol. 1. No. 1 (July). P. 69.

⁷ Клещук С.Е. Сети научно-технических библиотек американских фирм // НТБ СССР. 1976. Вып. 4 (146). С. 37–43.

достигали цифры в 72 млн томов при ежегодном пополнении в 3,2 млн [35, с. 7].

И немного о грустном. До Второй мировой войны исследователи отмечали крайне неравномерное развитие системы высшего образования на территории страны — прежде всего, это Северо-Запад — по данным на 1935 г. — это 22% территории страны, но только 2,7% населения. Вузы там были системы *land-grant*, т.е. созданные по закону Моррилла (1862 г.) — еще в 1862, 1873, 1883, 1889 гг., содержались на деньги штатов, отсюда мизерные фонды в 72–105 тыс. томов. В каждом вузе изученных семи штатов работала центральная и факультетские библиотеки, но, естественно, никакой науки там не было [22].

Одинаково слабенькими в США были (по данным на 1932 г.) и гуманитарные колледжи с четырехлетним сроком обучения — фонды (обследовано было 205 организаций) были 16, 21, 84, 65, 126 и т.п. тысяч томов, количество студентов на всех курсах в среднем 350 человек. Естественно, никакой научной работы там не велось, хотя наибольший их процент — размещался в самых интеллектуально-богатых штатах — это Нью-Йорк, Пенсильвания и Огайо [85]. Каталогные карточки они покупали в Библиотеке Конгресса, у себя дублировали на пишущих машинках, в 193 библиотеках применяли ДК Дьюи, а в 12 — классификацию Библиотеки Конгресса.

Место, роль и статус библиотекаря

Тезис-лозунг «кадры решают все» действителен во все времена для всех стран и народов. Естественно, его не обошли своим вниманием и руководители-лидеры американского библиотечного дела и библиотекведения, однако методика подбора кадров в первые годы исследуемого нами периода была не очень совершенна.

Интересную информацию о практике 1910-х гг. мы имеем благодаря аналитическому отчету заведующего УБ Колумбийского университета Дж.Б. Даусен за 1911–1912 гг. [39]. Автор прямо записал, что пока (!) в большинстве университетов заведующие факультетскими библиотеками являются библиотекарями только по названию (*only librarians in name*), так как это либо нуждающиеся студенты, либо неудачные или нуждающиеся преподаватели. В небольших вузах это еще как-то проходит, но в крупных организациях, где есть серьезная наука, всегда должен быть профессионал.

О таких небольших вузах нам удалось найти соответствующую информацию. Например, в штате Мэн (а это район Новой Англии, самые первые и старые территории Америки): так вот, даже там профессионалов-библиотекарей нанимали не сразу, а несколько десятилетий спустя: Бодуин-колледж — основан в 1883 г., а *full-time* (полноценный, на полную ставку) библиотекарь появился только в 1923 г. Университет штата Мэн был первым вузом штата, который в 1889 г. нанял заведующего УБ и профессионала [80], а основали его еще в 1867 г.

Изучение содержания профессиональных журналов позволяет показать резко изменившуюся к концу 1940-х гг. картину. К тому времени было опубликовано несколько очень серьезных отчетно-аналитических материалов за 10 лет исследований по всем регионам США (брали 1940,

1942, 1947, 1949 гг.) — о профессиональном и должностном статусе сотрудников УБ внутри самого высшего учебного заведения (15; 24; 60; 61; 74; 101; 106; 112).

Во всех отчетах по стране прямо указывалось, что библиотека — это «вспомогательная лаборатория для всех наук» и неотъемлемая часть высшего учебного заведения.

По материалам десятилетних региональных отчетов американский автор Ф.Л. Лунди выделил четыре уровня:

– библиотекарь-помощник (library assistant) — они работают во всех факультетских библиотеках, всегда «на подхвате» и выполняют различные разовые поручения «старших товарищей»; не всегда это библиотекарь-профессионал;

– библиотекарь-инструктор (library instructor) по обучению работе с информацией (НБО, СБО), он уже ближе по статусу к категории преподавателей своего вуза;

– библиотекарь-помощник профессора (professor assistant), участвует в образовательном процессе как преподаватель-наставник в сфере собственного поиска НТИ читателем/студентом/преподавателем, имеет право занимать должность заведующего факультетской библиотекой;

– библиотекарь ранга и звания профессора — имеет право занимать должность заместителя заведующего УБ по обслуживанию, по технике или по кадрам.

Удалось найти опубликованные внутривузовские отчеты о положении сотрудников в УБ, их функциях, зарплате, премиях, больничных, отпусках — по каждой должности работу проводила уже их собственная Ассоциация научных библиотек. Неоднократно, в течение 40 лет, в печати появлялись материалы о профессиональном росте сотрудников конкретных УБ [26], но наибольший интерес представляют две работы [69; 74].

Одна работа посвящена анализу профессионального роста только заведующих УБ, да еще в такой критический для США период — декабрь 1933 — декабрь 1948 г. — пик великой депрессии/экономического спада и резкий послевоенный экономический подъем. Анализу подверглись данные по 32 крупнейшим университетам. Итак, в 1948 г. средний возраст заведующего УБ 45 лет (от 34 до 69), их назначали на эту должность в 40 лет (от 34 до 56). В 1933 г. средний возраст был 57 лет (от 30 до 66), возраст назначения — 48 лет (от 24 до 55), т.е. на 8 лет старше, чем в 1948 г.

В 1933 г. до назначения заведующим сотрудники работали в этой библиотеке 14 лет (средняя цифра, от 4 до 39 лет); в том же году только 4 человека из 29 опрошенных весь свой трудовой стаж заработали в различных вузовских библиотеках.

В 1948 г. нынешние заведующие УБ имели до назначения — пройдя все ступени роста — трудовой стаж 13 лет (средняя цифра). В 1933 г. для назначения требовался большой опыт работы именно в своей УБ с первых ступеней, а в 1948 г. можно было иметь рост в другом вузе: или заведующим отделом УБ или быть заведующим НТБ промышленной корпорации.

В 1948 г. для заведующего библиотекой были типичны такие варианты карьерного роста: ассистент (помощник) рядового библиотекаря, биб-

лиотекарь отраслевого (функционального) отдела, заведующий отделом в какой-нибудь УБ или же заведующий библиотекой в каком-нибудь колледже. Характерно для 1948 г. — половина будущих заведующих УБ профессионально росла только в вузовских библиотеках, 3 человека из 32 опрошенных работали в публичных библиотеках и 5 человек в колледжах. Очень интересно: из 32 опрошенных в 1948 г. 25% работали по совместительству также и преподавателями в этом же вузе до назначения заведующими УБ.

В 1933 г. ситуация была другая: 45 человек из 90 опрошенных работали в публичных библиотеках своего штата, в НТБ, в колледжах или если в вузовской библиотеке, то занимали небиблиотечные должности (non-library). В 1948 г. только 2 человека из 32 опрошенных прошли все ступени профессионального роста до заведующего УБ в этой же самой библиотеке.

Теперь немного о степенях. В 1948 г. 14 заведующих УБ (из 31 опрошенного) имели только 6 лет обучения в библиотечной школе/училище, но 15 имели магистра по библиотековедению. Также были те, кто закончил бакалавриат по библиотечному делу. В 1948 г. пять заведующих имели Ph.D. по библиотековедению. По сравнению с 1933 г., делает вывод автор, в 1948 г. заведующие УБ были просто «обвешаны степенями» (abundance of degrees), а сама их должность стала очень престижной (an exclusive profession).

Данные о социальном и должностном статусе именно конкретного заведующего УБ удалось найти только два раза: 1) Пенсильванский университет (основан в 1740 г.): в 1884 г. администрация вуза утвердила новую редакцию внутреннего устава, впервые пригласила профессионального библиотекаря и определила его статус as that of professor [32, с. 323]; 2) В периферийном, провинциальном университете штата Вирджиния (хотя библиотека там работала с 1825 г.) только десятый заведующий получил faculty rank, т.е. был введен членом в профессорско-преподавательский состав — в 1930 г. его приравнивали к профессору [34, с. 129].

После окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты Америки стали превращаться в крупнейшую научную державу мира и одной из характерных черт этого процесса стало то, что в СССР называли «сращиванием науки с производством». Для Америки это означало следующее: знаменитые и самые старые и богатые университеты, располагавшие интеллектуальными кадрами, стали размещать на своих территориях (кампусах) научно-исследовательские подразделения крупнейших промышленных корпораций. Вузовская профессура стала по совместительству там работать, а от своих университетских библиотекарей требовать информацию по профилю проводимых в корпорации НИР. Сотрудники УБ стали задаваться вопросом: мы теперь кто? Университетская / учебная / студенческая / вузовская / научная библиотека или НТБ промышленной корпорации? Каков наш статус, зарплата, почему нас не включают в бригады по проведению НИР и ОКР? [51].

Наиболее опытные и дальновидные стали сравнивать функции УБ и НТБ промышленных корпораций и задавать себе вопрос [55]: в фирме так называемый literature specialist непрерывно ведет поиск для своего подопечного исследователя/инженера/конструктора/проектировщи-

ка, а в УБ — сделал библиографический указатель, и все. Может быть, в таких случаях стоит подумать, не переходить ли и в УБ на аналогичную практику?

Объективное явление — повышение значимости и веса именно УБ в конце 1920-х — начале 1930-х гг., несмотря на кризис, в деле подготовки студентов и проведения научных исследований, потребовало от библиотечного сообщества Америки «взяться за себя», то есть оформлять библиотековедение, совершенствовать подготовку научных кадров, уже у них и свой термин появился для вузовских библиотек — у нас *academic librarianship*.

Первая в США библиотечная школа/училище с четырехлетним курсом обучения была основана еще в 1883 г. М. Дьюи при Колумбийском университете, первый выпуск в 1887 г.; в 1890 г. появилась вторая от Института Пратта. Всего же к 1931 г. в стране работало уже 24 таких учебных заведения [110, с. 3]. В 1928 г. впервые в США в Чикагском университете (когда там открыли свою библиотечную школу) прозвучала мысль о том, что надо бы начать «остепенять» самих себя, своих библиотековедов-профессионалов. Однако в этом вопросе не все так просто [64].

Только в январе 1931 г.⁸ прозвучало мнение автора С.Е. Вильямсона из Колумбийского университета о том, что библиотекари должны взяться за науку «внутри себя». Об отсутствии теоретических, философских основ американского библиотековедения говорилось и немного позже [40]. Нашелся автор У.Е. Блисс [7], который стал анализировать основы самого понятия «наука» в других отраслях знания и искать исторические корни самого термина «библиотековедение».

Недаром же известный библиотековед Леон Карновский прямо написал даже в 1937 г. [27], что библиотечное дело и библиотековедение как поле для исследований — это вообще нетронутые сферы деятельности. Вопрос с теоретической основой американского библиотечного дела не был решен и к январю 1945 г. [68].

Разговоры шли своим чередом, а в Чикагском университете с 1930 г. стали готовить специалистов на магистра по библиотековедению⁹, в 1932 г. Корнельский университет на деньги Фонда Карнеги начал собственные библиотековедческие исследования.

В 1948 г. впервые в США (в университете штата Иллинойс) объявили о подготовке специалистов на присуждение Ph.D. по библиотековедению, и в октябре 1951 г. первый таковой специалист ее получил¹⁰.

В 1931 г., на пике Великой депрессии, прозвучал самый главный вопрос при подборе кадров в УБ — это *academic qualification* [85, с. 65], т.е. профессиональная подготовка сотрудников НБО и СБО¹¹. Решили, что лучше всего брать выпускников после колледжа с техническим или гуманитарным уклоном, и что для школьных, публичных и универси-

⁸ Library Journal. 1931. Vol. 56. No. 1 (Jan.). P. 1–17.

⁹ Library Journal. 1930. Vol. 55. No. 5. P. 223.

¹⁰ Library Trends. 1952. Vol. 1. No. 1 (July). P. 69.

¹¹ Заметим, что американские исследователи забыли к тому времени свою историю. Еще в 1908 г. на ежегодном заседании Американской ассоциации профессуры уже обсуждали такой вопрос: а эти библиотекари-библиографы, которые нам «в клювике» несут информацию, они кто по уровню интеллекта, квалификации, что они понимают в наших науках, что от них можно требовать и чего можно ожидать?

тетских/научных библиотек нужны разные методики подготовки — под будущие должности, специальности и непрерывный карьерный рост [105]. Эту мысль безоговорочно поддержал заведующий библиотечной школой Колумбийского университета и, одновременно, начальник всех УБ С.С. Вильямсон [109].

В 1946 г., уже после окончания Второй мировой войны, к этому вопросу вернулись [45]. Автор Р.Б. Даунз собрал мнение заведующих ЦБ университетов Чикагского, штатов Индиана, Колумбийского, Стэнфордского, Калифорнийского: как отбирать кандидатов в библиотечные школы, какие критерии отбора главные. И еще автор поставил очень даже деликатный вопрос: биолог/экономист/технический специалист/лингвист/историк, работающий в УБ, будет получать меньше, чем если бы он работал по своей прямой специальности? И как мы тогда наберем специалистов в университетскую библиотеку?

Очень и очень интересной (если не вообще первой) можно назвать работу 1936 г. [62], в которой автор перечисляет черты характера и персональные требования к идеальному и к потенциальному библиотекару для сферы науки. Первый должен закончить колледж после средней школы, плюс быть широко информированным по многим темам (*in many fields*), но специализироваться в какой-нибудь одной! Отметим, что уже давно перед приемом в библиотечные школы проводили тщательные собеседования¹².

Можно привести косвенные доказательства высокой самооценки вузовских библиотекарей США еще в 1930-е гг. — кризисные для экономики страны, как они смотрели на свои УБ как социальный институт. В 1932 г. было создано их отдельное общественное объединение «Association of research libraries» (т.е. не просто вузовские, не просто университетские, а, по существу, научные/научно-исследовательские библиотеки). В 1939 г. началось издание профильного журнала «College and research libraries».

Нельзя не отметить и такой символический и многозначительный для профессионалов факт: в системе УБ США в 1920-е гг. еще не было своего объединения, так как наиболее интеллектуально-богатые УБ являлись «Institutional members» такой профессионально-крепкой, обслуживавшей бизнес организации как Ассоциация социальных библиотек — АСБ. Уже в 1928–1929 гг. членами АСБ, т.е. вошли в сообщество самых «крутых» информационных работников, были УБ Йельского университета, библиотека Школы изящных искусств Пенсильванского университета, именная — подаренная библиотека Бейкера из Гарварда, УБ Массачусетского технологического института¹³, УБ Питтсбурга¹⁴. В 1930-е гг. к ним присоединились УБ из Чикаго и Вашингтона.

В АСБ разрешалось и персональное членство, которое еще в 1930 г. имели заведующие УБ из Балтимора, Гувер-колледжа, штата Оклахома, Северо-Западного и даже Академия наук штата Калифорния¹⁵. По состо-

¹² The Library Quarterly. 1933. Vol. III. No. 3 (July). P. 253–266; The Library Quarterly. 1934. Vol. IV. No. 3 (July). P. 436–448.

¹³ Special Libraries. 1929. Vol. 20. No. 1 (Jan.). P. 16.

¹⁴ Special Libraries. 1928. Vol. 19. No. 8 (Oct.). P. 174.

¹⁵ Special Libraries. 1930. Vol. 21. No. 5 (May). P. 171.

янию на конец 1937 г. в АСБ уже было так много членов — вузовских библиотекарей, что там создали отдельную секцию¹⁶.

Указанная выше Ассоциация вузовских библиотек к 1952 г. насчитывала около 50 членов и являлась главным научно-методическим центром для УБ, НБ и даже НТБ [104, с. 65].

Уникальным доказательством «проникновения» библиотекарей в науку, слияние с ней, является следующий факт. С 1848 г. в США активно работает Общественная Американская ассоциация содействия науке (А.А.А.С.), в составе которой есть аффилированные и ассоциированные члены (региональные академии наук, научные фонды и институты), но в исследуемый период было разрешено членство для составных структурных частей более крупных организаций — institution special members. И в А.А.А.С. вошли библиотеки крупнейших (к 1948 г.) американских вузов — это университеты Калифорнийский, Чикагский, Бостонский, Брауна, Джонса Хопкинса, Корнельский, Принстонский, Йельский, Колумбийский, Мичиганский, Кларка, Калифорнийский технологический институт [1, с. 1101–1105]¹⁷.

Иначе говоря, в списке членов представлены библиотеки университетов и колледжей 34 штатов — это самые финансово- и интеллектуально-богатые и информационно-продвинутые вузы США. Таким образом, библиотекари участвовали во всех научных мероприятиях Ассоциации (конференции, съезды, симпозиумы), имели непосредственный личный контакт с научной элитой страны и были полностью информированы об объективных требованиях ученых к системе их библиотечно-информационного обслуживания в масштабах мира, страны, города, штата, отрасли промышленности и научной дисциплины.

Комплектование фондов

Считаем нецелесообразным уделять серьезное внимание этому вопросу и наполнять статью цифрами, подтверждающими естественный рост фондов УБ в исследуемое 40-летие, приведем лишь некоторые цифры в Таблице 1 [33].

Из Таблицы 1 виден с 1914 г. по 1941 г. среднеамериканский рост книг в 4 раза и то при условии, что будем «делить всех на всех», тогда как крупные вузы Северо-Востока, Среднего Запада и далекая Калифорния дали значительно более серьезные цифры.

Так, в 1900 г. в США не было ни одной УБ с фондом печатных изданий более 1 млн единиц хранения, а в 1950 г. в стране работала 21 библиотека с таким фондом, из которых 14 — это УБ. В 1937 г. работало 79 УБ с фондом более 200 тыс., в 1950 г. библиотек всех типов с фондом более 200 тыс. было 239, из которых 103 — университетские [75].

Детально рост в период 1901–1931 гг. выглядит: Гарвардский университет — 577–3165 тыс., Иллинойский — 53–880 тыс., Чикагский — 300–

¹⁶ Special Libraries. 1937. Vol. 38. No. 8 (Oct.). P. 308.

¹⁷ Интересное дело: в этой «теплой» интеллектуальной компании не было Массачусетского технологического института — лучший технический вуз мира и Гарварда — а ведь еще в 1944 г. [12, с. 52] в этом университете было 78 библиотек — это факультетские, лабораторные, кабинетские, отраслевые-тематические плюс прикасаемые именные НБ и НТБ, подаренные финансовыми и промышленными магнатами — бывшими студентами. Видимо, их библиотекари считали, что они и так уже «элита элит» и куда-то там еще «входить» в толпе других — это не для них.

970 тыс., Северной Каролины — 33–230 тыс., штата Техас — 35–460 тыс., Калифорнийский — 90–773 тыс. Зато в 202 обследованных колледжах в том году средняя цифра была всего 35 тыс. единиц хранения [111].

Если поработать с другим американским источником [12], то можно дать динамику роста по четырем университетам (количество томов дано в тыс. экз.).

Таблица 1. Естественный рост фондов УБ с 1914 г. по 1941 г.

Годы	Университеты			
	Чикагский	Колумбийский	Гарвардский	Йельский
1916	485,0	661,0	1230,0	1000,0
1936	1161,0	1520,0	3800,0	1960,0
1946	1584,0	1778,0	4800,0	3540,0

В 1948–1949 гг. активисты-члены библиотечного сообщества впервые после Второй мировой войны [36] организовали сбор статистических сведений только по УБ — сравнение давалось с довоенным 1939 г. по 15 позициям, включая расходы на комплектование книгами, брошюрами, периодикой, на переплет, на зарплату соответствующим сотрудникам. В отчете приводились реальные цифры, естественно, они превзошли прогноз на 1941 г.

В этом разделе статьи нельзя обойти вниманием Фармингтон-план — это попытка профилирования комплектования в национальном масштабе. Темой профилирования комплектования в Америке занялись давно, обсуждения и дискуссии с участием сотрудников УБ «имели место быть» в 1890-е, 1920-е, в 1939-м и 1940-м гг., и только в этот последний год впервые подняли вопрос о создании такой госструктуры, как Федеральный библиотечный совет (Federal Library Council). Мероприятие родилось 9 октября 1942 г. в гор. Фармингтон, штат Коннектикут, где собрались представители трех крупнейших библиотек — Конгресса, Гарварда и Йеля. Позже к плану присоединились почти 50 университетов, но реализация началась только 1 января 1948 г. Эксперимент по профилированию комплектования с Европой начали с трех стран — Франция, Швеция и Швейцария, потом присоединилось еще 5.

Для США единственный найденный нами пример — это поведение УБ университета Южной Калифорнии: мы живем в Голливуде, столице мировой киноиндустрии, и будем монополистами по этой теме [71].

Наибольшую выгоду от участия в работе с 8 иностранными государствами получили только 60 участников, и они все находились либо в столице США Вашингтоне, либо в городах Северо-Востока.

Очень серьезные материалы о конкретных примерах межвузовского кооперирования — да еще по 7 крупнейшим регионам страны — были опубликованы только в 1946 г. [52], а начали с истории первого примера 1909 г., и «хорошо прошли» по периоду 1931–1943 гг. Рассмотрены были вопросы взаимного регионального информирования о новых поступлениях [96; 97], создание региональных сводных каталогов, подготовка библиографических указателей несколькими УБ — на иностранных языках литературу хорошо учитывали в Йельском, Гарвардском и Корнельском университетах.

2 марта 1948 г. в Бостоне была создана депозитарная библиотека Новой Англии («New England Deposit Library») [43], исторически самый старый район страны, ее членами стали Бостонский Атенеум (благотворительная научная организация), 3 библиотеки из Гарварда и центральная научная библиотека Массачусетского технологического института¹⁸.

Первые разговоры-дискуссии о необходимости где-то хранить мало-спрашиваемую литературу — научную и учебную, начал еще (ошибки нет — С.К.) в 1900–1902 гг. заведующий УБ Гарварда. Пошли вопросы: строить или нет отдельные новые здания, определять ли в регионе какую-нибудь УБ для складирования, создавать или нет сводные каталоги, как и в какой библиотеке определять «малоспрашиваемую литературу», как об этом оповещать соучастников, каким образом доставлять литературу друг другу или же в депозитарии создавать читальные залы. Вопросы, вопросы, вопросы... А чем все кончилось? В октябре 1948 г. (!!!) один прямолинейный автор не выдержал и опубликовал статью с «похоронными словами»: на сегодня мы имеем *decades of planning* (десятилетия планирования, обсуждений и дискуссий), а вся работа пока застыла в детском возрасте [43, с. 254]. Так он и прав: семь лет думали-думали, и только успели определиться, какая библиотека-участник будет собирать у себя литературу и по какой теме.

Обслуживание читателей

Анализ изученной литературы показал, что в различные временные (исторические) периоды и в разных вузах при обслуживании читателей через абонемент, в читальных залах и справочно-библиографических отделах приоритет отдавался разным их категориям. Одно несомненно: с самого конца 1930-х гг. и в последующие 1940-е гг. первое-второе место всегда делили преподаватели/ученые/исследователи и студенты-выпускники, потом шли первокурсники и внеуниверситетские/сторонние читатели. Так, в Чикагском университете в начале XX в. приоритетом считалась учеба, т.е. первые три категории читателей [12, с. 38], и только на четвертом месте ученые и преподаватели, проводившие собственный НИР. В Колумбийском, Гарварде и Йеле первые два места — это студенты-выпускники или же начинающие, профессура — на третьем месте, а уж после всех — сторонние читатели. В Йельском университете в 1906 г. на первое место передвинули профессуру, университетское начальство, после них шли «продвинутые» студенты-первокурсники.

Этот вуз был первым, где профессуре разрешили брать книги, сколько угодно и на любой срок, но зато он же учил студентов работать с литературой для карьеры, а библиотекаря — закупать нужную литературу для своей науки [12, с. 41]. В 1939 г. в Колумбийском университете профессуре разрешили открытый доступ в фонд для собственного поиска и отбора литературы.

По данным еще на 1923 г. профессорско-преподавательский состав ни в одном вузе не имел ограничений при заказе литературы через абонемент; студентам везде давали не более пяти книг и только на две недели. В 1920–1930-е гг. абонемент и СБО зачастую размещались по со-

седству — в подавляющем большинстве УБ, да еще имели и одного начальника. Читательский алфавитный каталог в пяти крупнейших УБ размещался либо на абонементе, либо в СБО [99, с. 151–158].

В те годы во всех библиотеках работа начиналась в 8:00, открыты они были до 18–22 часов, в 33% опрошенных в 1923 г. библиотеках работа прекращалась в 22:00. Уже в те годы для студентов был разрешен открытый доступ к справочной литературе. Интересно отметить, что открытый доступ иногда зависел от размеров библиотечного фонда: так, при фонде 100 тыс. в 11 УБ из 34 опрошенных, при фонде 50–100 тыс. — в 16 из 39, при фонде 20–50 тыс. — в 41 из 59, при фонде менее 20 тыс. — в 58 из 93 [99, с. 267].

В одной обобщающей работе [12, с. 112] мы нашли некоторые цифры по времени работы УБ, но только по четырем крупнейшим университетам.

Таблица 2. Время работы УБ

Годы	Университеты (рабочих часов в неделю)			
	Чикагский	Колумбийский	Гарвардский	Йельский
1926	80	81	88	81
1936	80	85	75	77
1946	77	76	75	84

У нас есть возможность дополнить и уточнить приведенную информацию: в Йельском университете в 1932–1933 гг. центральная библиотека работала 344 дня в году, отраслевые/тематические библиотеки (а их было 30) были открыты 51–89 часов в неделю. Этот вуз, единственный из всех нами изученных, опубликовал цифру разрешений на пользование открытым доступом в фонд — 2200 — ученые и студенты выпускного курса [17, с. 9]. В 1937 г. абонемент на разных факультетах работал 51–85 часов в неделю, а читальные залы — 77–83 часа. (В указанном году в вузе работало уже около 50 библиотек, включая именные — подаренные [18–20]). В университете Южной Калифорнии (данные 1945 г.) УБ работала 84 часа в неделю [71].

Единственный раз удалось найти сведения о количестве книг, которые брал студент университета в течение учебного года [94, с. 22]: университет штата Орегон — 146, Калифорнийский — 61, Стэнфордский — 52, Мичиганский и Чикагский — 50 и 43 соответственно. По данным еще на 1931 г., в американских УБ около 50–75% всех книг прочитано студентами выпускных курсов [111]. Интересный факт: в отдельных случаях ЦБ или же факультетские библиотеки пользовались услугами и фондами НТБ промышленных корпораций — и это отметил специалист из Массачусетского технологического института Сивер В.Н. [91].

Следует отметить и такую важную деталь: по данным Ассоциации специальных библиотек, еще в середине 1930-х гг. внутри сети УБ крупнейших вузов работали свои НТБ (учет начали еще в 1921 г.). А в 1935 г. их было уже около 50 — по узкой тематике подготовки специалистов для сферы промышленности и бизнеса: архитектура, строительство, экономика, наука и техника (инженерное дело). Например, НТБ школы бизнеса Колумбийского университета, именная НТБ Бейкера школы

бизнеса Гарварда, НТБ по архитектуре Калифорнийского университета, НТБ в университетах штатов Оклахома, Мичиган, гор. Балтимора. Самое главное — методика информационного обслуживания читателей была прямо взята из практики обычной НТБ промышленной корпорации, т.е. высший класс [16; 37; 59]. (Не следует также забывать о том, что еще в 1920-е гг. УБ в летний период каникул допускали в свои фонды и школьных учителей)¹⁹.

Интересно, что в 1920-е гг. в 25% УБ со студентов брали «библиотечные» деньги — 1, 2, 3, 5 долларов в год, а в Йельском университете — 10 долларов, так там и учились самые богатые и знаменитые детишки [99, с. 164].

Справочно-библиографическое обслуживание — СБО или *reference work* — продукт XX столетия для США, и Колумбийский университет считается местом его рождения (*cradle of modern reference work*) [12, с. 145]. 1850–1930-е гг. были периодом становления СБО: в 1930 г. заведующий Нью-Йоркской публичной библиотекой прямо написал, что СБО — это доброжелательное и авторитетное ознакомление читателя с фондами библиотеки — для последующей его собственной работы [12, с. 144]. В 1944 г. профессор библиотечной школы Колумбийского университета прямо записал, что СБО читателя — это прямое соучастие библиотекаря в научной работе читателя (хотя впервые эта мысль прозвучала в этом вузе еще в 1882 г.).

Автономные справочно-библиографические отделы (службы) — с приоритетом для ученых — стали появляться позже: Колумбийский университет — 1886 г., Чикагский — 1910 г., Гарвард — 1915 г., Йель — 1900 г. И сразу формулировали задание для отдела кадров — брать только после колледжа с техническим или гуманитарным уклоном [12, с. 148]; опять приоритет у Колумбийского университета, за ним последовали Гарвард, Чикаго, Йель (в 1911, 1928, 1932 гг.). Именно в Колумбийском университете с 1927/1928 учебного года, впервые в американской практике, библиографические указатели стали на равных составлять и ученый, и библиограф; недаром же в этом вузе когда-то была открыта первая в стране библиотечная школа/училище — *school of library economy*.

В Корнельском университете в 1932 г. ввели бригадный метод работы сотрудников УБ, когда при поиске НТИ работал тандем: библиограф из СБО и ученый — по медицине, древним рукописям, истории и политике [67]. В том же вузе и в том же году начали такой эксперимент — ввели должность *research librarian*, то есть главного библиотекаря по решению вопросов информационного обслуживания науки [66].

В Колумбийском университете еще в 1911–1912 гг. заведующий центральной библиотекой ежегодно отчитывался перед своим руководством не только за рост фондов, пополнение каталогов, объем книговыдачи, но и давал наименования подготовленных библиографических указателей. А структура самой УБ уже тогда была вполне современной: работали отделы комплектования книгами и периодикой, абонемент, справочные отделы, переплетная, отдел МБА и даже книгообмена [39].

В отдельных вузах еще 90–100 лет назад практиковался инструктаж и для ученых, и для студентов — по организации и проведению собственного библиографического поиска (63; 79; 99, с. 192–197). Где-то вручали отпечатанный буклет/инструкцию/наставление, а в университетах штата Мичиган, в Северо-Западном и г. Питтсбурга, а также в Принстоне и Йеле — давали по одночасовой лекции в неделю в первый семестр для первокурсников (в Принстоне еще добавляли экскурсию по всем фондам УБ — это в 1923 г.!!!). Плюс там же для выпускного курса проводили цикл из десяти лекций с прицелом на будущий самостоятельный поиск информации в море знаний. Значительно позже, в 1939 г., аналогичные лекции были введены в Северо-Западе, в университете штата Орегон [94, с. 19].

Следует отметить, что после окончания Второй мировой войны и сотрудники, и руководство УБ, и их ассоциации с большей серьезностью стали относиться к своему социальному институту — научным/вузовским/университетским библиотекам. Они чувствовали и понимали непрерывно возрастающую ценность своих книжно-журнальных сокровищ для страны, ее настоящего и будущего. Заметим, что именно в Чикагском университете знаменитый физик Энрико Ферми в 1943 г. осуществил первую цепную ядерную реакцию на первом в США атомном реакторе; в 1948 г. Норберт Винер, профессор того же Чикагского университета, опубликовал свою книгу «Кибернетика». Безусловно, это результат работы университетских библиотек, сотрудники которых обеспечивали ученых новейшей научно-технической информацией.

Именно такой подход лежит в основе того внимания, которое уделялось финансовой стороне их повседневной деятельности, более частыми стали анализы расходов и на обучение, и на библиотечное дело [57]. Наши исследования подсказывают, что подсчетом расходов на содержание любой американской библиотеки их сотрудники занимались еще с момента создания Американской библиотечной ассоциации, т.е. с 1876 г. Если брать только университеты, то первым начал публиковаться Принстонский университет в 1905 г., а в 1916 г. отчеты о своих пооперационных расходах (время и деньги) дали четыре крупнейших вуза — тот же Принстон, плюс Йельский, Колумбийский и Чикагский [88].

В 1947 г. престижный и богатый Корнельский университет за свой счет [76] провел анкетирование-опрос 52 вузов США и опубликовал результаты затрат. Кратко они таковы. Средний расход вуза на одного студента (в год) — 38 долларов, а по процентам это 2,7% бюджета (высший 9,3%, низший 1,1%). Доля расходов вуза на свою библиотеку — 4–5% от всего бюджета (Корнел рекомендовал снизить до 3,5%). Расходы УБ в расчете на одного студента — 22 доллара (их комментариев — серьезно не хватает: расходы от 2,7 доллара до 51 доллар). Это было меньше цифр 1930-х гг. и меньше рекомендованных 37 долларов.

В 1947 г. фактические расходы были: Калифорнийский университет — 37 долларов (или 2,8%), штата Иллинойс 38 (4,22%), Корнельский 22,6 (1,4%), Ратгерса — 29 (1,9%), Массачусетский технологический институт — 21 (2,23%).

Для сравнения вспомнили прежние цифры: в 1928 г. на УБ тратили 2,5% бюджета вуза, в 1937 г. — 3%, в 1946 г. — 2,77% — средние цифры

по стране для университетов и колледжей. И тут же добавляли: покупательная способность доллара сейчас много хуже, чем в 1928 г., поэтому фактически руководство вуза недофинансирует свою библиотеку.

Вопросами целесообразности работы по МБА для УБ заинтересовались еще в 1932 г., когда был проведен анализ полезности: для каких библиотек и для каких категорий читателей он выгоден, в каких университетах к нему прибегают чаще всего — учитывали прежде всего величину фондов. Опросили университеты Колумбийский, Калифорнийский, штатов Иллинойс, Миссури и Мичиган. И нашли: в 75% случаев МБА был признан полезным и не являлся нагрузкой для сотрудников (no burden), и только в 12% случаев ответ был — «не очень нужен» [9]. (В скобках отметим — некоторые УБ — данные 1930 г. — подсчитывали даже стоимость работы при кооперировании при подписке на периодическую²⁰). В отдельных случаях авторы позволяли себе проводить анализ оплаты труда по определенной должности (например, каталогизатора) — в зависимости от типа библиотеки, объема поступлений, типов книгоизданий: новичку в публичной библиотеке и опытному сотруднику в университетской — разница примерно в 2,5 раза [31].

Применение технических средств

В американской библиотечной литературе впервые термин *technical processes* появился в книге Дж.Л. Когана «Library literature, 1943–1945»²¹, хотя периодически описание приборов и механизмов встречалось и ранее, с 1910-х гг. В изученной нами литературе впервые только в 1914 г. появилось сообщение о внедрении множительной техники для тиражирования не только каталожных карточек Библиотеки Конгресса, но и своих, которые можно раздавать смежным библиотекам [89, с. 813]. А в предыдущем, т.е. 1913 г., в мае, на ежегодной конференции Американской библиотечной ассоциации в Вашингтоне была организована целая выставка современной — на тот момент — множительной техники под названием «Трудосберегающие устройства и приспособления» [89, с. 813].

В области вычислительной техники еще с 1912 г. работал знаменитый Ванневар Буш, который еще в 1925 г. создал свою первую механическую интегрирующую машину; в 1943 г. также в США была создана первая цифровая ЭВМ «ЭНИАК». И вся эта работа была выполнена в стенах университетов. В 1920–1930-е гг. появилось микрофильмирование, микрофиши и перфокарты, но в библиотеках они широко не применялись.

Описывая УБ образца 1931 г., автор перечислил все: стеллажи, полки, шкафы, стулья, столы, кресла. Но ни одним словом не обмолвился об оргтехнике [73]. Единственно известно, что демонстрация учебных фильмов в библиотеках США началась в 1910 г., а если говорить о демонстрации учебных/образовательных фильмов именно в вузах, то эту тему впервые подняли только в 1950 г. [5].

1935 годом датируется первое применение кондиционирования в библиотеке (Колумбийский университет)²².

²⁰ Library Journal. 1930. Vol. 55. No. 17. P. 770–771.

²¹ Library Trends. 1952. Vol. 1. No. 1 (July). P. 73–82.

²² Library Journal. 1935. Vol. 60. No. 7 (Apr. 1). P. 896–897.

Серьезные разговоры о механизации и автоматизации именно в вузовских библиотеках пошли только с конца 1940-х гг., появились статьи о необходимости применения машин для рутинной библиографической работы [11, с. 135]. В июле 1947 г. [56, с. 329–332] заговорили о том, что хорошо бы энергичнее внедрять перфокарты для поиска информации. Это был явно ответ на статью В. Буша²³ от июля 1945 г. «Как мы можем думать». И в том же 1947 г. прошла мысль о необходимости применения машин для чтения микроформ, появилась информация о создании внутри университетов отделов механизации и автоматизации (Technical services divisions). В октябре 1948 г. такую информацию дал о себе университет штата Орегон [100], и в том же 1948 г., как оказалось, в США такие отделы работали уже в 26 библиотеках.

Заметим, что еще в 1944 г. один университетский автор С.С. Шоу прямо написал, что ученые очень неохотно читают периодику на микрофильме, если есть бумажный вариант²⁴. В 1949 г. профессор химии Дж.В. Перри из Массачусетского технологического института, помещая статью в библиотечном журнале [82], прямо призывал читательскую аудиторию бросить все силы на механизацию обработки научно-технической информации особенно из-за трудности поиска химических формул. Но за полгода до этого, 18 июня 1948 г., «имел место быть» тематический симпозиум на тему механизации в УБ — все шесть выступавших указывали на ускоренный рост специализированных отделений механизации и автоматизации [102].

С самого конца 1940-х гг. и в самом начале 1950-х пошли на эту тему абсолютно современные разговоры. В 1951 г. крупнейшие университеты Америки (Гарвард, Йель, Колумбийский, Калифорнийский, штата Иллинойс) провели первые обсуждения вопроса о внедрении электронных носителей информации, судьбе центральных и факультетских библиотек и супергромадных региональных научных библиотек на базе ЭВМ — это все говорило о начале перехода от промышленной к будущей, т.е. современной, научно-технической, компьютерной революции [25].

Уже тогда пошло обсуждение темы «кибернетика и библиотека», влияние communication revolution на профессию, социальное положение и обязанности сотрудников УБ при машинном поиске информации [11], тем более что именно после Второй мировой войны в университетах стали переходить к узкой специализации факультетов, а иногда — для особо одаренных студентов — к индивидуальным планам выращивания специалистов [51].

Заключение

На протяжении исследованных лет Соединенными Штатами Америки руководили семь президентов, у каждого из них был свой подход к управлению самой мощной индустриально-развитой страной мира, но только последние два уделили развитию науки определенное внимание.

²³ Шилов В.В. Ванневвар Буш // Информационные технологии. 2004. № 11. С. 1–32. В. Буш (1890–1974), выдающийся американский ученый в области вычислительной техники и информационных технологий, изобретать начал еще в 1912 г. в возрасте 22 лет.

²⁴ The Library Quarterly. 1944. Vol. 14. No. 3 (July). P. 229–233.

Эта страна за 40 лет прошла через невиданные ранее экономические потрясения и видела такие же крутые подъемы — экономический и научный рывок в период Второй мировой войны и после нее.

Для библиотечного сообщества в целом и особенно для его высшего интеллектуального слоя, сотрудников УБ, эти четыре десятилетия были наполнены заботами о непрерывном совершенствовании своего профессионального мастерства в деле информационного обслуживания ученых, преподавателей и студентов.

Во всех важных и крупных статьях, опубликованных в профессиональных журналах за изученное 40-летие, отражался постоянный безграничный оптимизм в отношении успешного решения задач своей профессии — обслуживание науки во все возрастающем объеме и при непрерывном улучшении качества.

Сотрудники УБ за исследованный период превратились из простой библиотечной прислуги на абонементе и в читальном зале в полноценных участников-соисполнителей всех научно-исследовательских проектов и программ своего вуза.

Библиотекари психологически, интеллектуально и профессионально полностью и успешно подготовились к наступлению современной научно-технической, компьютерной, информационной революции.

Список источников

1. American Association for the Advancement of Science. A Brief History of the Association from its Founding in 1848 to 1948. Publ. by the AAAS, Washington, D.C., 1948. 1219 p.
2. American Library Directory. New York, R.R. Bowker Co., 1923. 303 p.
3. Bates R.S. Scientific Societies in the United States. 2nd ed. New York, Columbia University, 1958. 297 p.
4. Belles W.C. The Center of Population of Higher Educational Libraries in the United States, 1870–1930 // *The Library Quarterly*. 1936. Vol. 6. No. 2 (Apr.). P. 175–181.
5. Bennett F. Films in the Academic Library // *College and Research Libraries*. 1950. Vol. XI. No. 2 (Apr.). P. 125–129.
6. Bishop W.W. Changing Ideals in Librarianship // *The Library Journal*. 1919. Vol. 44. No. 1. P. 5–10.
7. Bliss H.E. As to a Philosophy for Librarianship // *The Library Quarterly*. 1935. Vol. 5. No. 2 (Apr.). P. 232–235.
8. Bousfield H.G. College Libraries with Dual Roles // *College and Research Libraries*. 1948. Vol. IX. No. 1 (Jan.). P. 25–32.
9. Boyer K.J. Interlibrary Loans in College and University Libraries // *The Library Quarterly*. 1932. Vol. 2. No. 2 (Apr.). P. 113–134.
10. Brief of Minutes of Association of Research Libraries, Jan. 30, Chicago // *College and Research Libraries*. 1948. Vol. IX. No. 3 (July). P. 251–254, 256.
11. Bristol R.P. Can Analysis of Information Be Mechanized // *College and Research Libraries*. 1952. Vol. XIII. No. 2 (Apr.). P. 131–135.
12. Brough K.J. Scholar's Workshop. Evolving Conceptions of Library Service. Urbane, University of Illinois, 1953. 197 p.
13. Brown Ch. The Architecture Library at the University of Southern California, Los Angeles // *Special Library*. 1926. Vol. 17 (June). P. 248–249.
14. Brown Ch. Hoose Library of Philosophy, University of Southern California, Los Angeles // *Special Library*. 1926. Vol. 17 (June). P. 249.
15. Brown H. The Librarian as Teacher in the College Library // *College and Research Libraries*. 1949. Vol. X. No. 2 (Apr.). P. 119–123.
16. Buchanan R.B. The Development and Function of a Research Library, 1922–1946 // *College and Research Libraries*. 1947. No. 3 (July). P. 294–297.

17. Bulletin of Yale University. Report of the Librarian, July 1, 1931 — June 30, 1932. New Haven, 15th December 1932. 61 p.
18. Bulletin of Yale University. Report of the Librarian, July 1, 1932 — June 30, 1933. New Haven, 15th December 1933. 63 p.
19. Bulletin of Yale University. Report of the Librarian, July 1, 1937 — June 30, 1938. New Haven, 15th December 1938. 61 p.
20. Bulletin of Yale University. Report of the Librarian, July 1, 1945 — June 30, 1946. New Haven, 15th December 1946. 44 p.
21. Camp J.S. The Story of Science in America. New York, Charles Scribner's Sons, 1967. 282 p.
22. Carlson W.H. The Development and Financial Support of Seven Western and Northwestern State University Libraries. Berkeley, University of California Press, 1938. 106 p.
23. Carlson W.H. The Research Worker and the Library // College and Research Libraries. 1946. Vol. VII. No. 4 (Oct.). P. 291–300.
24. Carlson W.H. Preparation for Progress // College and Research Libraries. 1947. Vol. VIII, Part I. No. 3 (July). P. 195–202.
25. Carlson W.H. Cooperation: A Historical Review and a Forecast // College and Research Libraries. 1952. Vol. XIII. No. 1 (Jan.). P. 5–13.
26. Carman H.J. Education for Future Librarians // College and Research Libraries. 1949. Vol. X. No. 2 (Apr.). P. 101–102.
27. Carnovsky L. Why Graduate Study in Librarianship? // The Library Quarterly. 1937. Vol. 7. No. 2 (Apr.). P. 246–261.
28. Carpenter K.E. The First 350 Years of the Harvard University Library. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1986. 216 p.
29. A Challenge to the World. New York, McGraw-Hill Book Co., 1946. 198 p.
30. Chamberlain M. A Library Devoted to Pure Science // Special Libraries. 1934. Vol. 25. No. 2 (Feb.). P. 31–32.
31. Charles D. Salary and Tenure of Catalogers // College and Research Libraries. 1948. Vol. IX. No. 1 (Jan.). P. 54–58.
32. Cheyney E.P. History of the University of Pennsylvania, 1740–1940. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1940. 461 p.
33. Christ R.W. Acquisition Work in College Libraries // College and Research Libraries. 1949. Vol. X. No. 1. P. 17–23.
34. Clemons H. The University of Virginia Library, 1825–1950. Charlottesville, University of Virginia Press, 1954. 229 p.
35. College and University Libraries and Librarianship. Chicago, ALA, 1946. 152 p.
36. College and University Library Statistics // College and Research Libraries. 1948. Vol. IX. No. 3 (July). P. 238–250.
37. College and University Library Statistics // College and Research Libraries. 1950. Vol. XI. No. 2 (Apr.). P. 151–163.
38. Collins V.L. Princeton: Past and Present. Princeton, Princeton University Press, 1931. 200 p.
39. Columbia University in the City of New York. Report of the Librarian for the Academic Year Ending June 30, 1911. 16 p.; Ibid. Report of the Librarian for the Academic Year Ending June 30, 1912. 20 p.
40. Danton J.P. Plea for a Philosophy Librarianship // The Library Quarterly. 1934. Vol. IV. No. 4 (Oct.). P. 527–551.
41. Dawson J.W. The Library as a University Factor // Library Journal. 1914. Vol. 39. No. 1 (Jan.). P. 10–15.
42. The Development of Harvard University: Since the Inauguration of President Eliot, 1869–1929. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1930. 660 p.
43. Doherty F.X. The New England Deposit Library: History and Development // The Library Quarterly. 1948. Vol. XVIII. No. 4 (Oct.). P. 245–254.
44. Dorf A.Th. The University of Chicago Libraries // The Library Quarterly. 1934. Vol. IV. No. 2 (Apr.). P. 185–197.
45. Downs R.B. Preparation of Specialists for University Libraries // Special Libraries. 1946. Vol. 37. No. 7 (Sept.). P. 209–213.

46. Drury F.K. Publicity for College Libraries // *Library Journal*. 1920. Vol. 45. No. 11 (June). P. 487–490.
47. Drury F.K. On College and University Library Committees // *Library Journal*. 1920. Vol. 45. No. 12 (June 15). P. 551–552.
48. Dunbar R.M., Mishoff W.O. Contribution of the U.S. Office of Education in the Field of College and University Library Statistics: Present and Potential // *College and Research Libraries*. 1948. Vol. IX. No. 2 (Apr.). P. 106–111.
49. Easton T. *Contributions to American Library History*. Champaign, Illinois, The Illini Union Bookstore, 1961. 277 p.
50. Education. Section 8. Colleges // *Encyclopedia Americana*. Chicago, 1963. Vol. 9. P. 641–643.
51. Ellsworth R.E. Trends in Higher Education Affecting the College and University Library // *Library Trends*. 1952. Vol. 1. No. 1 (July). P. 8–19.
52. Esterquest R.T. Regional Library Centers, 1946–1947 // *College and Research Libraries*. 1948. Vol. IX. No. 3 (July). P. 215–220.
53. Evans J.H. Research Libraries in the War Period, 1939–1945 // *The Library Quarterly*. 1947. Vol. XVII. No. 4 (Oct.). P. 241–262.
54. The Fiske Library at the University of California (A Note) // *Special Libraries*. 1926. Vol. 17 (June). P. 248.
55. Fleming Th.R. A Continuous Bibliographic Service in University Libraries // *College and Research Libraries*. 1947. Vol. VIII. No. 3 (July). P. 322–328.
56. Gilman H. What the Scientist Expects of the Librarian // *College and Research Libraries*. 1947. Vol. III (July). P. 329–332.
57. Hand E. A cost survey in a University Library // *Library Journal*. 1930. Vol. 55. No. 17. P. 763–766.
58. Harvard Business Library (A Note) // *Special Libraries*. 1926. Vol. 17 (March). P. 166.
59. Hausedorfer W. Professional School and Departmental Libraries // *Special Libraries*. 1939. Vol. 30. No. 3 (March). P. 75–81.
60. Hirsh R. The In-service Training Program of the University of Pennsylvania Library // *College and Research Libraries*. 1949. Vol. X. No. 2 (Apr.). P. 108–112.
61. Hirsh F.E. The College Librarian as Classroom Teacher // *College and Research Libraries*. 1949. Vol. X. No. 2 (Apr.). P. 113–118.
62. Howe H.E. Traits of the Ideal and the Potential Librarian // *The Library Quarterly*. 1936. Vol. VI. No. 2 (Apr.). P. 111–123.
63. Hutz P. The Need of College and University Instruction in Use of the Library // *The Library Quarterly*. 1934. Vol. IV. No. 3 (July). P. 436–448.
64. Jackson M.H. Our Place in the Sun // *Library Journal*. 1930. Vol. 55. No. 14. P. 642–643.
65. Kaplan I. Library Cooperation in the United States // *Encyclopedia of Library and Information Science*. New York, Marcel Dekker, 1975. Vol. 15. P. 247–264.
66. King H.H. The Cornell Experiment // *Special Libraries*. 1934. Vol. 25 (Feb.). P. 33–34.
67. King H.H. Assistance to the Faculty in Library Research. Report from Cornell University // *College and Research Libraries*. 1948. Vol. IX. No. 3 (July). P. 227–230.
68. Kolitsch M. Toward a Philosophy of Librarianship // *The Library Quarterly*. 1945. Vol. 15. No. 1 (Jan.). P. 25–31.
69. Kraus J.W. The Qualifications of University Librarians, 1948 and 1933 // *College and Research Libraries*. 1950. Vol. XI. No. 1 (Jan.). P. 17–21.
70. Krettek G. Library Legislation, Federal // *Encyclopedia of Library and Information Science*. New York, Marcel Dekker, 1975. Vol. 15. P. 337–354.
71. *The Library Bulletin*. The University of Southern California, Los Angeles. April 1945. No. 1. [Без нар.].
72. Library of Harvard University. Special Publications, VI. Descriptive and Historical Notes. 4th ed. Cambridge, Harvard University Press, 1934. 186 p.
73. Lockhart Gr.E. Modern College and University Equipment // *Library Journal*. 1930. Vol. 55. No. 5. P. 204–216.
74. Lundy F.A. Faculty Rank of Professional Librarians. Part 1 // *College and Research Libraries*. 1951. Vol. XII. No. 1 (Jan.). P. 11–19; Ibid. Part 2 // *College and Research Libraries*. 1951. Vol. XII. No. 2 (Apr.). P. 109–122.

75. McAnally A.M. Organization of College and University Libraries // *Library Trends*. 1952. Vol. 1. No. 1 (July). P. 20–36.
76. McCarthy S.A. Administrative Organization and Financial Support of Land-Grant Colleges and University Libraries // *College and Research Libraries*. 1948. Vol. IX. No. 4 (Oct.). P. 327–330.
77. McCollough E.F. *Essentials in Library Administration*. 4th ed. Chicago, ALA, 1931. 72 p.
78. Mount E. *University Science and Engineering Libraries*. 2nd ed. Westport, Conn., 1985. 303 p.
79. Noe A.C. The University Library and Research // *The Library Quarterly*. 1934. Vol. IV. No. 2 (Apr.). P. 300–305.
80. Orwin R.N. *The History of College Libraries in Maine*. Worcester Mass., Clark University Library, 1946. 53 p.
81. Parsons F., Platt G.M. *The American University*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1973. 463 p.
82. Perry J.W. Chemist and Librarians // *College and Research Libraries*. 1949. Vol. X. No. 1. P. 12–16.
83. *The Princeton University Library Chronicle*. 1946. Vol. VIII. Nov. No. 1. 56 p.
84. Purdy F. The A.C.R. and the Statistic program of the Office of Education // *College and Research Libraries*. 1948. Vol. IX. No. 2 (Apr.). P. 112–115.
85. Randall W.M. *The College Library*. American Library Association, University of Chicago Press, 1932. 165 p.
86. Randall W.M. Some Principles for Library Planning // *College and Research Libraries*. 1946. Vol. VII. No. 4 (Oct.). P. 319–325.
87. Reeves F. The Relation of the College Library to Recent Movements in Higher Education // *The Library Quarterly*. 1931. Vol. 1. No. 1. P. 57–66.
88. Rider F. Library Cost Accounting // *The Library Quarterly*. 1936. Vol. 6. No. 4 (Oct.). P. 331–381.
89. Root A.S. The Future Development of College and University Libraries // *Library Journal*. 1914. Vol. 39. No. 11 (Nov.). P. 811–815.
90. Sabine G.H. The Library in the Educational Institution // *College and Research Libraries*. 1948. Vol. IX. No. 1 (Jan.). P. 3–5.
91. Seaver W.N. Outside Services of Special Libraries // *Special Libraries*. 1930. Vol. 27 (Nov.). P. 293–296.
92. Schluter W.C. On Ideal Library for Research Purposes // *Library Journal*. 1930. Vol. 55. No. 9. P. 405–407.
93. Shaw R.R. Should Scientists Use Microfilm? // *The Library Quarterly*. 1944. Vol. 14. No. 3/4. P. 229–233.
94. Sheldon H. *The University of Oregon Library (1882–1942)*. Eugene, The University of Oregon, 1942. 29 p.
95. S.L.A. Supplementary Membership List // *Special Libraries*. 1930. Vol. 21. No. 9 (Nov.). P. 293–296.
96. Smith Ch.W. Pacific Northwest Regional Cooperation-Periodical Holdings // *Library Journal*. 1930. Vol. 55. No. 17. P. 770–771.
97. Smith S.B. College and University Library Cooperation // *The Library Quarterly*. 1946. Vol. 16. No. 2 (Apr.). P. 122–139.
98. Spining F.H. California Institute of Technology Library // *Special Libraries*. 1926. Vol. 17 (June). P. 224.
99. A Survey of Libraries in the United States, conducted by the ALA. Vol. 2, Part II. *Service to Readers in College and University Libraries*. Chicago, ALA, 1925. P. 153–229.
100. Swank R.C. University of Oregon's Audio-Visual Service // *College and Research Libraries*. 1948. Vol. IX. No. 4 (Oct.). P. 299–307.
101. Swank R.C. University of Oregon Statutes and Supplementary Library Policies Relating to the Professional Library Staff // *College and Research Libraries*. 1949. Vol. X. No. 1 (Jan.). P. 39–40, 45.
102. *The Technical Services Division in Libraries: A Symposium* // *College and Research Libraries*. 1949. Vol. X. No. 1. P. 46–68.
103. Thomson S. The Historical Background of Departmental and Collegiate Libraries // *The Library Quarterly*. 1942. Vol. 12. No. 1. P. 49–74.

104. Vosper R. Resources of University Libraries // *Library Trends*. 1952. Vol. 1. No. 1 (July). P. 58–72.
105. Wilson S.R. Selecting Applicants for Library School or Training Class. An Approach to a Technology // *The Library Quarterly*. 1933. Vol. III. No. 3 (July). P. 254–266.
106. Wight Ed.A. In-service training of Professional Librarians in College and University Libraries // *College and Research Libraries*. 1949. Vol. X. No. 2 (Apr.). P. 108–112.
107. Wildes K.L. What the College or Institution Expects of its Departmental Libraries // *Special Libraries*. 1936. Vol. 27 (Feb.). P. 53–55.
108. Williams E.E. Farmington Plan // *Encyclopedia of Library and Information Science*. New York, Marcel Dekker, 1972. Vol. 8. P. 361–368.
109. Williamson C.E. The Place of Research in Library Service // *The Library Quarterly*. 1931. Vol. 1. No. 1 (Jan.). P. 1–17.
110. Wilson L.R. Aspects of Education for Librarianship in America // *The Library Quarterly*. 1932. Vol. 2. No. 1. P. 1–10.
111. Wilson L.R. The Service of Libraries in Promoting Scholarship and Research // *The Library Quarterly*. 1933. Vol. III. No. 2 (Apr.). P. 127–145.
112. Wilson S.R. *The Library of the First State University*. Chapel Hill, The University of North Carolina Library, 1960. 40 p.
113. Zwener S. National Research Council // *Encyclopedia Americana*. Chicago, 1963. Vol. 19. P. 744.

KLESHUK S. United States of America: Libraries for Science (1910–1940s)

Kleshuk Stanislav — candidate of pedagogical sciences, an independent researcher
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: ban-rio@yandex.ru

ABSTRACT

We investigated the activities of college and university libraries of the USA in 1910–1940s, i.e. their origin, place and role inside the institution, acquisition programs, reader services, the role and importance of the librarian himself.

Keywords: USA, 1910–1940s, university libraries and their role in the servicing of science, acquisition programs, reader services, place and role of the librarian, technical services.

И.А. Иванов

МЕТОДЫ ПРИМЕНЕНИЯ Paraloid B72 В РЕСТАВРАЦИИ МАТЕРИАЛОВ ПЕРЕПЛЕТА КНИГ

Иванов Иван Александрович — ведущий редактор, редакционно-издательский отдел
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: ooogarda@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Последние методические рекомендации для реставрации переплета вышли в 1987 году в Библиотеке иностранной литературы. Тогда использовались только натуральные полимеры и материалы. С 1987 года отечественная научная реставрация шагнула далеко вперед, в том числе в применении синтетических полимерных материалов в реставрации масляной и темперной живописи, стекла, керамики, графики и т.д. Данная работа вводит в практику реставрации переплетной кожи синтетический материал Paraloid B72.

Ключевые слова: Paraloid B72, реставрация переплета, реставрация книг, консолиданты, покрывные материалы.

Реставрационный материал Paraloid B72 относится к типам синтетических смол, которые производятся методом полимеризации в массе. Полимеризация протекает в массе жидкого или твердого мономера. Ее проводят в реакторах — полимеризаторах или в специальных формах. Если образующийся полимер не растворим в исходном мономере, то он образуется в виде порошка или пористых частиц, если же растворим в мономере, то образуется масса или блок полимеризованного материала. Полимеризацией в массе получают полиметилметакрилат (оргстекло), полистирол, поливинилхлорид. Жидкий полимер перемещается из реактора в реактор, степень полимеризации и вязкость расплава постепенно нарастают. В конце синтеза осуществляется грануляция.

Преимуществом полимеризации в массе является чистота и прозрачность, повышенные диэлектрические и оптические свойства материала, которые широко применяются, например, в качестве оргстекла и для электроизоляции [6, с. 92].

Paraloid B72 продается в виде прозрачных гранул, являющихся результатом полимеризации в массе. Растворение гранул в этаноле [3, с. 97] позволяет получить прозрачный раствор, который легко точно нанести на материал в границах утрат или сильного износа.

Paraloid B72 можно использовать и как консолидант (2–5% раствор), и как адгезив (5–10% раствор), и как покрывной материал (10–15% раствор) [3, с. 99]. В реставрации переплета Paraloid B72 использовался как консолидант и покрывной материал. Адгезивом служил синтетической полимер Lascoux Acrykleber 498 или натуральные полимеры.

Paraloid B72 как консолидант

Применение Paraloid B72 как консолиданта активно происходит при укреплении сухой древесины в реставрации живописи [13, с. 192]. Повышенная сухость древесины и непрочность ее волокон (труха) в проблеме реставрации схожи с повреждениями пересушенных покрывных материалов на переплетах книг XIX и XX века. И в случае с пересохшей древесиной и в случае с пересохшим и изношенным покрывным материалом на переплете применение натуральных консолидантов и адгезивов на основе растворителя-воды приведет к деформации оригинального материала (набухание) и его разрушению (уменьшение в объеме из-за высыхания материала). Поэтому применение синтетического полимера Paraloid B72 на безводной основе (спирт или ароматические углеводороды) для укрепления деструктированных и пористых материалов является лучшим методом для консервации предмета.

Покрывным материалом для книг XX века служили преимущественно бумаги (переплет 7БЦ), ткани, полиграфические ткани (коленкор), заменители кожи (ледерин с тиснением, бумвинил с тиснением).

Наибольшую проблему в укреплении представляют покрывные материалы — заменители кожи. Они состоят из тканевой (ледерин) или бумажной (бумвинил) основы, на которую нанесен полимер с тиснением под кожу и с защитной пленкой. В результате старения покрывные материалы расслаиваются: от тканевой основы ледерина или от бумажной основы бумвинила отделяется слой полимера с покрытием, после чего отделившийся слой отрывается и утрачивается. Использование натурального полимера на основе воды еще сильнее разрушает основу (ткань или бумагу), ускоряя отделение полимера с защитным покрытием от основы и в других местах.

Дополнительной проблемой является чистка таких переплетов от загрязнений — использование мыльного раствора также из-за наличия воды разрушит основу покрывного материала, а механическая чистка тампоном усилит это разрушение.

Таким образом, укрепление покрывного материала (ледерин, бумвинил) на переплетах XX века должно решать две задачи:

1) укрепление покрывного материала для предотвращения отслаивания полимерного слоя от основы,

2) укрепление покрывного материала для снижения гидрофильных свойств, в результате чего все слои покрывного материала начинают намного меньше впитывать влагу и возможна чистка от загрязнений с помощью тампона и мыльного раствора.

Использование раствора Paraloid B72 в этаноле как консолиданта решает обе эти задачи. Для консервации-реставрации покрывного материала с помощью Paraloid B72 было выбрано издание «Ад» Данте Алигьери 1940 года издания. Подробное описание этапов работы выполнено в статье «Консервация ледеринового переплета методом укрепления синтетическим латексом Paraloid B72» [11]. Здесь же остановимся только на методике работы.

Переплет издания Данте Алигьери 1940 года имел покрывной материал из ледерина типа А:

- основа — ткань миткаль со слоем крахмального грунта;
- покрытие с тиснением, имитирующим натуральную кожу: наполнитель (нитроцеллюлоза), пигмент, пластификатор.

Для укрепления покрывного материала издания «Ад» был выбран 15% раствор Paraloid B72 в этиловом спирте. 15% раствор Paraloid B72 достаточно жидкий, чтобы проникать в поры материалов, но достаточно густой, чтобы после пары пропиток образовывать тонкую полимерную пленку для защиты материала. Для укрепления материала хватает 1–2 пропиток (в зависимости от его износа). Содержание этилового спирта (85%) в растворе позволяет полимеру быстро высохнуть за счет скорости испарения этанола.

Метод применения Paraloid B72 как консолиданта

Укрепление покрывного материала (ледерин) происходило в 2 этапа.

Первый этап — прохождение влажным тампоном (спирт и вода в соотношении 1:1) по всем кромкам, где есть осыпание покрывного материала, и далее — по всей площади покрывного материала. Это делается для обезжиривания поверхности материала и легкого удаления загрязнений с целью обеспечения лучшей проникающей способности Paraloid B72 внутрь покрывного материала.

Второй этап — нанесение 15% раствора Paraloid B72 с помощью ватного тампона на поверхность покрывного материала, а затем и на участки, утратившие покрывной материал — там, где осталась только миткаль. Поскольку нанесение полимера производится ватным тампоном, оно выполняется небольшими площадями, примерно 2 × 2 см на 1 тампон. Покрытие составом небольших участков — следствие времени высыхания тампона. Обычно времени хватает на нанесение на небольшой участок. После того, как вата на тампоне высохла, берут новый тампон с ватой. Старый тампон утилизируют, так как высохший Paraloid B72 образует полимерную пленку, из-за которой ватный тампон уже не будет так хорошо впитывать состав для нового нанесения.

Окончательная полимеризация Paraloid B72 происходит в течение суток. Поэтому первый слой укрепления наносится в один день, а второй слой укрепления — на следующий день.

Paraloid B72 как покрывной материал

Практика применения Paraloid B72 как покрывного материала приходится на книги XIX — начала XX века. В это время для переплета используются массово тонковыделанные кожи — обычно это овчина или теленок. Тонкий слой дермы и подкожной клетчатки (мездра) на местах сгибов (расстав) и активно подвижных (корешок) имеют больший износ. И первым на этих местах стирается слой дермы, обнажая слой мездры.

Разрушение кожи на переплете книг усиливает процесс хромового дубления кожи, введенный в практику со второй половины XIX века. Хромовое дубление — это пропитка кожи (в первую очередь дермы) солями хрома. Поскольку пропитка солей хрома активно идет со стороны дермы (ее надо умягчить в первую очередь), то со временем кожа с хромовым дублением на переплете разрушается в первую очередь

также со стороны дермы — происходит отслоение слоя дермы от слоя мездры.

Даже если после отслоения слоя дермы от слоя мездры переплет не разрушается, книга теряет свою эстетическую составляющую, так как обнажается цвет дермы.

Возвращение цельного эстетического вида переплета с утраченным слоем дермы возможно в два этапа: 1) укрепление слоя мездры, 2) тонировка слоя мездры с помощью акварели.

Укрепление слоя мездры также возможно с использованием Paraloid B72 по тем же причинам, описанным и в укреплении тканевой основы переплетов XX века.

Применение Paraloid B72 как покрывного материала необходимо в двух случаях:

1) перед нанесением тонировок акварелью на авторский (потертости) или новый материал (доставки). За счет покрывной пленки Paraloid B72 акварель, лежащая поверх покрывной пленки, легко удаляется водой. Таким образом соблюдается принцип обратимости тонировок.

2) для закрепления тонировок акварелью от механического износа и воздействия влаги.

В результате этих двух этапов переплету книги возвращается экспозиционный вид.

Метод применения Paraloid B72 как покрывного материала

Использование Paraloid B72 как покрывного материала происходит в 3 этапа.

Первый этап — нанесение на мездровый слой кожи (дерма утрачена) 10% состава Paraloid B72 в этаноле. Этиловый спирт быстро испаряется, покрытый фрагмент высыхает за несколько минут. Нанесение состава на мездру необходимо, чтобы изолировать кожу от акварельных красок на втором этапе работы. Положенные на пленку из Paraloid B72 акварельные краски становятся обратимыми. Их можно удалить с пленки в любое время как водой (Paraloid B72 гидрофобный), так и другими растворителями, кроме спиртов и ароматических углеводородов (которые растворяют Paraloid B72).

Нанесение на мездровый слой 10% состава Paraloid B72 в этаноле выполняется как ватным тампоном (для дермы площадью от 1 см²), так и тонкой кистью колонок № 1–2 (для утрат дермы площадью до 1 см²).

После каждого нанесения состава на мездру кожи необходимо или менять ватный тампон или промывать кисть в растворителе.

Второй этап — тонировки поверх пленки Paraloid B72 акварелью. Так как акварель разводится на основе воды и не может закрепиться на гидрофобной пленке Paraloid B72, то есть два способа нанесения акварели.

Первый способ — на первых слоях тонировок акварель смешивается с желчью медицинской консервированной. Состав желчи:

1) активное вещество: желчь крупного рогатого скота и свиней консервированная или замороженная — 900 мл.

2) вспомогательные вещества: спирт этиловый ректифицированный — 100 мл, формалин — 1 мл, раствор фурацилина в 70% спирте — 10 мл, отдушка — 2 мл.

Акварель перемешивается с желчью медицинской. Входящая в состав желчь и этиловый спирт размлаживают пленку Paraloid B72 и акварель закрепляется на полимерной пленке. Закрепление акварели на пленке полимера с помощью желчи делается в первый, максимум первый и второй слой. Для следующих слоев используется акварель уже без желчи медицинской. В противном случае слои акварели с желчью медицинской будут растворять нижележащие слои и тонировка будет сходиться с полимерной пленки Paraloid B72.

Второй способ — на первом слое тонировок акварель смешивается с гуммиарабиком. Гуммиарабик скрепляет акварель с Paraloid B72. Остальные слои наносятся акварелью без гуммиарабика.

Третий этап — нанесение на тонировки акварелью 10% состава Paraloid B72 в этаноле. Состав водонепроницаемый и защищает тонировки от влаги. При этом надо учитывать, что матовые цвета акварели после пленки Paraloid B72 приобретают глянцевый блеск.

Три этапа можно проводить в течение одного рабочего дня. Полное высыхание поверхностной пленки Paraloid B72 происходит в течение суток. После полного высыхания необходимо проверить блеск финишной пленки — местами пленка может стать матовой. В этом случае, если нужен равномерный глянцевый блеск пленки по всей поверхности тонировок, тонкой кистью (колонок 1–2 размера) точечно нанести 10% состав Paraloid B72 в этаноле на матовые места и блеск глянцевой пленки выровняется.

Описанная методика опирается на опыт реставрации живописи. Например, реставраторы США для тонировок смешивают акварель с Paraloid B72 [1, с. 151]. Добавление желчи медицинской для тонировок акварелью по лаку используется в учебной реставрационной мастерской СПбГИК на факультете реставрации. А нанесение лаковой прослойки между реставрационным грунтом и новым живописным слоем — практика Государственного Эрмитажа, описанная А.Б. Алешиним [1, с. 155].

Список источников

1. Алешин А.Б. Реставрация станковой масляной живописи: учебное пособие. Москва: Художественная школа, 2013. 224 с.: ил.
2. Бобров Ю.Г., Бобров Ф.Ю. Консервация и реставрация станковой темперной живописи. Москва: Художественно-педагогическое издательство, 2008. 128 с., илл.
3. Борисова Н.Л. К вопросу реставрации фрагментов стенописей: новая методика, ее технические и эстетические особенности // Terra artis. Искусство и дизайн № 1. Санкт-Петербург, 2021. С. 96–103.
4. Иванов И.А. Консервация ледеринового переплета методом укрепления синтетическим латексом Paraloid B72 // Наука и библиотека: сборник научных статей. Санкт-Петербург: БАН, 2022. № 4. С. 164–168.
5. Консервация и реставрация книг: методические рекомендации / сост. В.И. Стеблевский, Н.К. Николаева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Библиотека иностранной литературы, Полимедиа, 2021. 264 с.: ил.
6. Прокопчук Н.Р., Шутова А.Л., Казаков П.П. Химия и физика пленкообразующих веществ: учебное пособие для студентов специальности «Химическая технология органических веществ, материалов и изделий». Минск: Белорусский государственный технологический университет, 2014. 365 с.
7. Реставрация икон: методические рекомендации / под ред. и с ил. М.В. Наумовой. Москва: Издательство ВХНРЦ им. Академика И.Э. Грабаря, 1993. VII, 226 с., ил.: табл.

8. Реставрация и консервация книг: методические рекомендации. Москва: Всесоюзная государственная ордена Красного Знамени библиотека иностранной литературы, 1987. 212 с.: ил.

9. Реставрация произведений графики: методические рекомендации / Л.Ф. Безбородова [и др.]. Москва: Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. И.Э. Грабаря, 1995. 183 с.: ил.

10. Клокова Г.С., Демина О.В., Еремина И.М. Реставрация произведений станковой темперной живописи: учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд., доп. и переработанное. Москва: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2018. 224 с.

11. Федосеева Т.С. Лекция 6. Синтетические реставрационные материалы. Химическое строение, свойства и области применения // Материалы для реставрации живописи и предметов декоративно-прикладного искусства. Москва: ГосНИИР, 1999. URL: <http://restoration.rusmuseum.ru/rest-frame-metodika--04.htm> (дата обращения 11.02.2023).

12. Федосеева Т.С. Реставрационные и живописные материалы: терминологический словарь-справочник. 2-е изд., стереотип. Москва: Р. Валент, 2013. 36 с.

13. Якубовская К.Г., Лисицын П.Г. Укрепление деревянной основы древнерусской живописи с помощью акриловой смолы Paraloid B72 // Коллоквиум молодых реставраторов RESCON-2019: материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции. Казань, 2019. С. 191–194.

IVANOV I. Methods of application of Paraloid B72 in the restoration of book binding materials

Ivanov Ivan — Managing Editor, Editorial and Publishing Department

Russian Academy of Sciences Library, Saint Petersburg, Russia, e-mail: ooogarda@yandex.ru

ABSTRACT

The latest guidelines for the restoration of the binding were published in 1987 in the Library for Foreign Literature. At that time natural polymers and materials were used. However, since 1987, Russian scientific restoration has made great strides, including in the use of synthetic polymer materials in the restoration of oil and tempera paintings, glass, ceramics, graphics, etc. This work introduces the synthetic material Paraloid B72 into the practice of restoration of leather bindings.

Keywords: Paraloid B72, binding restoration, book restoration, consolidants, covering materials.

Н.С. Андреева

**«...ДОЛЖНОСТЬ БИБЛИОТЕКАРЯ
СОПРЯЖЕНА С НЕМАЛЫМИ ТРУДАМИ...»:
документы к биографии академика А.А. Шифнера**

Андреева Наталия Сергеевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: iskjul@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Впервые публикуются архивные документы, относящиеся к биографии академика А.А. Шифнера. Это прошение президента Императорской академии наук Д.Н. Блудова 14.12.1862 г. об утверждении Шифнера в должности библиотекаря 2-го отделения Библиотеки академии наук и копия всеподданейшего доклада министра народного просвещения А.В. Головнина 3.01.1863 г. Александру II «О производстве Академику Шифнеру добавочного жалованья за должность Библиотекаря». Публикацию сопровождают вступительная статья и научный комментарий.

Ключевые слова: Академия наук, Блудов Дмитрий Николаевич, Бэр Карл Максимович, Головнин Александр Васильевич, Шифнер Антон Антонович, Библиотека академии наук.

Публикуемые ниже документы — прошение президента Императорской академии наук Д.Н. Блудова 14.12.1862 г., адресованное министру народного просвещения А.В. Головнину, об утверждении академика А.А. Шифнера в должности библиотекаря 2-го отделения Библиотеки академии наук и копия всеподданейшего доклада Головнина 3.01.1863 г. Александру II «О производстве Академику Шифнеру добавочного жалованья за должность Библиотекаря» — ранее не привлекали к себе внимания исследователей. Они были обнаружены мною в ходе научно-исследовательской работы в Российском государственном историческом архиве и публикуются впервые.

В то же время эти документы представляют особый интерес для исследования и уточнения научных биографий академиков К.М. Бэра и А.А. Шифнера, и, в частности, их деятельности, связанной с Библиотекой академии наук. Например, они позволяют установить должность, с которой Шифнер начал свою службу в этой Библиотеке, и дату его вступления в нее. Так, с октября 1848 г. он исполнял при ней должность сверхштатного хранителя [3, л. 1]. В то время как в издании «Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук» эта информация отсутствует [1, с. 844].

Публикуемые документы также расширяют представление о том, как осуществлялось финансирование штатных должностей в Библиотеке академии наук. В частности, они свидетельствуют, что размер штатного оклада не всегда был достаточным, а порядок получения доплаты к нему в некоторых случаях весьма забюрократизированным. Так, и Д.Н. Блудов в своем прошении 14.12.1862 г., и А.В. Головнин во всеподданейшем докладе 3.01.1863 г. признавали, что должность библиотекаря 2-го от-

деления Академической библиотеки была малооплачиваемой, и в качестве компенсации ему также выплачивалось «добавочное содержание» из «экономической суммы», которая складывалась из сверхштатных сумм Академии наук [3, л. 1 об., 3 об.].

Однако на выплату библиотекарю этой прибавки к жалованью требовалось высочайшее «соизволение», поскольку, как можно предположить, соответствующая статья расходов в уставе Академии наук 1836 г. отсутствовала [4, с. 20–21, § 111]. Обращает на себя внимание и то, что получение санкции царя на эту выплату сопровождалось бюрократическими издержками. По установленному порядку, президент Академии наук должен был войти с соответствующим ходатайством к министру народного просвещения, который в свою очередь испрашивал у царя высочайшее «соизволение» на выплату прибавки к жалованью библиотекарю из «экономической суммы» Академии. Как свидетельствуют публикуемые документы, такой порядок уже существовал при предшественниках Шифнера в должности библиотекаря 2-го отделения — при академиках А.М. Шёгрене и Бэре [3, л. 3]. С высочайшего «соизволения» они пользовались в этой должности доплатой к штатному окладу в размере 171 руб. 43 коп., в то время как Блудов 14.12.1862 г. ходатайствовал перед Головниным о повышении для Шифнера этой доплаты до 285 руб. 71 коп. [3, л. 1 об., 2]

При этом президент Академии наук мотивировал свое ходатайство тем, что «должность библиотекаря сопряжена с немалыми трудами и значительною ответственностью», в то время как «положенное по оной, в штате Академии добавочное жалование <...> весьма незначительно» [3, л. 1 об.]. Головнин со своей стороны в докладе Александру II 3.01.1863 г. полностью разделял мнение Блудова «о крайней ограниченности штатного жалованья Библиотекаря, требующаго ныне усиления добавочнаго содержания» [3, л. 3 об.].

Все это в очередной раз свидетельствовало о том, что к 1860-м годам устав и штат Академии наук безнадежно устарели и требовали серьезных изменений. Это, среди прочего, отмечал в воспоминаниях и сам Головнин. По его словам, за тридцать лет, прошедших со времени издания этого устава, изменились как законодательство, так и «общественные условия», которые определяли «круг деятельности академии». Наряду с этим «размеры денежных средств <...> предоставленных академии» стали «недостаточными» для того, чтобы обеспечивать ее успешную деятельность [2, с. 238]. Однако предпринятые в 1857 г. и в 1864 г. попытки разработать и ввести новые устав и штат Академии наук оказались безрезультатными.

По своему содержанию публикуемые документы заслуживают особого внимания, поскольку, среди прочего, содержат сведения о финансировании должности библиотекаря 2-го отделения Библиотеки академии наук, и, в частности, данные о должностных окладах Шифнера и его предшественников — Бэра и Шёгрена, характеристику Шифнера как библиотекаря, а также информацию о ряде других вопросов, и в целом дополняют имеющиеся представления по истории Библиотеки академии наук 1860-х гг. существенными подробностями.

Документы публикуются целиком, без каких-либо изъятий, в орфографии подлинника. Имеющиеся в тексте сокращения раскрываются в квадратных скобках.

№ 1

**Прошение президента Академии наук Д.Н. Блудова
об утверждении академика А.А. Шифнера в должности
библиотекаря 2-го отделения Библиотеки академии наук
и о прибавке ему жалованья 14.12.1862 г.**

Милостивый Государь, Александр Васильевич¹.

По увольнении Академика Бэра², Высочайшим приказом 25-го Октября 1862 г. от службы по Академии Наук, сделалось вакантным место библиотекаря 2-го Отделения Библиотеки Академии, которое Г[осподин] Бэр занимал с 1-го Июля 1835 года.

В следствие сего, на основании § 103 Высочайше утвержденного 8 Января 1836 года Устава Академии, и согласно представлению Конференции, я назначил на его место, библиотекарем 2-го Отделения Библиотеки, Академика Статского Советника Шифнера³, который уже с Октября 1848 г. состоит при той Библиотеке сверхштатным хранителем, и при своей опытности в библиотечном деле, соединяет обширныя библиографическия познания с неутомимою деятельностью и трудолюбием.

Как должность библиотекаря сопряжена с немалыми трудами и значительною ответственностью, а между тем положенное по оной, в штате Академии добавочное жалование 285 руб[лей] 71 коп[ейка] в год весьма незначительно, то с давних времен библиотекари означеннаго отделения Библиотеки пользовались, кроме штатнаго оклада по 285 р[ублей] 71 к[опейке], еще добавочным из экономической суммы Академии содержанием по 171 р[ублю] 43 коп[ейки]. А именно таковую прибавку получал прежде сего Академик Шегрен⁴, а по Высочайше утвержденному 27 Августа 1835 года положению Комитета Г[оспод] Министров и Академик Бэр.

¹ Головин Александр Васильевич (1821–1886), российский государственный деятель, секретарь Особой канцелярии министра внутренних дел (1843–1848), министр народного просвещения (1862–1866), осуществил реформу высшего, среднего и начального образования (1863–1864). Почетный член Императорской академии наук (1861).

² Бэр (Ваер) Карл (Карл Эрнст) Максимович фон (1792–1876), биолог, естествоиспытатель, один из основателей физической антропологии. Окончил Рыцарскую и Домскую школу в Ревеле (1807–1810), изучал медицину в Дерптском университете (1810–1814), доктор медицины (1814). Обучался в Венском, Вюрцбургском и Берлинском университетах (1814–1817), работал в Кенигсбергском университете (1817–1834), его ординарный профессор зоологии (1819–1822), ординарный профессор естественной истории и зоологии (1822–1834), с 1821 г. директор Зоологического музея. Член-корреспондент (1826), ординарный академик Императорской академии наук (1828–1830, 1834–1862), с 1829 г. директор ее Зоологического музея, библиотекарь 2-го отделения Библиотеки академии наук (1835–1862). Профессор сравнительной анатомии и физиологии Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге (1841–1852), один из основателей Русского географического общества (1845) и Русского энтомологического общества (1859), председатель последнего (1860), почетный член Академии наук (1862).

³ Шифнер (Schiefner) Антон (Франц Антон) Антонович (1817–1879), востоковед-тибетолог, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1840), изучал филологию в Берлинском университете (1840–1842), адъюнкт (1852), экстраординарный академик Императорской академии наук (1854), директор Этнографического музея Академии наук (1856–1878). Сверхштатный хранитель (1848), библиотекарь 2-го отделения Библиотеки академии наук (1862), его директор (1863–1879).

⁴ Шегрен Андрей (Андреас Иоганн) Михайлович (1794–1855), российский языковед, историк, этнограф. Окончил Абооский университет (1819), член-корреспондент Императорской академии наук (1827), экстраординарный академик по русской истории и древностям (1831). Библиотекарь 2-го отделения Библиотеки академии наук (1833–1835), ординарный академик (1844). Специализировался на изучении финно-угорских языков народов Российской империи, а также осетинского и грузинского языков, создатель осетинской кириллической азбуки.

Посему имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою об утверждении Академика Шифнера библиотекарем 2-го Отделения Библиотеки Академии, с производством ему по сей должности как штатного оклада по 285 р[ублей] 71 коп[ейке], так и добавочного из экономической суммы Академии по столько же, всего же по 571 руб[лю] 42 коп[ейки] в год.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Граф Блудов⁵

Пометы: л. 1 в левом верхнем углу чернилами: «№ 13213.», под ним: «2066.», на левом поле у последнего абзаца: «В Д[оклад]», ниже карандашом: «Можно разрешить всеподданнейшим докладом. Дол[ожить] мне с делом Перовошикова⁶ о прибавке жалованья», в левом нижнем углу: «Его Превосход[ительст]ву А.В. Головнину, в правом верхнем углу: «18 Декабря», в правом нижнем углу: «5 Января Графу Блудову».

Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 13. Д. 272. Л. 1–2. Писарская рукопись на бланке: «М[инистерство] Н[ародного] П[росвещения] Императорская С[анкт] Петербургская Академия Наук. от Президента. № 125. Санктпетербург. 14 Декабря 1862 года». Подпись — автограф.

№ 2

Копия всеподданнейшего доклада А.В. Головнина Александру II «О производстве Академику Шифнеру добавочного жалованья за должность Библиотекаря» 3.01.1863 г.

По увольнении Академика Императорской Академии Наук Бэра от службы при Академии, место Библиотекаря 2-го Отделения библиотеки Академии сделалось вакантным.

Вследствие сего и на основании § 103 Устава Академии, Высочайше утвержденнаго 8 Января 1836 г., Президент Академии, согласно представлению Конференции, назначив Библиотекарем 2-го Отделения библиотеки, Академика Статскаго Советника Шифнера, ходатайствует о производстве ему, кроме штатнаго по сей должности жалованья по 285 р[ублей] 71 к[опейке], еще по столько же добавочнаго, из экономической суммы Академии, по примеру тому, как такую прибавку, в количестве 171 р[убль] 43 коп[ейки] пользовались уже с Высочайшаго соизволения Академики Бэр и Шегрен. Руководствуясь бывшими примерами и соглашаясь вполне с мнением Президента о крайней ограниченности штатнаго жалованья Библиотекаря, требующаго ныне усиления добавочнаго содержания, — я считаю долгом на прибавку жалованья Академику

⁵ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), граф (1842), российский государственный деятель, дипломат, литератор. С 1802 г. в Коллегии иностранных дел, советник (1812), поверенный в делах российской миссии в Стокгольме (1813–1814), советник, затем поверенный в делах российского посольства в Лондоне (1817–1820), товарищ министра народного просвещения (1826), главноуправляющий духовными делами иностранных вероисповеданий (1828), министр внутренних дел (1832–1839), главноуправляющий II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1839–1861). Президент Императорской академии наук (1855–1864), председатель Государственного совета и Комитета министров (1862–1864).

⁶ Перовошиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880), российский астроном, математик и педагог. Окончил Казанский университет (1805–1808), учитель физики и математики в Симбирской гимназии (1809–1816), с 1818 г. преподаватель Московского университета, ординарный профессор астрономии (1826), проректор (1842–1844), затем ректор Московского университета (1848–1851), член-корреспондент (1832), адъюнкт (1852), экстраординарный академик Императорской академии наук (1855).

Шифнеру за должность Библиотекаря из экономической суммы Академии, в количестве 285 руб[лей] 71 коп[ейки] сер[ебром] в год, всеподданнейше испрашивать Высочайшее Вашего Императорского Величества соизволение.

Пометы: л. 3 на свободном левом поле приводится содержание документа: «О производстве Академику Шифнеру добавочного жалованья за должность Библиотекаря», в правом верхнем углу: «Копия», на свободном нижнем поле: «Подписную получил Прав[итель] Канц[елярии] Ошеметков 7 Янв[аря] 1863», л. 3 об. на левом поле у последнего абзаца: «На подлинном рукою Г[осподина] Министра Народного Просвещения написано: Высочайше разрешено Статс Секретарь Головнин. 3 Января 1863 г.», ниже: «Верно Вице-Директор Петерс⁷», на свободном нижнем поле: «Читал Начальник Отделения (далее следует неразборчивая подпись)».

Там же. Л. 3–3 об.

Список источников

1. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург: Гуманистика, 2014. Кн. 2. 568 с.
2. Головнин А.В. Записки для немногих. Санкт-Петербург, 2004. 577 с.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 13. Д. 272.
4. Устав Императорской Санктпетербургской Академии наук // Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Императорской Академии наук и подведомственных ей ученых учреждений. Санкт-Петербург, 1889. IX, 110 с.

ANDREEVA N. "...the librarian position is associated with considerable work...": documents to the biography of academician A.A. Schiefner

Andreeva Nataliya — Doctor of Historical Sciences, senior researcher of the Research Department of bibliography and library science
Russian Academy of sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: iskjul@gmail.com

ABSTRACT

The archival documents, concerned to the biography of academician A.A. Schiefner are published for the first time. There are the petition of president of the Imperial Academy of sciences D.N. Bludov 14.12.1862 for Schiefner's confirmation in the position of librarian of the 2nd department of Russian Academy of sciences library and the copy of the most comprehensive report of the Minister of Public Education A.V. Golovnin 3.01.1863 to the Alexander II "About payment to the academician Schiefner additional salary for the position librarian". The publication is accompanied by introductory article and scientific commentary.

Keywords: Academy of sciences, Bludov Dmitrij Nikolaevich, Baer Karl Maksimovich, Golovnin Aleksandr Vasil'evich, Schiefner Anton Antonovich, Russian Academy of sciences library.

⁷ Петерс Карл (Карл Александр) Карлович (1824–1895), правовед, сенатор. Окончил Императорское училище правоведения (1845), начальник отделения Департамента Министерства юстиции (1857), вице-директор (1862), директор Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения (1864), сенатор Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената (1868–1870), сенатор, входивший в состав Особого присутствия для суждения дел о государственных преступлениях (1877).

УДК 021
ББК 78.30г(2)

М.П. Лепехин

О Н.Н. ГРИБАНОВСКОМ, К.И. ШАФРАНОВСКОМ И О РОЛИ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР В СОЗДАНИИ «БИБЛИОГРАФИИ ЯКУТИИ»

Лепехин Михаил Пантелеевич — старший научный сотрудник, научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mpl2612@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Рассматривается 30-летняя история создания «Библиографии Якутии» Н.Н. Грибановского применительно к его сотрудничеству с Библиотекой Академии наук, а также роль К.И. Шафрановского в спасении и издании данного труда.

Ключевые слова: Грибановский Николай Николаевич, Шафрановский Константин Илларионович, «Библиография Якутии», Библиотека Академии наук, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия).

Общепринятым считается мнение, что якутская библиография своим рождением обязана Николаю Николаевичу Грибановскому, а интерес к ней впервые проявился у него в 1909 г.

Данное утверждение нуждается в уточнении.

На самом деле рождение библиографии Якутии произошло двумя десятилетиями ранее, а именно в начале 1890-х гг.

Независимо друг от друга свет увидели два труда весьма различного объема, как то: «Сибирская библиография» Василия Измайловича Межова (3 тома. СПб., 1891–1893) и «Материалы для библиографии Якутской области» Василия Львовича Приклонского (Иркутск, 1893). Что касается Николая Николаевича Грибановского, то ему принадлежит заслуга создания библиографии Якутии не только как максимального по полноте свода записей, но и самостоятельной научной дисциплины (в рамках общего направления региональной библиографии), поднявшей данное направление на высший уровень.

Казалось бы, что можно сказать о Грибановском после замечательной книги Валентины Николаевны Павловой [1]? Книга эта достаточно известна, посему не буду ее пересказывать и постараюсь рассказать о Библиотеке Академии наук СССР, ибо с ней Грибановский был тесно связан последние полтора десятилетия жизни.

Перед рассказом об отношениях Грибановского и БАН все же будет нелишним напомнить те вехи его биографии, которые будут важны для дальнейшего повествования.

Согласно собственному его свидетельству, интерес к библиографии Якутии возник у Грибановского в 1904 г., когда 24-летний чиновник получил себе в заведование библиотеку Якутского областного управления и стал комплектовать ее теми материалами, которые относились к жиз-

ни Якутии во всем ее многообразии (т.е. поначалу интерес к библиографии был чисто практическим).

Изучение материалов не лучшим образом отразилось на служебной карьере Грибановского: он был уволен по подозрению в политической неблагонадежности. Поводом (без указания о том в формуляре) послужило обнаружение в архиве управления дела о надзоре за сосланным в Вилюйск государственным преступником Николаем Чернышевским с 1879 по 1886 г. Вместе со ссыльным С.В. Пржиборовским под псевдонимом NN соавторы опубликовали обстоятельное изложение дела. Публикация увидела свет в журнале «Минувшие годы», издававшемся в 1908 г. В.Л. Бурцевым взамен уже закрытого властями скандального «Былого» [2]. Журнал выходил сорокатысячным тиражом и публикация сенсационного материала обратила на себя внимание властей не только в столице, но и в Якутске. 16 апреля 1909 г. Грибановский был уволен с государственной службы. В изгнании не было сведения личных счетов или преследования по политическим мотивам: никакому начальству не понравится, когда подчиненный по личному усмотрению станет публиковать в оппозиционной прессе доверенные ему конфиденциальные материалы.

Раскрытию темы «Чернышевский в Вилюйской ссылке» Грибановский и в дальнейшем уделял особое внимание. Так, с издания одноименного указателя, которое было осуществлено в 1947 г. научным сотрудником Якутской республиканской библиотеки Алексеем Николаевичем Бученковым, видным историографом краеведческой библиографии, началось воскрешение доброго имени библиографа Грибановского в послевоенное время [3].

Что же касается времени дореволюционного, то в июле 1911 г. коллежский секретарь Грибановский был принят в штат Якутского окружного суда, где, пребывая с 1915 г. в должности секретаря прокурора, он проработал до февраля 1918 г., когда был смещен с должности в результате установления советской власти. В суде он, также как в Якутском областном управлении, возглавил библиотеку служащих — одним из ее устроителей некогда был «якутский Даль», великий лексикограф Эдуард Карлович Пекарский, а Грибановский продолжил труды по ее совершенствованию.

Почти одновременно, с 1913 по 1917 г. Грибановский занимал почетную должность правителя дел Якутского отделения Императорского Русского географического общества, где стал не только создателем научной библиотеки, но и получил возможность начать работу по каталогизации литературы о Якутском крае — эта работа позднее переросла в систематический труд по составлению «Библиографии Якутии». Сам Грибановский (в автобиографии 1939 г.) относил начало систематических занятий библиографией к 1911 г. [1; с. 100], однако ранее он соотнес это с 1909 г. [1; с. 90].

Следует особо подчеркнуть то, что Грибановский познаниями был обязан прежде всего самому себе. Не получив законченного гимназического образования, в библиографическую науку он пришел самоучкой. На первых порах им руководил консерватор Якутского областного музея ссыльный эсер (начинавший еще как участник нечаевской «Народной

расправы»), один из видных деятелей сибирского краеведения Алексей Кириллович Кузнецов, однако вскоре Грибановский уже осуществлял разыскания самостоятельно, по им же самим составленному плану, без чьей-либо помощи и советов. (По характеру он был весьма замкнутым человеком, очень памятным на доброе отношение).

Подобная самодеятельность имела особенности. В отличие от своих коллег из Санкт-Петербурга и Москвы, а позднее — и Томска, Грибановский не поставил себе задачей продолжение «Сибирской библиографии» В.И. Межова, а всецело сосредоточился на росписи всего имевшего отношение к Якутии, однако ввиду обстоятельств жизни не имея возможности учесть с достаточной степенью полноты весь материал. Описание *de visu* также далеко не всегда было возможно Грибановскому; аннотации отличались в качественном отношении. Тем не менее — начало систематическому труду было положено уже к началу 1910-х гг. К этому времени Грибановский уже стал отцом семейства и занял достойное место в интеллектуальном социуме Якутской губернии.

Родившийся в 1888 г. в Шадринске современник и почитатель Грибановского, создатель курса истории русской библиографии как научной дисциплины, Николай Васильевич Здобнов усматривал главное достоинство трудов Грибановского и его сверстника Вячеслава Петровича Косованова, создателя «Библиографии Приенисейского края», в том, что оба смогли составить свои труды самостоятельно, без оглядки на авторитеты и без чьей-либо помощи, но результат оказался много лучшим, чем в большинстве случаев коллективного творчества.

С 1911 по 1919 гг. для Грибановского работа по составлению «Библиографии Якутии» была одним из главных направлений деятельности, наряду со службой в суде и общественной работой: он хоть и не входил в какую-либо революционную партию, тяготел к областникам и эсерам, как большинство интеллигентов Сибири. Библиография и комплектование библиотеки ЯО ИРГО дополняли друг друга. Самым значимым делом Грибановского было создание первой в Якутске научной библиотеки с отделом сибиреведения, где была бы с максимальной полнотой собрана вся литература по родной Якутской области. Одним из основных направлений деятельности библиотеки Грибановский считал создание в ней справочного аппарата по краеведческой библиографии. С этой целью он просматривал имевшиеся в библиотеке справочные издания и выписывал новые.

Если с 1913 г. работа по составлению «Библиографии Якутии» стала принимать упорядоченный характер, то после окончательного установления советской власти в Якутске 15 декабря 1919 г. этот труд для Грибановского стал главным делом жизни. Оба прихода к власти большевиков прошли для Грибановского почти безболезненно: он дважды отделялся месячным заключением. (В условиях красного террора, развернутого большевиками в Якутске, это сродни чуду). В 1920 г. 40-летний Грибановский разочаровался в политической деятельности, приняв решение всецело посвятить себя составлению «Библиографии Якутии». В том же году в Томске 32-летний эсер Здобнов, бывший депутат Учредительного собрания, волевым решением порвал с бурным политическим прошлым — с тем, чтобы начать работать над «Историей русской библиографии».

Из Якутска переместимся в Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград. Излишне напоминать, чем был град Петров в 1920-е годы для исследования Якутии — достаточно сказать об издании словаря Э.К. Пеккарского (СПб.; Л.: 1907–1930), создании якутской азбуки С.А. Новгородовым и деятельности Якутской комиссии АН СССР. Подготовленный ею под руководством П.В. Виттенбурга монументальный том «Якутия» (1927) стал недостижимым образцом для последующих изданий подобного рода.

Весьма быстрое и неожиданное сближение Якутии с Академией наук явилось следствием личной инициативы председателя СНК ЯАССР Максима Кировича Аммосова, созидателя новой якутской государственности. Будучи на 18 лет младше Грибановского, он относился с должным уважением к его трудам и к нему самому. Именно по инициативе Аммосова 4 февраля 1925 г. Грибановский был утвержден в должности научного сотрудника Наркомпроздрава ЯАССР. Главной обязанностью Грибановского стало продолжение работы над «Библиографией Якутии».

Для содействия учрежденному в Москве Обществу изучения Сибири, Урала и Дальнего Востока 31 марта 1925 г. в Якутске было создано научно-исследовательское общество «Саха кескиллэ». Одной из основных задач «Саха кескиллэ» была помощь на местах ленинградской Комиссии по изучению ЯАССР, осуществлявшей комплексное исследование Якутии. Грибановский был одним из главных деятелей «Саха кескиллэ» и предоставил в распоряжение приехавших в Якутск участников Комиссии библиографическую картотеку. Руководство «Саха кескиллэ» оценивало деятельность Грибановского весьма высоко и удовлетворило его ходатайство о предоставлении длительной научной командировки в Ленинград для завершения работы над «Библиографией Якутии» и подготовки ее к изданию. По истечении года командировки она была продлена, причем если ранее она оплачивалась правительством ЯАССР по 300 руб. в месяц, то через год ее стала оплачивать «Саха кескиллэ» по 200 руб. в месяц.

В 1927 г. Грибановский был назначен представителем «Саха кескиллэ» в Якутской комиссии. С большинством исследователей, в область научных интересов которых входила Якутия — он был знаком не только по трудам, но и лично. Эта известность помогла ему во время пребывания в Ленинграде в создании Якутской государственной национальной библиотеки. К комплектованию ее фондов Грибановский сумел привлечь непременно секретаря АН СССР С.Ф. Ольденбурга, ученого секретаря Якутской комиссии П.В. Виттенбурга и уполномоченного Президиума АН СССР А.Ф. Шидловского, одного из создателей краеведческой библиографии. При их содействии Грибановский стал получать для создаваемой им национальной библиотеки значительное количество научных книг и периодики со склада академических изданий, из дублетного фонда Библиотеки Академии наук и из Государственного книжного фонда.

По возвращении в Якутск в 1928 г. Грибановский сразу был назначен директором Якутской национальной библиотеки, однако через год он был снят с должности директора в ходе кампании по чистке советского аппарата, повсеместно планомерно проводимой НК РКИ. (Это был некий якутский аналог т.н. «комиссии Фигатнера», осуществившей в 1929 г.

чистку личного состава академических учреждений Ленинграда). После поддержанной местными властями апелляции во ВЦИК — Грибановский получил разрешение работать по специальности в советских учреждениях. В 1930 г. Президиум ЦИК ЯАССР принял решение об издании главного труда Грибановского как совместного проекта правительства Якутии, Якутской комиссии Академии наук СССР и Якутского отделения Госиздата.

Для решения вопросов, связанных с подготовкой издания, 1 июля 1930 г. Грибановский был командирован в Ленинград на год с тем, чтобы одновременно координировать отправку обязательного экземпляра всех советских изданий, который Всесоюзная книжная палата пересылала Якутской национальной библиотеке с помощью Библиотеки Академии наук СССР.

Автор статьи имел честь многие годы быть знакомым с Александром Петровичем Могилянским, в 1930 г. ввиду ареста прежних сотрудников по «Академическому делу», назначенным исполнять обязанности заведующего секретариатом АН СССР. Именно к Могилянскому вице-президент АН СССР Владимир Леонтьевич Комаров лично привел Грибановского, указав на необходимость оказания ему максимального содействия. Поскольку А.П. сам не был чужд библиографическим штудиям [4], то прибывший из Якутска энтузиаст, на 29 лет старше, вызвал у него искреннюю симпатию. Несмотря на то, что Могилянский вскоре оставил должность, изыскания Грибановского вызвали его искренний интерес, тем более, что оба постоянно встречались в БАН и жили на Петроградской стороне [5, с. 98].

Библиотека Академии наук СССР все 1930-е годы продолжала быть главной точкой сближения Грибановского с мировой наукой: его она уже интересовала не только своими фондами, но и теми возможностями для издания «Библиографии Якутии», которые у нее имелись.

После т.н. «Академического дела» в 1930 г. в Библиотеке Академии наук СССР сменилось не только руководство, но и общее направление ее научной деятельности. Директором Библиотеки был назначен Иннокентий Иванович Яковкин, ровесник Грибановского, сибиряк, беспартийный большевик, искушенный в библиотечном деле, не только пользовавшийся доверием власти, но и старавшийся это доверие максимально оправдать. Работа над «Библиографией Якутии» полностью соответствовала новым задачам использования Библиотеки прежде всего в целях выполнения пятилетнего плана. Замысел создания для этих целей местных центров краевой библиографии был озвучен Н.В. Здобновым на IV-й Всероссийской конференции по краеведению в марте 1930 г.

Одной из главных задач пятилетки было комплексное исследование национальных окраин СССР, именно здесь библиографическое содействие Библиотеки было необходимо. Ранее, в 1928 г. подобная задача уже была сформулирована Н.В. Здобновым, к тому времени успевшим отказаться от замысла продолжения «Библиографии Сибири» В.И. Межова в том виде, в каком ее задумал сам великий библиограф. Сам Здобнов вел работу над «Библиографией Дальневосточного края» и над «Библиографией Бурят-Монгольской АССР». Одно лишь то, что Грибановский начал работу над «Библиографией Якутии» еще до того, как Здобнов

изложил собственное видение построения свода региональной библиографии — не могло не пробудить в том симпатию к старшему (на 8 лет) товарищу. Напомню, что москвич Здобнов происходил из Шадринска, до 1920 г. был видным эсером, а библиографическая деятельность вызвала несравнимо более настороженное отношение власти и коллег, чем все многообразные труды Грибановского, никого не задевавшие лично. Николай Николаевич у Николая Васильевича пользовался непререкаемым авторитетом благодаря уровню трудов и личным нравственным достоинствам. Увы, беспристрастное сравнение тех или иных сторон подготовки указателей Грибановского и Здобнова будет в пользу последнего, однако никогда их противопоставления друг другу не было, даже в различии их отношения к Библиотеке Академии наук.

Непосредственное служебное взаимодействие с Грибановским в БАН осуществлял Константин Илларионович Шафрановский, будучи двадцатью годами его моложе. Следует очень кратко рассказать о великом энтузиасте библиографической науки, ученике Б.П. Гущина. Не сумевший получить законченное высшее образование, с 1924 г. Шафрановский нес службу в БАН на самых низших библиотечных должностях, однако в директорство Яковкина в 1930 г. внезапно был им возвышен и назначен заведующим библиографическим подотделом незадолго до того дня созданного научно-библиографического отдела БАН. Данное назначение было удачным: составлением и редактированием самых разнообразных опытов в жанре библиографических указателей Шафрановский был увлечен еще с юности и до конца жизни (умер в 73 года). Работой по подготовке к изданию «Библиографии Якутии» началась собственная научно-библиографическая деятельность в области региональной библиографии. Предложенный Шафрановским опыт распределения обязанностей встретил понимание Грибановского. В свою очередь, когда Грибановскому был задан вопрос о создании Библиографического бюро ЯГЦБ, то он порекомендовал при его организации взять за образец НБО БАН.

Согласно В.Н. Павловой, «с именем Н.Н. Грибановского развитие ретроспективной библиографии в Якутии поднялось до такого уровня, что Якутская республика в области создания библиографических ресурсов оказалась в лучшем положении по сравнению с другими национальными республиками» [1; с. 89]. Мнение то справедливо: по уровню «Библиографии Якутии» может сравниться только с «Библиографией Бурят-Монгольской АССР» Н.В. Здобнова, также незавершенной.

Совместно с Советом по изучению производительных сил АН СССР Научно-библиографический отдел БАН в 1932–1938 гг. подготовил 11 указателей по краеведческой библиографии, как то об Якутии (первые две части в 3-х вып.) [6; 7], Таджикистане, Киргизии, Узбекистане, Центральном Казахстане, Большом Джекказгане, Каракалпакии, Большом Алтае, Памире, Большой Эмбе. Подготовленная Н.В. Здобновым «Библиография Дальневосточного края» в этот перечень не вошла: издание с участием БАН — сюжет для самостоятельного рассказа. Еще три указателя (пустыни СССР, Иран и Западный Узбой) увидели свет в 1952–1956 гг. в Ашхабаде.

Библиография и персоналия на слух воспринимаются плохо, а посему перечислю переменный коллектив сотрудников, как в той или иной сте-

пени помогавших Грибановскому, так участвовавших в вышеуказанных трудах (помимо Шафрановского).

В первую очередь: бестужевка Лидия Викторовна Булгакова, заведующая НБО, редактор и автор предисловия к «Библиографии Якутии» (уже в качестве сотрудника СОПС). Также участвовали: Любовь Моисеевна Гаркави, Всеволод Васильевич Успенский, Владимир Алексеевич Петров, Софья Венедиктовна Толстая, Николай Михайлович Каратаев, Татьяна Григорьевна Мазюкевич, Николай Николаевич Янжул, Вера Платоновна Алексеева, Евгения Ивановна Гольцман, Вера Михайловна Римская-Корсакова, Эсфирь Петровна Файдель, Валерия Андреевна Фейдер, Екатерина Владимировна Княжецкая. Ряд лиц не был сотрудниками БАН или СОПС, многие работали по договорам (В.А. Бессонов, М.Н. Файн, О.А. Чичагова, А.Г. Биснек, Н.М. Зельдович, Д.Л. Марголина, Е.И. Михайлова, М.П. Петров).

Рассказ о многих неминуемо отвлечет от главной темы повествования. Упомяну лишь, что автор статьи был знаком с Верой Платоновной Алексеевой, и в ее рассказе о былых временах (в НБО пришла еще в 1933 г., 18-летней) был упомянут и Грибановский. К сожалению, Н.Н. в то время не входил в мои исследовательские приоритеты, а посему расспрашивать не стал — запомнилось лишь, что перед войной он почти ежедневно приходил в БАН, где проводил за рабочим столом целый день, ни на что не отвлекаясь. (При всем том, что особый служебный статус ограждал его от ежедневного хождения в присутствии). Сожалею, что подробно не успел расспросить Веру Платоновну о Грибановском. (Футбольная болельщица с довоенным стажем — скончалась в 2002 г. 87-ми лет в здравом уме и трезвой памяти. В.П. смогла не пропустить ни одного домашнего матча «Зенита» и беседовать с ней о футболе было несравнимо приятнее, чем вспоминать БАН, где прослужила без года 70 лет).

История издания «Библиографии Якутии» была обстоятельно изучена В.Н. Павловой [1, с. 100–120].

Первая часть «Библиографии Якутии» увидела свет уже в 1932 г. под редакцией И.И. Яковкина: под руководством Л.В. Булгаковой ее подготовили Л.М. Гаркави, В.В. Успенский и К.И. Шафрановский [6]. В 1934–1935 гг. с привлечением средств Якутского ГИЗа были изданы два выпуска второй части, подготовленные той же рабочей группой [7].

В 1935 г. под руководством профессора Педагогического института Ш.И. Ганелина началась работа над третьей частью «Библиографии Якутии». Подготовку «Народного образования» (22 п.л.) осуществляли С.С. Гуревич, П.А. Штраух и К.И. Шафрановский. Обстоятельства идеологической жизни СССР второй половины 1930-х гг. не способствовали завершению работы.

Следует уточнить служебный статус Грибановского.

В СОПС Грибановский работал по договорам, поскольку основным местом работы были учреждения Якутска, несмотря на то, что в Ленинграде с начала 1930-х гг. он проживал почти постоянно, изо дня в день посещая БАН и нужные для создания «Библиографии Якутии» книгохранилища.

22.10.1932 Грибановский был назначен научным сотрудником при Госплане ЯАССР с окладом 350= руб, а 16.01.1933 переведен на служ-

бу в Якутское издательство для работы по подготовке «Библиографии Якутии».

4.09.1935 Грибановский был зачислен сверхштатным научным сотрудником СОПС для работы по изданию библиографии Якутии с жалованием за счет Якутского постпредства. 22.09.1935 он был переведен в этом статусе в БАН.

Постановлением СНК ЯАССР 23.02.1937 завершение «Библиографии Якутии» (последующих шести частей) было передано ЯГЦБ. Для этой цели Грибановский был назначен старшим библиографом ЯГЦБ с окладом 600= руб (с 1 января 1937 г.). Приказом по НКПЗ ЯАССР ему была предоставлена двухлетняя научная командировка в Ленинград для окончания работы над «Библиографией Якутии». (В частности, если ранее роспись материалов была доведена до 1930 г., то задачей Грибановского являлось выявление всего относящегося к Якутии за последующий период).

5 марта 1939 г. приказом наркома просвещения ЯАССР Грибановский был снят с должности старшего библиографа ЯГЦБ как «политически неблагонадежный элемент», а труды его были признаны «идеологически вредными». Увольнение было оспорено Грибановским, отправившим 1 июня 1939 г. обстоятельное письмо И.В. Сталину с приложением автобиографии.

В 1939 г. Грибановский был зачислен в НБО БАН и находился в его составе до своей гибели. К сожалению, все сведения об этом важном событии выявлены лишь на основании картотеки личного состава академических учреждений. Таким образом, мнение В.Н. Павловой о том, что Грибановский «работал... в Библиотеке АН СССР, но не состоял штатным библиографом БАН» [1; с. 92,109] все же нуждается в уточнении. Именно после своего увольнения из ЯГЦБ живший в Ленинграде 59-летний Грибановский и был зачислен в НБО. Ранее в том не было необходимости, поскольку он имел постоянное место службы в Якутске, в Ленинграде пребывая в длительной служебной командировке. (Лишенный места службы неминуемо получал статус лица без определенных занятий, причем в 1939 г. то угрожало помимо аннулирования временной прописки еще и административной высылкой).

Научно-библиографический отдел БАН с 1937 г. возглавлял коммунист Самуил Самуилович Гуревич, направленный в БАН после «Академического дела» (в 1930 г.), знавший Грибановского. С 1936 г. заместителем Гуревича был Шафрановский — на начальственную должность он претендовать не мог ввиду беспартийности. Гуревич, один из самых ревностных обличителей «врагов народа», в первый день набора в Народное ополчение 7 июля 1941 г. вступил в него и в мае 1942 г. погиб на фронте. Насколько Гуревич в 1939 г. был самостоятелен в вопросе зачисления Грибановского в штат БАН — сейчас определенно сказать затруднительно: к ставшему в одночасье безработным пожилому ученому были расположены как директор БАН И.И. Яковкин, так президент АН СССР В.Л. Комаров, также не один год знавшие его с самой лучшей стороны.

В 1941 г. Грибановский приступил к библиографическому указателю «Археология Якутии», о чем поведал А.П. Окладникову. Подробный план указателя Грибановский сообщил археологу Г.П. Сосновскому в письме от 3 января 1942 г. Это последнее известное письмо Грибановского.

В самый тяжкий месяц Блокады 17 января 1942 г. он скончался. По данным домовой книги, проживавший по адресу: Песочная ул., д. 26а, кв. 2. Грибановский был похоронен на Серафимовском кладбище [8; с. 382]. Достоверно установить это в настоящее время невозможно. Учитывая дату кончины, гораздо более вероятным представляется сожжение тела в кремационной печи кирпичного завода (на месте станции метро «Парк Победы»), через которую перешли в мир иной около 900 тысяч ленинградцев. До 1989 г. в СМИ запрещалось упоминать как реальное количество жертв Блокады, так и существование крематория. (В домашних книгах как место захоронения указывали кладбища Смоленское, Серафимовское или Пискаревское, однако же реальное место упокоения, земля или пруд в Московском парке Победы, куда сбрасывали прах — в наше время установить невозможно).

К счастью для судьбы наследия Грибановского, в конце марта 1942 г. в Ленинград вернулся Шафрановский, демобилизованный из рядов РККА по ранению. По возвращении он узнал, что в январе 1942 г. погибла его мать Вера Константиновна, а в марте — проживавшая с ней бывшая жена Тамара Васильевна (с 1936 г. была замужем за Гуревичем) [9; с. 74]. Из опустевшей комнаты (Волховский пер., д. 5/11, кв. 31) Шафрановский перешел на полуказарменное положение в БАН, где с 1 апреля он возглавил Научно-библиографический отдел. (Дальнейшая судьба Шафрановского в статье не рассматривается — укажем лишь, что он скончался 18.08.1973, прослужив в БАН до конца жизни в должном почете). Судьбе спасенных им материалов Грибановского была посвящена статья Шафрановского [10], после которой началась официальная передача их из БАН в Республиканскую библиотеку Якутской АССР имени А.С. Пушкина.

Вновь подчеркнем исключительную значимость роли Шафрановского не только в спасении материалов к «Библиографии Якутии», но в устроении их дальнейшей судьбы. Без Шафрановского «Библиография Якутии» могла погибнуть если не в дни Блокады, то в 1950–1960-е годы: едва ли кто-либо из сотрудников БАН взял на себя ответственность за сохранение непрофильных выморочных библиографических трудов, особенно картотек. (Мартиролог научной библиографии ждет своего исследователя). Истории реконструкции и издания неопубликованных частей «Библиографии Якутии» были посвящены статьи Е.Г. Максимовой [11], В.П. Бурцевой [12] и А.Н. Ивановой [13]. В 1965–2011 гг. свет увидели еще пять частей «Библиографии Якутии», подготовленных Национальной библиотекой Республики Саха (Якутия) [14; 15; 16; 17; 18].

Отметим, что первым упоминанием о Грибановском в послевоенные годы был некролог, написанный А.Н. Бученковым [3, с. 70–72]. К 100-летию со дня рождения Грибановского был издан подготовленный Д.В. Кустуровым библиографический указатель [19]. Обе публикации появились в Якутске. Жизнь Грибановского прошла в Якутске и Ленинграде. К сожалению, ввиду неопределенности служебного статуса Грибановский не был упомянут в биобиблиографическом словаре сотрудников БАН [20], ни в обстоятельном справочнике о судьбе БАН в годы Блокады [21].

Подводя итог, выскажу уверенность в том, что, даже несмотря на мученическую кончину в Блокаду — Грибановский сумел прожить

не только содержательную, но и очень счастливую жизнь, заслужив общее уважение исключительно трудом и душевными качествами. За годы моих разысканий по истории отечественной библиографии мне ни разу не встретился ни один неодобрительный отзыв о нем, что для замкнутой профессиональной среды — изрядная редкость. (Патриарх русской библиографии Б.С. Боднарский в 1964 г., будучи на десятом десятке, пришел к неожиданному для себя выводу, что самые завистливые люди — это не актеры и писатели, а библиографы).

В завершение сюжета следует поблагодарить дирекцию Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), прежде всего Саргылану Васильевну Максимову за приглашение принять участие в разысканиях о Грибановском. Могу лишь порадоваться тому, что существует Республики Саха (Якутия), где ученые труды создателя национальной библиографии вознаграждены установкой памятного бюста, устройством конференции, воспринятой почти как национальный праздник, и съемками документального фильма о великом деятеле якутского национального возрождения. (Иные примеры настолько уважительного отношения власти к библиографу автору статьи неизвестны).

Список источников

1. Павлова В.Н. Николай Николаевич Грибановский: библиограф-краевед и общественный деятель (1880–1942) / НБРС(Я). Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. 167 с., 8 л. илл.
2. Грибановский Н.Н., Пржиборовский С.В. Чернышевский в Вилюйске: (По архивным материалам) // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 1–21.
3. Грибановский Н.Н. Чернышевский в Вилюйской ссылке. Якутск: ЯкГИЗ, 1947. 75 с. (Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Якутской АССР. Материалы по библиографии Якутии).
4. Лепехин М.П. Из истории академического литературоведения: Т.Г. Шевченко, Федор Сологуб и А.П. Могиланский в их взаимоотношениях // Наука и Библиотека: сборник научных трудов. Санкт-Петербург: БАН, 2023. Вып. 7. С. 150–175.
5. Научные работники Ленинграда. Ленинград: АН СССР, 1934. XXX, 723 с. (Наука и научные работники СССР. Ч. V).
6. Грибановский Н.Н. Библиография Якутии / АН СССР. Ч. I: Природные ресурсы и население Якутского края. Ленинград: АН СССР; ЯкГИЗ, 1932. VIII, 127 с. (Труды Совета по изучению производительных сил. Серия Якутская. Вып. 9);
7. Грибановский Н.Н. Библиография Якутии / АН СССР. Ч. II: Экономика. Вып. 1: Экономическое положение, экономическая политика, сельское хозяйство Якутии. Ленинград: АН СССР, 1934–1935. XII, 232 с. (Труды Совета по изучению производительных сил. Серия Якутская. Вып. 15); Вып. 2: Промышленность, транспорт, хозяйство связи, торговля, кооперация, финансы. Ленинград: АН СССР, 1934–1935. VIII, 220 с. (Труды... Вып. 23).
8. Блокада, 1941–1944. Ленинград: Книга памяти. Санкт-Петербург, 1999. Т. 7.
9. Блокада, 1941–1944. Ленинград: Книга памяти. Санкт-Петербург, 2006. Т. 34.
10. Шафрановский К.И. Н.Н. Грибановский и библиография Якутии // Библиотечно-библиографическая информация библиотек АН СССР и академий наук союзных республик. Москва, 1963. Вып. 46. С. 88–98.
11. Максимова Е.Г. «Библиография Якутии» Н.Н. Грибановского и ее неопубликованные выпуски // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. / ГПНТБ СО АН СССР. Новосибирск, 1973. Вып. 16. С. 105–114.
12. Бурцева В.П. «Библиография Якутии» Н.Н. Грибановского и перспективы ее завершения // Книжная культура Республики Саха (Якутия): сб. науч. тр. / ЯРНБ. Якутск, 1993. С. 83–99.

13. Иванова А.Н. Реконструкция уникального труда // Мир библиографии. 2000. № 4. С. 29–31.
14. Грибановский Н.Н. Библиография Якутии / ЯРНБ. Якутск, 1965. Ч. 3: Народное просвещение. 198 с.
15. Грибановский Н.Н. Библиография Якутии / ЯРНБ. Якутск, 1995. Ч. 4: Здравоохранение. 95 с.
16. Грибановский Н.Н. Библиография Якутии / ЯРНБ. Якутск, 2006. Ч. 5: Этнография. Антропология. Фольклор. Религиозные верования и поверья. Христианская церковь и миссионерство. 143 с.
17. Грибановский Н.Н. Библиография Якутии / ЯРНБ. Якутск, 2008. Ч. 6: Археология. История. 239 с.
18. Грибановский Н.Н. Библиография Якутии / ЯРНБ. Якутск, 2011. Ч. 7: Языкознание. Художественная литература. Искусство. Физкультура и спорт. Печать. Издательское дело. 206 с.
19. Первый библиограф Якутии Н.Н. Грибановский: библиогр. указ. / ЯРНБ; сост. Д.В. Кустуров. Якутск, 1980. 19 с.
20. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. В 2 кн. Санкт-Петербург: Гуманистика, 2014. Кн. 1. 568 с.; Кн. 2. 569–1192 с. (Великая Россия: Российская биографическая энциклопедия / под ред. А.И. Мелуа. Т. 13, 14).
21. Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук / авт.-сост. Н.В. Бекжанова, А.А. Балакина. Санкт-Петербург: БАН, 2024. 567 с.

LEPEKHIN M. About N.N. Gribanovskiy, K.I. Shafranovskiy and the role of the USSR Academy of Sciences Library in creating “Bibliography of Yakutia”

Mikhail Lepekhin — Senior Researcher, Research Department of bibliography and library science

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: mpl2612@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the 30-year history of creation of the “Bibliography of Yakutia” by N.N. Gribanovskiy in relation to his cooperation with USSR Academy of Sciences Library, as well as the role of K.I. Shafranovskiy in preserving and publishing this work.

Key words: N.N. Gribanovskiy, K.I. Shafranovskiy, “Bibliography of Yakutia”, USSR Academy of Sciences Library, National Library of the Republic of Sakha (Yakutia).

П.И. Федотова

В.Н. ТАТИЩЕВ И «ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС»

Федотова Полина Игоревна — кандидат философских наук, независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются взгляды В.Н. Татищева на проблему происхождения и местоположения родины варягов, которая, как правило, выпадает из историографических обзоров по «варяжскому вопросу». Татищев проявил самостоятельность в решении этого вопроса и подверг доказательной критике существовавшие на тот момент гипотезы: славяно-вагрийскую, прусскую и шведскую. Автор показывает, что в основе «финской» концепции Татищева лежали не только научные, но и политические мотивы.

Ключевые слова: русская историография, варяжский вопрос, В.Н. Татищев, «финская» концепция происхождения варягов.

Василий Никитич Татищев (1686–1750 гг.) по праву считается основоположником русской исторической науки, хотя его научное наследие оценивается неоднозначно: одни видят в нем подвижника науки, сохранившего для потомства безвозвратно погибшие источники, другие обвиняют его в подлогах и фальсификациях.

Борьба за «русское» или «немецкое» начало российской исторической науки обусловила накал полемики вокруг фигуры этого ученого и его исторических трудов. Однако в обширной литературе, посвященной Татищеву-историку, есть один характерный изъян — историки разных направлений, словно сговорившись, избегают излагать позицию В.Н. Татищева по варяжскому вопросу. В лекционных курсах по русской историографии и в специальных трудах, посвященных этой теме, взгляды Татищева на варяжский вопрос, как правило, остаются без освещения. Так, В.О. Ключевский начал свой курс лекций по русской историографии с рассмотрения взглядов З. Байера и Г. Миллера и полемики Миллера с М.В. Ломоносовым по варяжскому вопросу, ни словом не упомянув при этом точку зрения их современника В.Н. Татищева [8, с. 185–192]. Советский историк М.А. Алпатов, которому принадлежит серия содержательных работ по истории русской исторической мысли, в очерке о первом русском историке осветил лишь общеисторические взгляды Татищева. Что касается его позиции по вопросу о варягах, он лишь кратко упомянул, что Татищев полемизировал с Байером и отвергал как прусское, так и шведское происхождение Рюрика и выводил его из Финляндии [1, с. 411]. А в посвященном XVIII веку выпуске, который начинается с освещения «спора о варягах» в российской исторической науке XVIII в., Алпатов полностью обошел стороной взгляды В.Н. Татищева по варяжскому вопросу, лишь упомянув о непростой судьбе его «Истории Российской» [2, с. 12–13].

Полным молчанием обойдены взгляды Татищева на варяжский вопрос в его биографии, написанной лидером советского антинорманизма А.Г. Кузьминым. Основной упор при характеристике исторических трудов Татищева сделан на дискуссии вокруг его репутации как историка и защите его от обвинений в вымыслах и фальсификациях [11, с. 336–340]. Такой же уклон имеет и обзор современной полемики вокруг фигуры первого русского историка, помещенный В.В. Фоминым в примечаниях к своей монографии по историографии варяго-русского вопроса [31, с. 506–512].

Автор первого советского исследования по русской историографии Н.Л. Рубинштейн и вовсе радикально исказил позицию Татищева по варяжскому вопросу, объявив его последователем Байера и приписав ему «сводку всех доводов о норманском происхождении Руси, в дальнейшем повторяемых в основном всеми норманистами» [20, с. 81]. Любопытно, что историк М.Н. Тихомиров в своей рецензии на работу Н.Л. Рубинштейна, указав на ряд недочетов в изложении взглядов В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова, обошел молчанием вопиющее искажение позиции Татищева по варяжскому вопросу [24, с. 94–99]. К сторонникам норманизма причислял В.Н. Татищева и советский историк-медиевист Л.В. Черепнин. По его словам, Татищев признавал «норманское происхождение княжеской династии у восточных славян» [33, с. 181]. В то время как Татищев это отрицал, полагая, что мнение «якобы сии варяги — нормданы» возникло под влиянием летописного сообщения о варяжской дани. На самом деле варяги — это финны [22, с. 115, прим. 19]. Отсутствует изложение взглядов Татищева на варяго-русский вопрос в учебных курсах по русской историографии В.И. Астахова и А.Л. Шапиро [3, 89–101; 34, 165–188] и в обширном историографическом исследовании С.Л. Пештича [18, с. 222–262; 19, с. 124–163]. Только А.А. Хлевов в своем историографическом обзоре привел некоторые аргументы Татищева в пользу финского происхождения варяго-руси [32, с. 10].

Таким образом, очевидно, что взгляды В.Н. Татищева на варяжский вопрос оба лагеря — и норманисты, и их оппоненты — предпочитают обходить стороной. Причина здесь двоякая. Во-первых, ни одна из сторон не может записать Татищева в число своих сторонников. Первый русский историк в равной степени отрицал как славянство, так и скандинавство варягов. Со стороны норманистов игнорирование позиции Татищева по варяжскому вопросу продиктовано еще одним мотивом, обусловленным их представлениями о генезисе «варяжского вопроса». В работах российских историков-норманистов последовательно проводится мысль, будто бы «спор о варягах» возник в середине XVIII в. в России и связан со стремлением «патриотической партии» во главе с М.В. Ломоносовым оспорить «научную истину» о варягах-скандинавах, которую отстаивали представители европейской науки в лице академиков-немцев. Одна из последних работ на эту тему, написанная последователем Л.С. Клейна Д.Н. Верхотуровым, так и озаглавлена: «Три века спора о варягах». Ее автор объявил антинорманизм «русским национальным нарративом» (или «русским историческим нарративом»), который почти триста лет препятствовал научному решению «варяжского вопроса» [4, с. 8–10].

При таком подходе закономерно, что Верхотуров вынужден был исключить из своего историографического обзора рассмотрение взглядов

В.Н. Татищева по варяжскому вопросу, поскольку этого современника З. Байера, Г. Миллера и М.В. Ломоносова (и, безусловно, русского патриота), причислявшего варягов к финнам и выводившего варяжских князей из Финляндии, трудно обвинить в национализме. Его позиция, высказанная еще до полемики Ломоносова с Миллером (1749–1750 гг.), да еще включение в состав первого тома «Истории Российской» перевода четырех статей высоко ценимого им Байера (в том числе, и на шумевшей статьи «О варягах»)¹ не вписывается в картину националистических козней «объективным ученым» со стороны русских историков-патриотов. Не случайно поэтому взгляды Татищева на варяжский вопрос Верхотуров обошел полным молчанием, тем самым исключив их из трехсотлетней российской полемики по данному вопросу.

Следует отметить, что сама попытка отнести возникновение «спора о варягах» к полемике М.В. Ломоносова с Г. Миллером уже является идеологическим искажением истории вопроса. В действительности начало этого спора восходит к середине XVI в., и у его истоков стояли совсем другие люди. Немецкая исследовательница Биргит Шольц справедливо отмечала, что дискуссию о варяжском вопросе открыл своей книгой о Московии австрийский дипломат С. Герберштейн (1549 г.), который выдвинул тезис, что летописные варяги были западными славянами из Гольштейнской провинции Вагрии. А версию о шведском происхождении варягов впервые высказали не академики-немцы З. Байер, Г. Миллер и А. Шлецер, а шведский дипломат Петр Петрей еще в начале XVII в. При этом Шольц подчеркнула, что Петрей был первым, кто придал варяжской проблеме политическую окраску. В своей книге по истории Московского княжества (1615 г.) «Петрей впервые старался использовать варяжский вопрос в политической борьбе Швеции с Россией. Он хотел историческими аргументами оправдать право шведского государя вмешиваться в русские политические дела». Эту политическую тенденцию продолжили последующие шведские историки [35, с. 195; 36, с. 109].

Таким образом, возникновение варяжского вопроса — как проблемы этнической принадлежности варягов и страны их первоначального обитания — относится к середине XVI в., а не к середине XVIII в. И поставлен он был в западноевропейской, а не в российской историографии. К тому моменту, когда началась дискуссия о варягах среди представителей российской науки, историография варяжского вопроса насчитывала уже две сотни лет. В европейской науке немецкая версия о варягах как славянах-вендах из Вагрии (С. Герберштейн, К. Дюре, Б. Латом, Ф. Хемниц и др.) конкурировала сначала с прусской (русские летописи, П. Одерборн, М. Стрыйковский, Ю. Крижанич, М. Преторий), а затем со шведской — о варягах как скандинавах-варгионах из Швеции (П. Петрей, Ю. Видекинд, О. Рудбек и др.). Наряду с указанными, существовали и другие мнения о происхождении варягов: как выходца из Дании (Ж. Маржерет, Ф. Брие), Саксонии (ее упоминает П. Петрей) и даже как летописных «волохах» (И. Страленберг). Далеко не сразу ва-

¹ Как указывают публикаторы рукописей В.Н. Татищева, статьи З. Байера были переведены для него К.А. Кондратовичем. Они вошли «в сокращении» в первый том «Истории Российской» (главы 16, 17, 24 и 32) [22, с. 446].

ряжский вопрос приобрел ту политическую остроту, которая отличает его до сих пор. На протяжении более полувека после Герберштейна он не выходил за пределы кабинетных штудий. Политическую окраску он приобрел с момента появления норманизма, который возник в сугубо политических целях как шведский националистический миф. Доминирование в современной историографии этой националистически-шведской концепции происхождения варягов до сих пор препятствует действительно научному решению этой непростой проблемы.

Взгляды В.Н. Татищева на варяжский вопрос являются лишь одним из звеньев в этой многовековой полемике и так же заслуживают рассмотрения, как любые другие. Однако вопреки принятым в науке правилам, требующим учитывать все имеющиеся точки зрения и разбирать их по существу, в литературе они либо замалчиваются, либо освещаются весьма поверхностно. Показательно, что ведущий современный специалист по историографии варяго-русского вопроса В.В. Фомин исключил рассмотрение взглядов В.Н. Татищева на варяжский вопрос из своей монографии, которая имеет подзаголовок: «к итогам дискуссии по варяжскому вопросу». От основоположника норманизма Петра Петрея он сразу переходит к полемике Ломоносова с Миллером в 1749–1750 гг. [30, с. 8–119]. Таким образом, и у лидера современного российского анти-норманизма позиция Татищева оказалась изъятой из итогов дискуссии по варяжскому вопросу. В своем более позднем историографическом обзоре Фомин весьма конспективно охарактеризовал взгляды Татищева на варяжский вопрос, отметив, что тот отрицал все имевшиеся к тому времени точки зрения на происхождение и родину варягов: и мнение немца С. Герберштейна (1549 г.), поляка М. Стрыйковского (1582 г.) и француза К. Дюре (1613 г.) о Вагрии, и русских летописей о Пруссии, и шведских авторов о Швеции. Вместо этого Татищев предложил свой вариант о выходе варягов из Финляндии [31, с. 386]. Эта в целом правильная оценка вместе с тем содержит ряд существенных умолчаний.

Во-первых, мнение о выходе варягов из славяно-вандальской Вагрии принадлежало Сигизмунду Герберштейну, остальные авторы только повторяли точку зрения австрийского дипломата. Вопрос этот имеет принципиальное значение, поскольку современные антинорманисты (В.В. Фомин, В.И. Меркулов, Л.П. Грот и др.) настаивают на том, что у европейских историков XVI–XVII вв., сторонников славянского происхождения варягов, были некие независимые от Герберштейна источники информации. В действительности таких источников не было. Хронологическая последовательность сочинений европейских авторов показывает, что Герберштейн был первым и единственным источником славянской гипотезы происхождения варягов. Остальные лишь повторяли высказанное им мнение, прибегая разве что к компиляции существующих точек зрения. Так поступал, например, польский хронист Матей Стрыйковский (1547–1593), который пытался увязать в одну, как ему казалось, непротиворечивую картину рассказ русских летописей о призвании варягов и почерпнутую из литовских летописей легенду о Палемоне с прусской и вагрийской учеными версиями происхождения варягов².

² Об исторических построениях М. Стрыйковского вокруг сюжета о варягах см.: [7, с. 91–93].

Во-вторых, концепция прусского происхождения варягов присутствовала не только в русских летописях, но разделялась польским историком М. Стрыйковским, сербским публицистом и историком XVII в. Юрием Крижаничем и немецким историком конца XVII — начала XVIII вв. Матвеем Преторием, который был главным ее защитником. Преторий даже производил название варягов от прусского слова «вареи» — «согнанные» [22, с. 292]. Таким образом, к началу XVIII в. у прусской гипотезы тоже имелась своя историографическая традиция, находившая опору (и здесь Фомин прав) в самих русских летописях. Но главное, Фомин умолчал о том, что Татищев выдвинул весьма весомые аргументы против славяно-вагрийской гипотезы происхождения варягов, высказанной впервые Герберштейном и поддержанной рядом немецких, польских и французских авторов.

Прежде всего, Татищев указал на тот факт, что в западноевропейской географической традиции отсутствует название Варяжское море: «море тамо никогда Варяжское, но первее Венедицкое от вендов, потом Балтиское» называлось. В то время как сам Герберштейн приходил к выводу о Вагрии как родине варягов именно на том основании, что Балтика получила название Варяжского моря от Вагрийского полуострова. Вслед за Герберштейном от города Вагрия в Вандалии производил название Варяжского моря М. Стрыйковский, с мнением которого (а также француза К. Дюре) и полемизировал Татищев. Он правильно констатировал, что Варяжским Балтийское море называлось только у русских, в то время как ни у одного западноевропейского народа такого названия нет [22, с. 290]. Значит, оно произошло не от Вагрии, иначе бы оно было в употреблении у живущих здесь народов. Таким образом, отпадает один из главных доводов в аргументации Герберштейна в пользу вагрийской гипотезы.

Этот аргумент Татищева полностью сохраняет свое значение. Как было показано в недавно вышедшей монографии «Названия Балтийского моря в русских средневековых источниках», ближайшая к Вагрии немецкая и польская средневековая историко-географическая традиция не знала названия Варяжское море.

Немецкий хронист Адам Бременский, который уделял самое пристальное внимание географической номенклатуре, в качестве известных в его время (вторая половина XI в.) обозначений Балтики называет Балтийское, Варварское, Скифское и Восточное море. Немецкий хронист XII в. Гельмольд, за исключением того места, где он прямо цитирует А. Бременского, в остальных случаях использует только название Балтийское море. В польской историографии присутствуют такие названия Балтики как Северное, Амфитриональное, Длинное или Долгое море (*longum mare*), Прусское, Сарматское, Балтийское море [27, с. 13–16].

Далматинский славянин Мавро Орбини в своем сочинении по истории славян (1601 г.), подводя итог предшествующей античной и средневековой европейской традиции, сообщал, что море, омывающее Скандинавию, называлось в разное время Германским, Свевским, Британским, Балтийским, Варварским, Померанским, Арктическим или Бореиским, Северным, Ледовитым, Коданским, Венедским. И особо отмечал, что это море, которое одни называют Венедским, другие

Германским, русские называют Варецким (Varetzchoie, Vuaretzchoie) [16, с. 30, 111]³.

Основоположник норманизма швед Петр Петрей, сообщая, что русские «Балтийское море зовут Варяжским», замечал, что «это название нельзя найти ни у нас, ни в других местах» [17, с. 90]. Таким образом, Татищев был абсолютно прав в том, что Европа (в том числе славянская) не знала названия Варяжское море. Оно присутствует только в русской и арабской традиции. Этот факт не согласуется с гипотезой Герберштейна о выходе варягов из расположенной на юго-востоке Ютландского полуострова приморской области Вагрия, от которой Балтика якобы и получила название Варяжское море.

Вторым аргументом против Вагрии как славянской родины варягов послужило для Татищева различие имен. Ссылаясь на информацию немецких хроник и немецких историков (Адама Бременского, Гельмольда, Альберта Кранца), он отмечал, что западнославянские князья с Южной Балтики носили преимущественно славянские имена (Вышан, Вышеслав, Славомир, Мислав и др.), тогда как имена варяжских князей сплошь неславянские: «Рюрик, Синеус, Трувор, Олег, Рохволд, Оскольд, Тур и пр. ни одно не есть славянское» [22, с. 290]. Значит, варяги не были славянами и пришли не из славянской тогда Вагрии.

По сути правильный, этот аргумент Татищева требует некоторых поправок. Варяжского князя по имени Тур в русских источниках нет, есть князь Дир, упоминаемый вместе с Аскольдом. Однако Татищев отрицал существование Дира как самостоятельного лица, считая появление соправителя Аскольда недоразумением на почве неправильного понимания текста. Зато к варяжским он относил имя Тур. В то время как тур — славянское слово («лесной бык») и славянское имя, отраженное в топонимах (город Туров, Турова божница в Киеве). К тому же Татищев, как и большинство историков, причислял к «варяжским» и русские имена, что глубоко ошибочно. Аскольд, Дир, Олег, Ольга, Игорь — не варяжские, а русские имена. Правда, в данном случае эта ошибка не меняет сути дела, поскольку и те и другие принадлежат к одной этнолингвистической традиции. Зато Татищев проявил научную осмотрительность в том, что не стал выдумывать славянских этимологий для Синеуса, Аскольда, Рогволода, Рогнеды, Олега и т.д., чем увлекались (и увлекаются до сих пор) многие антинорманисты. Все эти имена — не славянские, а кельтские, о чем еще пятьдесят лет назад прямо заявил советский историк А.Г. Кузьмин в своей статье «Об этнической природе варягов» (1974 г.). Высказанную А.Г. Кузьминым мысль о кельтской принадлежности варяжских и русских имен поддержал украинский филолог, академик В.Г. Скляренко [21, с. 60–75]. Однако их позиция нуждается в корректировке — в силу ошибочного отождествления варяжских и русских имен и не всегда корректной их этимологии. В действительности из русских источников известно всего лишь девять варяжских имен, из которых три — христианских, пять — кельтских, одно — неясного происхождения [26].

³ При этом форма названия Варяжского моря, которую приводит Орбини, — Варецкое (Varetzchoie) — указывает на Герберштейна как на источник этой информации, у которого оно приведено именно в этой поздней модифицированной форме.

Так, имя Синеус, которое историки-антинорманисты в традициях народной этимологии выдают за славянское «Синий ус», а их противники уверяют, что это «испорченное» скандинавское *Signjutr* (Сигниотр), представляет типичный пример кельтских имен, которые оканчиваются на —ус/-иус. Суффикс —*ius/-us* в кельтских языках означал сравнительную степень повышающего характера (от первоначальной и.-е. сравнительной степени —*jos*) [15, с. 228–229]. Именное словообразование с использованием этой сравнительной степени было характерно для кельтского мира. Например, *Dunaius* («наибольшая из рек»), личные имена *Rigisamus*, *Ilius*, *Cilius*, *Lugius* и т.п. В том же ряду стоят *Acunius* (Акуниус) — «лучший из коней» и *Sinaeus* (Синеус) — кельтское имя со значением «старший», образованное по стандартной схеме: корневая основа *Sine* («старый») + суффикс превосходной степени —*us*. Имя *Sinaeus* и его многочисленные варианты (*Sinicus*, *Sinicius*, *Sinus*, *Sinatos*, *Sinorix*) представлены в словаре кельтской ономастики «Сокровища древнекельтского языка» А. Хольдера [37, стб. 1567, 1573–1575]. Таким образом, славянская форма не исказила кельтский оригинал: кельтское *Sinaeus* по-славянски звучит точно так же — Синеус.

Типично кельтским является и имя Рюрик. Имя *Ruricius/Roricus* (в ирландском *Ruiri/Rori*) было широко распространено в кельтских регионах Западной Европы (Франции, Ирландии, Британии, Дании) [9, с. 608–609; 10, с. 263–264]. Оно представляет собой пример перехода титула в личное имя. В древнеирландской политической иерархии *ruiri* («большой король») — средняя ступень между просто *ri* (главой туата) и *ard-ri* («верховным королем»). Термин *kuiri/ rori* образован от слова *ri* («король»; у континентальных кельтов — *rix/ric*) плюс усилительная приставка *ro* [6, с. 35–36]. То есть Рюрик/Рорик — «большой король», среднее звено кельтской управленческой структуры. Немецкий лингвист Альфред Хольдер в своем словаре кельтской ономастики приводит формы *Ruricius*, *Ruricio*, *Roricus*, известные из источников до VII в. [37, стб. 1248–1249]. Французский филолог Мария-Тереза Морле в исследовании «Личные имена на территории древней Галлии VI–XII вв.» выявила многочисленные варианты этого имени на территории Франции в IX–XII вв.: *Rorio*, *Rorico*, *Roricus*, *Rorigus*, *Rorigo*, *Rorigius* и т.д. [38, р. 191а]. Таким образом, и здесь славяне ничего не исказили: кельтское *Ruric/Roric* и по-славянски звучит так же — Рюрик/Рорик. Искажением реальной лингвистической картины является попытка выдать скандинавское *Hrørikr* (Хрёрик) за источник имени Рюрик.

Здесь уместно добавить, что именное и апеллятивное словообразование с усилительной приставкой *ro-* было характерно для кельтских языков. В сочетании с прилагательными и существительными *ro-* выражает усиление признака, например, *romass* «великий сын», *rodomun* «великий мир», *roart* «великий медведь», *romuir* «великое море», эпитет верховного бога Дагды — *Rofhessa* («великомудрый» или «премудрый»), *romor* — «пребольшой», *robec* — «премалый» и т.д. [5, с. 71, 74, 98]. По этой схеме образованы и такие кельтские имена, как Рорик, Рогволод и Рогнеда. Имя *Ro-gwalt* — «большой властитель» семантически однозначно с Рориком, только принадлежит валлийской традиции. Рогнедь — *Ro-gnait* можно перевести как «многорождающая» (или, как вариант, «преумелая»: уси-

лительный префикс *go-* + производное от глагола *gniiit* «производить, делать») [5, с. 93].

Что касается имени Трувор, то оно соответствует старофранцузскому *trouveur* (совр. *trouviage* — трувэр): «поэт, трубадур». Поскольку в общеславянском языке не было звука «э», то кельтское «э» славяне последовательно заменяли на «о». Иначе говоря, там, где кельты «экали», славяне «окали». Поэтому Трувэр славяне произносили как Трувор. Таким образом, славянская форма Трувор не является искажением скандинавского *Югварпр* (Торвардр), а возникла из кельтского *Trouveur* (Трувэр) с закономерной для славянского языка заменой «э» на «о».

Такие же закономерные замены кельтского «э» на славянское «о» мы встречаем в именах Олег, Ольга и Игорь. Элг и Элга (*Elg/Ealg, Ealga*) — кельтские имена со значением «благородный, благородная». Элга — это догойдельское название самой Ирландии, то есть богиня-эпоним Ирландии [13, с. 80, 83, 88]. В славянском языке они звучали как Олг (именно так зафиксирована древнейшая форма этого имени) и Ольга. Что касается Игоря, то его первоначальное написание в русских летописях — Ингорь, что является славянским воспроизведением кельтского *Inger* (Ингэр) с закономерной заменой *э* на *о* и последующим исчезновением носового *n*. В современном ирландском *inger* — «вертикаль». То есть возможное значение имени Ингорь/Игорь — «прямой, высокий». Таким образом, как варяжские, так и русские имена оказываются не скандинавского, а кельтского происхождения.

Сам Татищев уклонился от анализа варяжских имен, отнеся их к «готским» (то есть германским), а русские имена — к «сарматским» (под сарматами он понимал древнее население Европы, остатком которого являются финно-угорские народы) [22, с. 250–252]. Однако в отношении варяго-русской проблемы историк проявил непоследовательность. С одной стороны, он указывал на тот факт, что, за исключением одного места в летописи, русские источники везде различают варягов и русь как два отдельных народа⁴. Следуя этому правильному наблюдению, он посвятил одну главу своей «Истории» народу русь и проблеме его соотношения с рутенами и роксаланами, а другую — варягам. В то же время он признавал существование и особой варяго-руси, которую выводил из Финляндии. Несмотря на эти колебания, факт радикального расхождения западнославянского и варяжского княжеского именослова послужил Татищеву основанием для того, чтобы отвергнуть гипотезу западнославянского происхождения варягов.

Наряду с вагрийско-славянской, Татищев подверг критике и прусскую гипотезу происхождения варягов: «другие ... выдумали их быть из Пруссов». Отправной точкой для критики ему послужили взгляды польского историка М. Стрыйковского, обширную цитату из которого он приводит. Из нее следует, что Стрыйковский шел по пути компиляции наличных точек зрения и соединял легенду о Палемоне из литовских летописей

⁴ На этом основании он считал ошибочным утверждение, будто бы название Русь произошло от варяжских князей. Он указывал на то, что летописи «прежде Рюрика народ русь именуют» и «Нестор при Ольге руссов от варяг и славян различил, следственно, особый народ». В своих примечаниях он подчеркивал, что Нестор, за исключением одного места, «всюду варяг, русь и славян различает». См.: [23, с. 204, прим. 49; с. 208, прим. 62].

с прусской гипотезой происхождения варягов, отягощая эту историческую конструкцию собственными соображениями по образцу Герберштейна. Стрыйковский полагал, что три варяжских князя, призванные русскими, были из рода Палемона или Публия Либана, князя римского. Область Варагия или Верагия (на границе Италии и Франции) была некогда римской провинцией и, может быть, Палемон пришел из той провинции в Пруссию, где стал именоваться князем Варагским, по своей первоначальной родине. Призванные русскими три брата были из рода этого Палемона Варагского. Татищев справедливо расценил эти искусственные построения как «явную басню» и привел свои контраргументы.

Во-первых, сами пруссы никогда не называли себя варягами, как не называли их варягами и русские. Действительно, автор летописного фрагмента о народах, живущих по Варяжскому морю, отчетливо различал пруссов и варягов: «ляхове же и пруси, чюдь приседают к морю Варяжскому. По сему же морю седают варязи...» [12, стб. 4]. Во-вторых, рассказ о Палемоне, прибывшем в Пруссию из Рима на пяти кораблях, по справедливому суждению Татищева, является выдумкой литовских летописей. Наличие латинских слов в литовском языке, которое сторонники прусской версии рассматривали как аргумент в пользу «римского» происхождения пруссов и литовцев, Татищев объяснял культурными, экономическими и военными контактами Юго-Восточной Прибалтики с Италией. Еще одним аргументом против этой гипотезы для Татищева послужило отсутствие сказания о выходе варягов из Пруссии «в старых хрониках»: «ни в каких старых хрониках сего, чтобы род Рюриков от прусов и от цесарей римских пошел, нет». Он правильно отмечал, что легенда о происхождении Рюрика от Пруса, якобы брата императора Августа, — позднего происхождения и появилась в летописях с XVI в. Ее появление он приписывал литовскому влиянию, идущему от выходцев из Литвы князей Глинских, родственников второй жены Василия III — Елены Глинской [22, с. 290–291, 307]. Безусловно, русская «августинская легенда» появилась на свет не без помощи литовской династической легенды о происхождении рода литовских князей от «князя Палемона», римского изгнанника, приплывшего в Пруссию из Рима. Надо отдать должное Татищеву: в отличие от М.В. Ломоносова, который проявил острожный скепсис в адрес этого историко-династического официоза («вероятности отрещись не могу, достоверности — не вижу») [14, с. 216], Татищев без обиняков называет обе легенды — и литовскую и русскую — «скасками» и «баснями».

Версии о шведском происхождении варягов Татищев посвятил несколько строк в своей «Истории», явно не считая ее основной и значимой. Собственно, так оно и было во времена первого русского историка, когда основными были славянская гипотеза Герберштейна и прусская концепция, извлеченная из поздних русских летописей и поддержанная авторитетом польских и немецких историков. Татищев оспаривал мнение, будто бы в пользу шведского происхождения варягов свидетельствует само название этого народа, которое произошло от германского «варг» или «варгионы», как именовались в древности шведы. Но *варг* значит «волк», в переносном смысле — «разбойник». В древности волками-разбойниками именовались не только шведы, но вообще любые пираты, те же финны или славяне (вильцы — волки), или «народ готический» варги из области

Варгиа [22, с. 291]. Таким образом, соглашаясь с такой этимологией слова «варяги» (на самом деле ошибочной), Татищев справедливо полагал, что вопроса об этнической принадлежности варягов она не разрешает и не дает основания видеть в них исключительно шведов.

Отвергнув таким образом и славяно-вагрийскую, и прусскую, и шведскую версию происхождения варягов, Татищев выдвинул тезис, будто бы варяжские князья были призваны из Финляндии: «Подлинное же пришествие их является из Финляндии от королей или князей финляндских» [22, с. 291]; «Нестор ... не иначе как финов под именем варягов руссов разумеет» [23, с. 204, прим. 46]. Чтобы подвести источниковую базу под свое представление о варягах как финском племени, историк не постеснялся внести собственные коррективы в текст Нестора. Известный летописный фрагмент о народах, проживающих по Варяжскому морю, он приводит в своей «Истории Российской» в таком виде: «Ляхове же, боруси и чюдь приседят к морю Варяжскому. По сему же морю к востоку обитают варяги и емь до предела Симова» [23, с. 25]. На самом деле в тексте летописи о еми к востоку от ляхов и пруссов нет ни слова. В своих примечаниях к этому весьма вольно пересказанному им фрагменту Татищев заключает, что слова «к востоку обитают варяги» указывают на финнов, ибо, «кроме Финляндии, никоей области к востоку разуметь не можно, хотя и она от Руси более к северу, нежели к востоку лежит» [23, с. 194, прим. 2]. Однако это правильное наблюдение историка не остановило. Более того, в летописных словах «за море», откуда пригласили варягов, он видит подтверждение своей финской гипотезы: летописец «за море разумеет Ладожское озеро», а вовсе не Балтику. Основанием для такой трактовки послужил тот факт, что Ладожское озеро финны называют Венее мери — «Русское море». Незнание этого факта «несведущим дало причину сих князей в Пруссах и в Вандалии далеко за морем искать» [23, с. 204, прим. 45; 22, с. 230, прим. 47].

Еще одно подтверждение своей догадке о варягах-руссах из Финляндии Татищев видит в топониме «Русская гора» вблизи г. Або (ныне г. Турку): «в Финляндии при Аbove была слобода руссов, от чего доднесь гора подле самого града называется Русская». Именно оттуда, по мысли Татищева, и пришел Рюрик со своими варягами: «Рюрик не из Швеции, ни Норвегии, но из Финляндии» [22, с. 291, 292]. Почему из всех варягов (то есть пиратов Балтики) именно финнов «Нестор» называл русью, Татищев объяснял тем, что среди финнов больше всего встречается рыжеволосых, а руссы по-сарматски означали «чермные» (то есть красные, рыжие) [22, с. 287, 291]. Поэтому варяги-руссы (то есть «рыжие варяги») — это именно финны. Финское происхождение варягов Татищев подкреплял также явно неславянскими именами варяжских князей и тем соображением, что неоднократное приглашение варягов в качестве наемников русскими князьями указывает на более близкое соседство, нежели со Швецией или Вагрией. Лучше всего в качестве такой соседней страны подходит Финляндия. Такова доказательная база «финской» концепции происхождения варягов В.Н. Татищева.

Таким образом, подход Татищева к решению варяжского вопроса отличался самостоятельностью и рациональностью. Он не пошел по пути повторения чужих мнений, а подверг их обоснованной и доказательной

критике. Однако придя к правильному выводу, что «не могли Рюрик з братиею славяне или вандалы быть, ниже из Прус, менее же из Италии произойти», первый русский историк не сумел выработать правильное научное решение «варяжского вопроса». Для такого решения современная ему наука еще не располагала достаточной фактической базой. Да и сам Татищев по примеру своих предшественников и современников прибегал к подгонке фактов к собственным схемам.

Так, «к востоку» от ляхов и пруссов по Варяжскому морю у Татищева находится Финляндия, хотя он и сам удивлялся своему географическому открытию: ведь Финляндия к северу, а не к востоку от Балтики. Около финского города Або была русская слобода, от которой осталось название Русская гора. Там, по мысли Татищева, жила русь, имевшая войско из варягов-русов (т.е. финнов). Но когда возникло это название, какова его хронологическая глубина — подобные вопросы Татищев не задает. Выражение «за море» он трактует «за Ладожское озеро, в Финляндию». Но за Ладожским озером находилась не Финляндия, а Карелия; с древности там жили не финны, а карелы, которые с финнами находились в весьма враждебных отношениях. И финноязычное название Ладоги *Veneenmere* означает «Венедское море», а не «Русское море». Когда венеды стали отождествляться у финноязычных групп с русскими и, соответственно, Венедское море было переосмыслено как Русское — вопрос нерешенный.

Критика Татищевым прусской гипотезы — в том виде, в каком она существовала в его время, — вполне оправдана. До XVI в. в русских источниках пруссы не отождествлялись с варягами; наоборот, в древнейших списках Начальной летописи пруссы и ляхи (поляки) указаны как соседи варягов. Однако Татищев, как и другие историки, не учитывал того обстоятельства, что этническая карта Восточной Прибалтики в древности и раннем средневековье была гораздо более пестрой (на что указывают, например, семь разных названий одной и той же реки — Западной Двины: Турунт, Даугава, Двина, Дюна, Семигальзара, Вайно-йоки и Вина, ни одно из которых не является славянским) и не исчерпывалась теми группами, которые проживают там ныне. Варяги не были пруссами, но они проживали в Пруссии, о чем свидетельствует россыпь «варяжской» топонимики на территории современной Польши, западной Литвы и Калининградской области, то есть в районе польско-прусского поморья [39, с. 243; 28, с. 125; 29, с. 32].

В целом концепция финского происхождения варяго-русов Василия Татищева была далека от славяно-вагрийской гипотезы Герберштейна, которую до сих пор отстаивают современные российские антинорманисты. Татищев был решительным противником славянства варягов, причисляя их к финнам, и родину варяго-русов помещал в Финляндии, а не в славянском Поморье. В силу этого Татищева невозможно причислить не только к родоначальникам, но даже сторонникам современного антинорманизма.

Парадоксальность концепции происхождения варягов В.Н. Татищева заключается в том, что историк приходил к ошибочным выводам, исходя из сугубо рациональных и в целом правильных оснований. Славянство варягов он не допускал по весьма разумным причинам: неславянского характера варяжских имен, отсутствия названия Варяжское

море у европейских народов (включая западных славян) и дальности расстояния до Ютландского полуострова, что исключало возможность оперативной варяжской помощи русским князьям. Вполне рационально Татищев обосновывал и невозможность отождествления варягов с пруссами и шведами. Продуктивным подходом к решению проблемы следует признать привлечение топонимических данных, а также поиски варягов среди автохтонов Восточной Европы. Ошибочным звеном в цепи рассуждений Татищева было его представление об этих восточноевропейских автохтонах. Господствовавшие в науке того времени представления о финнах и сарматах как древнейшем населении на территории Русской равнины заставили отдать им предпочтение и увлекли его на путь исторического фантазирования.

Впрочем, финское происхождение варягов у Татищева было продиктовано не только научными соображениями, но и политическими интересами (как и их шведское происхождение у авторов-шведов). Русское государство еще с новгородских времен конкурировало со Швецией за территорию Финляндии. Завершивший Северную войну Ништадтский мир 1721 г. вернул России Карельский перешеек. В 1743 г., в результате очередной русско-шведской войны (1741–1743 гг.), был заключен Абоский мир, который передвинул русско-шведскую границу в Финляндии еще дальше к западу — до реки Кюмени. Финское происхождение Рюрика, его власть над финскими землями, резиденция вблизи г. Або, войско из варягов-финнов — были как нельзя кстати. Финские владения Рюрика освящали ореолом древности геополитические притязания современной Татищеву Российской империи. С точки зрения геополитических интересов российской державы финская версия была более дальновидным ходом, нежели славянская. Рюрик из Финляндии идеально обосновывал исторические права русских государей на спорные земли.

В пользу нацеленности финской версии на обоснование геополитических притязаний России свидетельствует и опубликованная Татищевым Иоакимовская летопись. В ней, в частности, говорится, что славянский князь Буриной воевал с варягами, много раз их побеждал и «обладал всю Бярмию до Кумени» [22, с. 108]. К этому месту Татищев делает примечание, что «Бярмия или Корелия тогда об реку Кимень с Финляндиею или Варягами граничила» [22, с. 115, прим. 17]. То есть древнейшая, по уверениям историка, летопись свидетельствует, что еще на заре русской государственности под властью славянских князей находились территории до реки Кюмени — именно до той реки, по которой прошла русско-шведская граница по Абоскому миру в 1743 году! Случайным такое совпадение назвать нельзя. «Сообщения» Иоакимовской летописи о поражении Буриной на р. Кюмени, его бегстве и смерти «во граде Бярмы» (Кореле), последовавшем вслед за тем обложением данью славян и руси варягами, по мнению Татищева, «точно показывают», что варяги — это не нордманы, как думал Байер, а финны [22, с. 115, прим. 19]. Таким образом Иоакимовская летопись в точности «подтверждала» и финское происхождение варягов, и русскую юрисдикцию земель вплоть до р. Кюмени, по которой, оказывается, еще в древности проходила граница между русскими и варяго-финскими землями. Не потому ли историки так

тщательно избегали касаться варяжской темы у Татищева, что слишком очевидна политическая заданность его историко-идеологической конструкции, которая с головой выдает подложный характер Иоакимовской летописи⁵? Будучи не столько ученым заблуждением, сколько созданием политического идеолога, финская концепция происхождения варягов Татищева не нашла продолжения. Поддержанная только И.М. Стриттером и И.Н. Болтиным, она осталась маргинальным эпизодом в более чем 450-летней традиции варяжского вопроса, несмотря на заложенные в ней рациональные основания.

Список источников

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII в.). Москва: Наука, 1976. 455 с.
2. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX вв.). Москва: Наука, 1985. 271 с.
3. Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1965. 584 с.
4. Верхотуров Д.Н. Три века спора о варягах. Летопись и варяги. Москва: Вече, 2020. 320 с.
5. Калыгин В.П. Язык древнейшей ирландской поэзии. Москва: Наука, 1986. 127 с.
6. Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. Изд. 2-е. испр. и доп. Москва: КомКнига, 2006. 272 с.
7. Карнаухов Д.В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск: Изд-во НПГУ, 2010. 291 с.
8. Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. Москва: Мысль, 1989. С. 185–233.
9. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // Геденов С.А. Варяги и Русь. Москва: Русская панорама, 2004. С. 576–620.
10. Кузьмин А.Г. Тайны рождения русского народа // Изгнание норманнов из русской истории. Москва: Русская панорама, 2010. С. 137–307.
11. Кузьмин А.Г. Татищев. Москва: Молодая гвардия, 1981. 351 с.
12. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Москва: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
13. Лики Ирландии. Книга сказаний / пер., сост., коммент. С. Шабалова. Москва, Санкт-Петербург: Летний сад, 2001. 286 с.
14. Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Москва; Ленинград: АН СССР, 1952. С. 163–286.
15. Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. Москва: Иностранная литература, 1954. 534 с.
16. Орбини Мавро. Славянское царство. Происхождение славян и распространение их господства. 3-е изд. Пер. Ю. Куприкова. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 576 с.
17. Петрей П. История о Великом княжестве Московском / пер. с нем. А.Н. Шемякина. Москва, 1867. 575 с..
18. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Ленинград: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1961. 275 с.
19. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 2. Ленинград: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1965. 344 с.

⁵ А.П. Толочко в своей монографии о хитроумном русском историке со ссылкой на исследование М. Горлина приводил «финские» сюжеты Татищева в качестве наглядных примеров, неопровержимо изобличающих поддельный характер Иоакимовской летописи. Приписать основание Выборга Гостомыслу и провести варяжско-славянскую границу по реке Кюмени мог только русский современник Ништадтского и Абоского договоров, заинтересованный в обосновании прав Российской империи на эти территории. См.: [25; 222–224]. Поэтому убеждение ряда дореволюционных и современных историков, будто бы у Татищева не было никаких мотивов для создания такого рода фальсификата, является следствием политической наивности.

20. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. Москва: Госполитиздат, 1941. 659 с.
21. Скляренко В.Г. Русь і варяги: Історико-етимологічне дослідження. — Київ: Довіра, 2006. 119 с.
22. Татищев В.Н. История Российская. В 7 т. Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР, 1962. 500 с.
23. Татищев В.Н. История Российская. В 7 т. Т. 2. Москва; Ленинград: АН СССР, 1963. 352 с.
24. Тихомиров М.Н. Русская историография XVIII века // Вопросы истории. 1948. № 2. С. 94–99.
25. Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. Москва, Киев, 2005. 544 с.
26. Федотова П.И. Варяжские имена: от мифов к действительности // Восточно-европейский научный журнал. № 55. Март. 2020. Ч. 2. С. 40–51.
27. Федотова П.И. Названия Балтийского моря в русских средневековых источниках: монография / отв. ред. Н.В. Колпакова. Санкт-Петербург: БАН, 2022. 120 с.
28. Федотова П.И. «Семо къ вѣстоку до предела Симова...»: к проблеме местожительства летописных варягов // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Вып. 7. Санкт-Петербург: БАН, 2023. С. 118–130.
29. Федотова П.И. К проблеме этнической принадлежности летописной води // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Вып. 8. Санкт-Петербург: БАН, 2023. С. 26–35.
30. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. Москва: Русская панорама, 2005. 488 с.
31. Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории. — Москва: Русская панорама, 2010. С. 339–512.
32. Хлевов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1997. 108 с.
33. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. Москва: Изд-во МГУ, 1957. 307 с.
34. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. 2-е изд. Москва: Культура, 1993. 761 с.
35. Шольц Б. Варяжский вопрос в Записках Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии России // Скандинавские чтения 1998 года. Санкт-Петербург: Наука, 1999. С. 194–204.
36. Шольц Б. Немецко-русский полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской академии // Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур. Москва: Наука, 2000. С. 105–116.
37. Holder A. Altceltischer Sprachschatz. II. Leipzig, 1904. 2026 стб.
38. Morlet M.-Th. Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du VI-e au XII siècle. I. Paris, 1968. 237 p.
39. Rudnicki M. [Рецензия.] H. Janichen. Die Wikinger im Weichsel- und Odergebiet // Slavia Occidentalis. Tom 17. Poznan, 1938. S. 223–269.

FEDOTOVA P. V.N. Tatishchev and the «Varangian question»

Fedotova Polina — Candidate of Philosophical Sciences, an independent researcher
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines V.N. Tatishchev's views on the problem of the origin and homeland of the Varangians, which, as a rule, fall out from historiographical reviews on the «Varangian question». Tatishchev showed independence in solving this issue and subjected the hypotheses that existed at that time to evidential criticism: Slavic-Vagrian, Prussian and Swedish. The author shows that Tatishchev's «Finnish» concept was based not only on scientific, but also on political motives.

Key words: Russian historiography, Varangian question, V.N. Tatishchev, «Finnish» concept of the origin of the Varangians.

В.В. Митрофанов

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ О ГЕОГРАФИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ УЧЕБНИКА ПО ИСТОРИИ С.Ф. ПЛАТОНОВА

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры «Гражданско-правовых дисциплин»

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Вводятся в научный оборот неизвестные факты и сведения о востребованности учебника по истории выдающегося ученого С.Ф. Платонова (1860–1933) в образовательном процессе. Показана география его распространения среди передовых преподавателей в столичных и провинциальных учебных заведениях.

Ключевые слова: Сергей Платонов, «Учебник русской истории», учебные заведения, заказы, «Торговый дом братьев Башмаковых», архивный документ.

Известно, что С.Ф. Платонов после окончания университета не один год работал в ряде учебных заведений: гимназии Нейдгард (начал, еще будучи студентом), Петровском училище, Александровском лицее, Высших Женских (Бестужевских) курсах, Историко-филологическом институте. По заданию Ученого комитета Министерства народного просвещения, членом которого был с 19 декабря 1890 г., он написал не один десяток отзывов и рецензий на учебники, хрестоматии, пособия, атласы по истории. При Женском педагогическом институте, с момента организации которого в 1903 г. он стал директором, успешно функционировала Константиновская гимназия. Был знаком с видными деятелями педагогики, учителями-практиками. Одним из его близких друзей с университетской поры был К.А. Иванов — педагог-методист, историк, директор ряда гимназий, автор пособий по истории.

Многие проблемы в организации системы образования выявила комиссия по реформированию средней школы, где С.Ф. Платонов возглавлял подкомиссию по составлению программ по истории и учебного плана для школы общего типа [1]. Все эти обстоятельства способствовали написанию им «Учебника русской истории» [2;3], явившегося итогом многолетней педагогической деятельности автора, знакомого с недостатками существовавших учебников. Лидером того времени по выпуску и переизданию своих «Кратких очерков русской истории, приспособленных к курсу средних учебных заведений» был Д.И. Иловайский, переиздавший их в течение 1860–1916 гг. 44 раза. Кроме него в педагогической среде пользовались популярностью систематические курсы русской истории С.М. Соловьева, С.Е. Рождественского, П.Н. Полевого, И.М. Катаева и др.

Учебник по истории — это не простая формальность, это, по сути, помощник, который формирует мировоззрение ученика, а порой и само-

го учителя. В этой связи обратимся к замечательной мысли И.М. Гревса, выдающегося современника С.Ф. Платонова. Работая в упомянутой комиссии по реформированию школы, 20 ноября 1902 г. он писал руководителю подкомиссии: «мы убеждены только, что одно правдивое объективное изучение истории может дать ученику полезные знания об обществе, и полагали, что в изучении истории отечественной шовинизм в преподавании только подорвет любовь к родине и обратит ее в пустое слово. В этом смысле мы утверждаем, что наши программы и объяснительные записки не противоречат цели, которую должна преследовать национальная школа и не заключают в себе такого космополитизма, который препятствовал бы развитию в ученике средней школы здравого патриотизма, привязанности к родине, уважения к ее заветам и к сознанию долга ей служить» [4, д. 2714, л. 36 об.]. Насколько остается актуальным это мнение, подтверждает созвучный с ним тезис, высказанный президентом РФ В.В. Путиным еще в 2003 г.: «Конечно, это неплохо, что у нас появилось большое многообразие литературы подобного рода... но авторы сегодня впадают в другую крайность и игнорируют тему патриотизма, вместо того чтобы воспитывать чувство гордости у учеников» [5].

Первая часть учебника С.Ф. Платонова вышла из печати в 1909 г., вторая — в следующем. Изложение материала в нем доведено до правления Александра III. Он вобрал в себя главные моменты, на которые обращал внимание С.Ф. Платонов, составляя рецензии на книги своих предшественников: лаконичность, простота и красота языка изложения, четкий отбор и изложение фактов и событий, логичность расположения материала, удобство для изучения, научность, опиравшаяся на последние достижения отечественной исторической науки. В конце частей помещены родословные таблицы и хронология событий, а также вопросы по пройденному материалу. Этот учебник, наряду с «Кратким пособием по русской истории» В.О. Ключевского, был либерального направления и получил высокие оценки профессионального сообщества.

Сегодня прежние учебники по истории являются объектом изучения, появились многочисленные диссертационные исследования (И.В. Бабич, А.Я. Орловский, Н.Е. Поваляева, Т.А. Володина, Л.Е. Руднева, А.Н. Фукс), опубликованы десятки статей.

Публикуемые ниже сведения относятся к моменту выхода учебника из печати. Они хранятся в личном фонде С.Ф. Платонова [4, д. 998, 1000–1003] и не привлекали внимание исследователей. Это короткие письма, часто на почтовых карточках, тексты, в абсолютном большинстве однотипные, которые представляют собой заказ на почтовую отправку учебника С.Ф. Платонова с указанием адреса и получателя (например, «Прилагая на 35 коп. почтовых марок, прошу издательство выслать мне «Учебник русской истории» проф[ессора] Платонова, обе части, по след[ующему] адресу»). Часть писем составлены на бланках учебных заведений, подписанных директорами.

Письменные заказы систематизированы и разделены по папкам, сформированным по количеству и датам: за 29 марта — 31 марта 1910 г. — 50 штук; 1 апреля — 6 апреля 1910 — 50 шт.; 7 апреля — 30 апреля

1910 — 53 шт.; 1 мая — 30 мая — 54 шт. Как видим, за три месяца было собрано более двухсот заявок.

Реализацией учебника занимался «Торговый дом братьев Башмаковых», имевший свою типографию. В одном из писем из Одессы, без указания обратного адреса, описан механизм распространения информации о новых книгах: «Мужская прогимназия. Месяца 2–3 тому назад издательскою фирмою «Бр[атья] Башмаковы» мне прислано печатное объявление о выходе в свет учебника по русской истории проф[ессора] Платонова. В объявлении было сказано, что преподаватели, желающие получить оба выпуска этого учебника в переплетах для ознакомления, должны выслать 35 коп. почтовыми марками. Но так как марки могли бы потеряться в пути, я предпочел выслать 35 коп. переводом по почте. Однако, я до сих пор учебника Платонова не получил, вместо чего мне прислана новая реклама от «Торгового дома К.Я. Башмакова». Неисполнение данных обещаний является самую существенную рекламою — только в обратном смысле» [4, д. 1002, л. 33]. Упомянутые 35 коп. за пересылку встречаются и в других письмах. Поступавшая информация оперативно обрабатывалась, и книги высылались по указанному адресу. После ознакомления преподавателей с полученным учебником делался заказ для учащихся или учебного заведения. О масштабах продажи учебника можно судить

по следующим сведениям: Первая часть учебника в 1909 г. была реализована в сентябре в количестве 1779 экз., в октябре — 853, в ноябре — 232, в декабре — 175. Всего за два года было отправлено 4516 экземпляров на сумму 4064 руб. 40 коп. Следовательно, цена одного экземпляра составляет 90 коп. Вторая часть начала реализовываться с января 1910 г., тогда было продано 5 экземпляров, в феврале — 50, итого 55 экземпляров на 49 руб. 50 коп. [4, д. 1004, л. 2], т.е. цена, как и за экземпляр 1-ой части.

При внимательном знакомстве и анализе заказов получаем интересные сведения о развитии системы образования в России в начале XX в. В частности, можно назвать основные виды учебных заведений:

1. Гимназии: по уровню (губернские и уездные), по полу обучающихся (мужские и женские); по ведомственной принадлежности (ведомство учреждений императрицы Марии, министерство народного просвещения, духовные); по организационно-правовой форме и финансированию (казенные, земские, городские, частные); учрежденные в честь представителей династии: Татианинская (в честь княжны Татьяны Николаевны, первой дочери Николая II), Александровская (в Сумах, в честь русского императора Александра III); по профессиональной направленности выпускников — учительские.

2. Училища: коммерческие 7-классные, реальные, средне-технические, средние сельскохозяйственные, городские, женские, женские 4-классные, епархиальные.

3. Учительские семинарии.

4. Учительские институты, институт благородных девиц.

5. Прогимназии: женские и мужские, 6-классные.

Многообразие видов учебных заведений является важным показателем роста их числа, свидетельствует о потребности населения в образо-

вании, росте количества грамотных людей в начале XX века. В крупных городах насчитывалось несколько учебных заведений, в отдельных уездных городах, хотя и не в каждом, — по одному.

Поражает география заказов учебника С.Ф. Платонова — она охватывает территорию всей Российской империи: от Благовещенска на Востоке и Енисейска в Восточной Сибири до городов царства Польского и Измаила на Западе, от Верного и Баку на Юге до Великого Устюга и Вологды на Севере.

Обращаясь к дополнительной литературе, можно уточнить сведения об образовании учителей, делавших заказы: Е.Н. Аниров из Саратова окончил полный курс Санкт-Петербургского историко-филологического института, А.В. Зверев из Перми окончил Петербургский университет, И.В. Голубев из Кинешмы окончил курс в Московской Духовной Академии со степенью кандидата богословия, А.И. Коржавин из Пскова окончил Петербургскую духовную академию кандидатом богословия, А.И. Сеницкий из Симферополя — выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета, К.Г. Дорынин из Рославля обучался на историко-филологическом факультете Московского университета, В.А. Малченко окончил историко-филологический факультет Киевского университета св. Владимира, Ф.К. Сахаров окончил Казанскую духовную академию, В.А. Образцов из Великого Устюга окончил Санкт-Петербургскую духовную академию с ученой степенью кандидата богословия, И.И. Красковский из Вильно окончил Петербургский университет. Следовательно, процесс наполнения провинции педагогами, имеющими прекрасное образование, шел, хотя и не быстрыми темпами. Были и такие именитые учителя как П.А. Конский из Самары, впоследствии работавший в Александровском лицее, Морском Корпусе в Санкт-Петербурге и сотрудничавший с составителями словаря Брокгауза и Ефрона; А.К. Кабанов из Нижнего Новгорода, член Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, редактировал ее печатный орган, известный краевед. Следует назвать и ставших выдающимися ученых — члена-корреспондента Академии Наук СССР нижегородца С.И. Архангельского, преподававшего в то время в Мариинской женской гимназии, и М.К. Любавского — ректора Московского университета, с 1908 по 1917 гг. преподававшего в Медведниковской гимназии в Москве, избранного академиком.

Целый ряд учителей, проявивших интерес к новому учебнику, были авторами книг о своих учебных заведениях, например, А.В. Захаров из Владимира, А.С. Агринский из Симбирска, Б.В. Скитский из Винницы, Ф.В. Локоть из Луганска и др.

Для С.Ф. Платонова было значимо, что в числе приславших заявки были женщины: Е.Н. Петрова из Саратова, О.О. Быстро из Златополя, М.М. Дмитриева из Екатеринослава, И.А. Максимович из Харькова, Е. Трегубова из Киева, А.И. Трещина из Измаила. Это важное свидетельство того, что в системе образования России увеличивалось количество женщин, имевших педагогическое образование. Этому способствовали выпускницы Высших курсов, Женского педагогического института, учительских институтов. Следует заметить, что среди открывавших частные гимназии было немало и женщин.

Названия городов и губерний дает возможность обратиться к истории административного деления государства. Обращает на себя внимание обилие заказов из регионов, недавно вошедших в состав России.

Таким образом, сухие письменные тексты заказов на учебник С.Ф. Платонова являются ярким свидетельством авторитета его имени. Педагоги же предстают яркими личностями, использующими в учебном процессе новинки педагогической литературы. Показан интересный механизм работы торговых и издательских предприятий по привлечению потенциальных покупателей. Сведения о географии распространения учебника являются, пожалуй, первыми из подобной информации. В 1918 г. учебник С.Ф. Платонова вышел 10-м изданием. В современной России он активно рекомендуется и используется как учителями, так и обучающимися, об этом свидетельствуют его многочисленные переиздания. Важны и лаконичные сведения о преподавателях и учителях, которые можно использовать для краеведческой работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Области распространения учебника С.Ф. Платонова

- Вильна.** Преподаватель русского языка гимназии и учитель приготовительного класса 2-й гимназии. В. Кондратьев.
- Двинск.** Директор семиклассного коммерческого училища А.И. Сахарова Ал. Сахаров.
- Новгород.** Преподаватель мужской гимназии. Влад. М. Иванов.
- Рогачев.** Преподаватель реального училища Петр Кириллович Людковский.
- Борисоглебск** Тамбовской губернии. Преподаватель истории мужской гимназии А. Замятин.
- Преподаватель коммерческого училища, духовной семинарии и инспектор гимназии Александр Алекс. Красовский.
- Кельце** — губернский город. Коммерческое училище. Историк Георгий Михайлович Скробанский.
- Жмеринка,** Подольская губерния. Мужская гимназия. Дмитрий Косьмич Вишневский.
- Ярославль.** Мужская гимназия. Алексей Матвеевич Лебедев.
- Воронеж.** Преподаватель истории в среднетехническом училище Ф.А. Дорошевский.
- Курск.** Мужская гимназия. Преподаватель истории А.В. Чикунский.
- Рыбинск,** Ярославская губерния. Преподаватель мужской гимназии Константин Егорович Лебедев.
- Борисоглебск.** Мужская гимназия. Преподаватель истории Г.И. Ющенко.
- Чугуев** Харьковской губернии. Мужская гимназия. М.С. Карташев.
- Устюжна** Новгородской губернии. Председатель Педагогического совета женской гимназии Иван Яковлевич Радецкий.
- Люблино.** Женское коммерческое училище г-жи Лятосинской. Преподаватель русского языка и истории Н.В. Крыленко.
- Ковно.** Коммерческое училище. Преподаватель истории Григорий Николаевич Юшков.
- Владимир** — губернский город. Мужская гимназия. Учитель истории Андрей Владимирович Захаров.
- Орлов.** Татианинская гимназия А.О. Канаевой.
- Брест-Литовск.** Гродненская губерния. Преподаватель истории в гимназии Е.И. Тарасовой П.Я. Дубовый.

- Сумы.** Александровская гимназия. И.И. Вернер, преподаватель истории.
- Саратов.** 2-я женская гимназия. Преподавательница Екатерина Николаевна Петрова.
- Аткарск** Саратовской губернии. Преподаватель Александровского реального училища Е.Н. Аниров.
- Зарайск.** Преподаватель истории в реальном училище и женской гимназии Вас.Павл. Проселков.
- Измаил.** Преподаватель истории женской гимназии Виктор Иванович Адлер.
- Пермь.** Преподаватель мужской гимназии А.В. Зверев.
- Пинск** Минской губернии. Преподаватель реального училища В. Добровольский.
- Самара.** Коммерческое училище. П.А. Конский.
- Кинешма,** Костромская губерния. Реальное училище. Преподаватель истории Иван Васильевич Голубев.
- Псков.** Преподаватель губернской мужской гимназии. А. Коржавин.
- Галич,** Костромская губерния. Мужская гимназия. Преподаватель истории И.Н. Обновленский.
- Вологда.** Мужская гимназия. Преподаватель истории Николай Н. Кабулович.
- Симферополь.** Преподаватель-инспектор гимназии А.И. Сеницкий.
- Варшава.** 3-я мужская гимназия. Директор К.Н. Некрасов, преподаватель Л.Л. Истрин.
- Стародуб.** Черниговская губерния. Учитель гимназии Николай Павлович Сербин.
- Рославль.** Мужская гимназия. Преподаватель и исполняющий обязанности инспектора К.И. Дорынин.
- Орел.** Александровское училище. Преподаватель истории П.Н. Волков.
- Славянск** Харьковской губернии. Реальное училище С.Ф. Мельников-Разведенков.
- Саратов.** 1-е реальное училище. Преподаватель истории А.С. Закусин.
- Пермь.** Мужская гимназия. Преподаватель истории Михаил Семенович Михайлов.
- Каменец-Подольск.** Мужская гимназия. Преподаватель А.Ф. Макушин.
- Ченстохова.** Петроковская губернская мужская гимназия. И.И. Лапида.
- Люблин.** Учитель мужской гимназии Михаил Матвеевич Козловский.
- Симбирск.** Преподаватель мужской гимназии А.С. Агринский.
- Орел.** Преподаватель истории 1-й гимназии Аркадий Николаевич Ильинский. Преподаватель истории В.А. Владимиров.
- Одесса.** Коммерческое училище. Г. Вандрачек.
- Ярославль.** Мужская гимназия. Преподаватель истории В. Корсунский.
- Местечко Златополь,** Киевская губерния. Преподаватель гимназии Воинов, преподавательница женской гимназии О. Быстри [...].
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 988. Л. 1–50.
- Мариуполь** Екатеринославской губернии. Преподаватели гимназии В.Е. Остославской, С.Ю. Шереметов.
- Николаев,** Херсонская губерния. Александровская классическая гимназия. Виталий Храпко.
- Шуя,** Ивановская губерния. Преподаватель гимназии Алексей Николаевич Овсянников.
- Выборг.** Русское реальное училище. Преподаватель истории Ив. Ив. Симонов.
- Кишинев.** Гимназия Фидлер. Павел Игнатьевич Хобец.
- Орлов.** Вятская губерния. Реальное училище. Е.М. Тихоницкий — инспектор реального училища.
- Варшава.** Краковское предместье, 36. 6-я мужская гимназия. Петр Артемьевич Несторов.
- Ялта.** Александровская гимназия. Подпись¹.
- Сарапуль.** Вятская губерния. Преподаватель истории в реальном училище. М.П. Скворцов.
- Херсон.** Частное семиклассное коммерческое училище В.Д. Колесова. И.о. директора В. Колесов.
- Житомир.** 2-я гимназия. Г.Н. Кочергов.

¹ На бланке директора. Директором гимназии в 1908–1913 гг. был Н.М. Гутьяр.

- Сердобск.** Саратовская губерния. Преподаватель реального училища Василий Михайлович Макаров.
- Ирбит.** Мужская гимназия. Директор и вместе преподаватель истории /подпись/ [Константин Александрович Белавин].
- Херсон.** Мужская прогимназия. Д.Е. Васильев.
- Ялта.** Таврическая губерния. Преподаватель гимназии Иван Несторович Загордан.
- Владикавказ.** Реальное училище. Инспектор Н.Т. Горбунов.
- Брест-Литовск.** Гродненская губернская мужская гимназия. Николай Васильевич Прошляков, он же преподаватель частной женской прогимназии М.Н. Гришковой.
- Белгород.** Курский губернский учительский институт. Д.В. Солодов.
- Одесса.** Женская гимназия С.А. фон Гирш-Брамм (угол Лютеранского переулка и улицы Новосельского). Преподаватель истории С.И. Сокольниковский.
- Золотоноша.** Преподаватель женской гимназии Евг.Сем. Богуслав.
- Омск.** Акмолинская область. Преподаватель мужской гимназии Аполлон Яковлевич Вялвех.
- Елец.** Орловская губерния. Преподаватель Елецкой мужской гимназии Тихон Павлович Покровский.
- Кострома.** И.М. Студицкий — преподаватель в двух учебных заведениях.
- Пермь.** Казенная гимназия. Инспектор Ф. Яновский.
- Тамбов.** Канцелярия совета Александровского института благородных девиц. Преподаватель Р.Ф. Вольф.
- Глухов.** Черниговская губерния. Преподаватель истории в мужской гимназии Василий Андреевич Малченко.
- Харьков.** Екатеринославская женская гимназия. Преподаватель Е.Н. Голубниченко.
- Житомир.** Вольнская губернская 1-я мужская гимназия. Преподаватель А.Ф. Гораин.
- Псков.** Кресты. Преподаватель среднего сельскохозяйственного училища Леонид Алексеевич Вехновский.
- Т[емир]-Х[ан] Шура.** Дагестанская область. Преподаватель истории в реальном училище Дмитрий Евгеньевич Поцхверов.
- Баку.** Мужская гимназия императора Александра III. Преподаватель истории А.И. Сергеев.
- Новомыск.** Екатеринославская губерния. Преподаватель мужской прогимназии А.А. Попов.
- Херсон.** Мужская гимназия. Преподаватель истории К.К. Долниг.
- Гродно.** Женская гимназия. Д.М. Милютин.
- Москва.** Женская учительская гимназия. Петр Михайлович Минин.
- Рогачев.** Могилевская губерния. Учительская семинария. Николай Петрович Путилицев.
- Торжок.** Учительская семинария. Наставник истории Николай Одинцов.
- Владимир.** Федор Кузьмич Сахаров — преподаватель гражданской истории.
- Тамбов.** Реальное училище. Преподаватель истории Сергей Иванович Соколов.
- Тифлис.** Александровский учительский институт. Преподаватель истории Валентин Васильевич Добрант.
- Мариуполь.** Екатеринославская губерния. Женская гимназия. Преподаватель истории А.Ф. Пастерманов.
- Станица Нижне-Чирская.** Область Войска Донского. Реальное училище. Преподаватель истории и географии Георгий Богородицкий.
- Красноярск.** Енисейская губерния. Преподаватель гимназии В.А. Смирнов.
- Юрьев.** Учительская семинария. Васильков.
- Карачев.** Орловская губернская учительская семинария. Наставник Степанов.
- Баку.** Преподаватель мужской прогимназии Сергей Константинович Белоросов.
- Холм.** Люблинская губерния. Учительская семинария.
- Александров.** Харьковская губерния. Преподаватель гимназии Андрей Демьянович Машеров.
- Казань.** Императорская 1-я гимназия. Преподаватель истории М.О. Ковалевский.
- Астрахань.** Женская гимназия Н.С. Шавердовой. Преподаватель истории А.В. Зарастров.

- Белосток.** Реальное училище. Преподаватель истории Николай Цветков.
- Баку.** Преподаватель истории реального училища Владимир Алексеевич Рогачев.
- Кременчуг.** Полтавская губерния. Преподаватель истории реального училища Митрофан Иванович Павловский.
- Псков.** Сергей Покровский — преподаватель духовной семинарии и епархиального женского училища.
- Екатеринослав.** Женская гимназия Петровой. Преподаватель истории старших классов Мария Матвеевна Дмитриева.
- Одесса.** Ришельевская гимназия. Преподаватель И.А. Михалюков.
- Минск.** Женская прогимназия. И.В. Шмальц.
- Чистополь.** Женская гимназия. Алексей Алексеевич Юзеев.
- Елисаветград.** Херсонской губернии. Реальное училище. Преподаватель истории В.К. Тарганович.
- Ананьев.** Херсонская губерния. Мужская гимназия. Н.П. Коровяков.
- Москва.** Гимназия имени И. и А. Медведниковых. Профессор Московского университета Матвей Кузьмич Любавский.
- Екатеринбург** Кубанской области. Городская мужская гимназия. Николай Александрович Галак.
- Климовичи.** Учитель П. Гурин.
- Радом.** Преподаватель мужской гимназии Борис Васильев.
- Сосновиц.** Директор реального училища Л. Дьяконов.
- Каменец-Подольск.** Мариинская гимназия. Преподаватель А.С. Боголепов.
- Ростов-на-Дону.** Мужская гимназия. А.С. Лихаревский.
- Тирасполь.** Херсонская губерния. Женская гимназия. Е.В. Шаблювский.
- Нижний Новгород.** Мужская гимназия. Андрей Киприанович Кабанов.
- Великий Устюг.** Женская и мужская гимназии. Владимир Алексеевич Образцов.
- Рогачев,** Могилевская губерния. Наставник учительской семинарии М.Л. Прежеронсов.
- Кутаиси.** Мужская гимназия. Д.И. Сигаев.
- Калиш.** Реальное училище. Преподаватель истории Е.А. Матвеев.
- Орехов.** Таврическая губерния. Преподаватель истории реального училища П.Я. Яблонский.
- Симферополь.** Казенная мужская гимназия. Леонтий Осипович Плотницкий.
- Одесса.** Херсонская губерния. Преподаватель Ришельевской гимназии Александр Андреевич Пеццоло.
- Одесса.** Гимназия Малярова. В.И. Маляров.
- Мариуполь.** Екатеринославская губернская мужская гимназия. Павел Яковлевич Беляев.
- Нижний Новгород.** Коммерческое училище. Н.А. Саввин.
- Екатеринодар.** Кубанское Александровское реальное училище В. Селецкий.
- Винница.** Подольская губерния. Реальное училище. Преподаватель истории Борис Васильевич Скитский.
- Петропавловск.** Акмолинская область. Реальное училище. С.И. Сергеев.
- Шуша.** Елизаветпольской губернии. Реальное училище. В.А. Клаус.
- Бауск,** (Курляндская губерния). Городское училище. М.И. Шталь.
- Саратов.** 1-е реальное училище. Леонид Константинович Патрушев.
- Самара.** 2-я мужская гимназия. Павел Ипполитович Тумилович.
- Нижний Новгород.** Владимирское реальное училище. В.М. Федоров.
- Воронеж.** Коммерческое училище. А.В. Шпольский.
- Киев.** Владимир Михайлович, гимназия Е.С. Евсеевой
- Ромны.** Полтавская губерния. Реальное училище. Преподаватель истории Н.М. Сысоев.
- Петровск,** Саратовская губерния. Дмитрий Михайлович Бурцев.
- Барнаул,** Томская губерния. Реальное училище. Михаил Платонович Логиневский.
- Нижний Новгород.** Мужская 6-классная прогимназия, Дмитрий Васильевич Гармонин.
- Харьков.** Коммерческое училище Р.Я. Орловской. Ида Апполоновна Максимович.
- Благовещенск.** Мужская гимназия. Борис Николаевич Камбек.

- Верный**, Семиреченская область. Федор Михайлович Сологуб.
Мелитополь, Таврическая губерния. Реальное училище. К.З. Балтаго.
Одесса. Гимназия Гореевой. Владимир Степанович Филиппов.
Нижний Новгород. Мариинская женская гимназия. Преподаватель истории Сергей Иванович Архангельский.
Карачев. Гимназия. Александр Иванович Сахаров.
Астрахань. Мужская гимназия. Арсений Алексеевич Дроздов.
Петропавловск. Акмолинская область. Реальное училище А.В. Баталин.
Мариуполь, Екатеринославская губерния. Александровская гимназия. Сергей Михайлович Зайцев.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1001. Л. 1–54.
Владикавказ. Терская область. 2-е реальное училище. А.А. Яковенко.
Кременчуг. Реальное училище. Г.В. Бабинский.
Петербург. Женская гимназия. Н.Н. Зворская.
Петербург. Гимназия императора Александра I. Преподаватель истории Г.А. Лучинский.
Саратов. 2-е реальное училище. Александр Александрович Соловьев.
Лигель. Витебская губерния. Мариинское женское 4-классное училище. Смотритель Т. Акимова.
Старая Русса. Алексеевское реальное училище. Б.П. Витте.
Кутаиси. Классическая гимназия. А.В. Добротин.
Елисаветград. Частное 7-классное мужское и женское коммерческое училище, учрежденное В.В. Бонч-Бруевич. Директор Л. Кейль.
Ростов-на-Дону. Мужская казенная гимназия. И.о. инспектора Владимир Петрович Иванов.
Вильно. Женская гимназия М.Н. Виноградовой. М.И. Хвалынский.
Одесса. Женская гимназия Министерства народного просвещения А.В. Горевой-Козленко. И.И. Григорьев.
Екатеринодар. Кубанская область. Реальное училище. А.Г. Саввинский.
Новгород. Реальное училище. Инспектор А.П. Кучинский.
Верхнеудинск. Забайкальская область. Реальное училище. А.Н. Шуневич-Жицкий.
Варшава. 3-я мужская гимназия. В.А. Погорелов.
Уфа. Реальное училище. Н. Надежуння.
Кострома. Реальное училище. Сергей Николаевич Попов.
Прилуки. Полтавская губерния. Мужская гимназия. А.А. Красин.
Воронеж. 2-я гимназия. Д.И. Щемеликову (на имя Платонова, Малая Посадская).
Одесса. Женская гимназия Белен-де-Баллю. Клавдий Сундульский.
Житомир. 1-я гимназия. М.А. Пучковский.
Екатеринодар. Кубанское Александровское реальное училище. И.А. Знаменский.
Луганск. Екатеринославская губерния. Женская гимназия. Владимир Иванович Симановский.
Луганск. Гимназия. Борис М. Быстров.
Ростов-на-Дону. Мужская гимназия. С.А. Никольский.
Киев. Фундуклеевская женская гимназия. Екатерина Трегубова.
Вильно. Гимназия Виноградова. Иван Игнатьевич Красковский.
Каменец-Подольск. Коммерческое училище. Преподаватель истории и русского языка. А. Устреженовский.
Шацк. Тамбовская губерния. Гимназия. Сергей Ильич Крюков.
Могилев губернский на Днепре. Гимназия. Учитель Козловский.
Одесса. Мужская прогимназия. М.Г.
Луганск. Мужская классическая гимназия. Ф.В. Локоть.
Ставрополь. Мужская гимназия. С.В. Фарфоровский.
Золотоноша. Полтавская губерния. Мужская гимназия. Иван Федорович Власовский.
Белев. Тульская губерния или Гомель Могилевская губерния. Прогимназия г-жи Сыркиной.
Кишинев. Женская гимназия Скоморовской. Александр Николаевич Новодворский.

Гурзуф. Таврическая губерния. Страшкевич Сергей Михайлович.
Пинск. Частная женская гимназия. Городское 4-классное училище. Д.Е. Кудлович.
Енисейск. Восточная Сибирь. Мужская гимназия. Николай Семенович Соболев.
Кишинев. 2-я мужская гимназия. Я.Н. Баскевич.
Измаил. Бессарабская губерния. Женская гимназия. Анна Иосифовна Трещина.
Нижний Новгород. Мужская гимназия. Николай Владимирович Юшков.
Ленчицк, Калишская губерния. Учительская семинария. Инспектор-руководитель Курденевский.
Шацк. Реальное училище. Сергей Васильевич Горицкий.
Бузулук. Реальное училище. В. Соболев.
Чернигов. Реальное училище. Вл.Иос. Круковский.
Новоузенск. Самарская губерния. Реальное училище. Иван Иванович Пилинчук.
Тамбов. Реальное училище. Вяч.Иосиф. Микшу.
Радом. Мужская гимназия. К. Богдановский.
Курск. Мужская гимназия. К.А. Андреев.
Уржум. Вятская губерния. Женская гимназия. Вен. Кувшинский.
Пинск. Минская губерния. Частная женская прогимназия. Т.И. Корытько.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1002. Л. 1–58.

Список источников

1. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и развитие истории образования в России (до 1917 г.). Лангепас-Екатеринбург, 2009. 200 с.
2. Платонов С.Ф. Учебник русской истории»: Курс систематический. Ч. I. до Петра Великого. Санкт-Петербург: БАН, 1909. 260 с.
3. Платонов С.Ф. Учебник русской истории»: Курс систематический. Ч. II. От Петра Великого. Санкт-Петербург, 1910. С. 261–490.
4. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 988; 1000-1004; Ч. 2. Д. 2714.
5. Еженедельная информационно-аналитическая рассылка «Сом. История. Общественное знание». Вып. от 1 декабря 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://som.fio.ru>

MITROFANOV V. Some facts about the geography of the distribution of the textbook on the history of S.F. Platonov

Mitrofanov Viktor — Professor of the Department of “Civil Law Disciplines” University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: viktor-n1962@mail.ru

ABSTRACT

Unknown facts and information about the relevance of the textbook on the history of the outstanding scientist S.F. Platonov in the educational process are introduced into scientific circulation. The geography of its distribution among advanced teachers in metropolitan and provincial educational institutions is shown.

Key words: Sergey Platonov, «Textbook of Russian History», educational institutions, orders, «Bashmakov brothers Trading House», archival document.

С.В. Перекрестова

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО: предварительные итоги

Перекрестова Софья Владимировна — ведущий библиотекарь, Отдел фондов и обслуживания
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: perekrestova_sofya@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье подводятся предварительные итоги работы по реконструкции личной библиотеки академика А.С. Лаппо-Данилевского. Внимание уделено не только известным на данный момент количественным показателям (числу выявленных изданий, разновидностей владельческих признаков и пр.), но и самому процессу реконструкции указанного книжного собрания. Даются некоторые предварительные обобщения относительно его особенностей.

Ключевые слова: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, личные библиотеки, личные библиотеки ученых, Библиотека Российской академии наук, владельческие признаки.

Известный русский историк, академик А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919 гг.) происходил из дворянской семьи. Его отец — С.С. Лаппо-Данилевский — был уездным предводителем дворянства, в 1873–1879 гг. — вице-губернатором Таврической губернии. В 1882 г. А.С. Лаппо-Данилевский окончил Симферопольскую мужскую гимназию, в 1886 г. — Историко-филологическое отделение Санкт-Петербургского университета. В 1890 г. он защитил магистерскую диссертацию по теме «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований», после чего начал свою преподавательскую деятельность в университете в должности приват-доцента. Работая в этом и других учебных заведениях, А.С. Лаппо-Данилевский вел курсы по экономической и социальной истории России с древнейших времен до XVIII в., историографии, источниковедению (в том числе по дипломатике частных актов, новаторской метод изучения которых он предложил), методологии и теории истории (одним из основоположников которых в России он стал) и т. д. В своих исследованиях А.С. Лаппо-Данилевский, помимо озвученных тем, также обращался к проблемам истории общественной мысли, политической истории России и др.

В 1899 г., в возрасте 36 лет, А.С. Лаппо-Данилевский был избран действительным членом Академии наук в звании адъюнкта. В 1902 г. стал экстраординарным, а в 1905 г. — ординарным академиком. Работая в Историко-филологическом отделении Академии наук, он занимался рецензированием научных трудов, представляемых соискателями присуждавшихся ею премий и наград. С определенного момента он фактически руководил всеми основными мероприятиями и проектами в своем отделении, прежде всего работой по выявлению и изданию исторических документов в рамках возобновленных или впервые им предложенных крупных проектов. Кроме того, А.С. Лаппо-Данилевский являлся чле-

ном, инициатором создания или председателем ряда научных обществ, членом Археографической комиссии и Постоянной исторической комиссии Академии наук.

Для того, чтобы составить общее представление о личной библиотеке А.С. Лаппо-Данилевского, следует отметить, что он был чрезвычайно эрудированным и преданным науке человеком. Можно выделить целый ряд научных дисциплин помимо истории, проблематикой и методологией которых он интересовался: социология, философия, психология, правоведение, экономика, археология, этнография и др. Его собственные работы нередко носили междисциплинарный характер. К примеру, его изыскания в области методологии и теории истории перерастали в работу над конструированием системы «теоретического обществоведения» [1, с. 234]. В своей работе он был строг к себе и к окружающим, некоторые свои труды писал или дорабатывал так долго, что их финальные версии, которые он сам необязательно посчитал бы таковыми, были опубликованы уже его учениками и коллегами в виде посмертных изданий [2; 3].

Находя рамки избранной научной проблематики слишком тесными и боясь не успеть облечь все свои идеи в форму научных трудов, но не желая при этом публиковать их как вещи «сырые», он писал уже во время подготовки магистерской диссертации: «Я иной раз даже думаю, стоит ли все свои силы окончательно повязать русской историей и оставаться на веки вечные чернорабочим? Нельзя ли взглянуть выше и шире? И сейчас же браню себя и упрекаю в ребяческой заносчивости и невыдержанности. <...> Скорее бы кончить эти несносные финансы, да подвинуть хотя бы на пядь мой опыт теории общественной науки. Этот опыт все зреет, да никак не созреет, а между тем некоторые мои догадки могут быть открыты другими, что уже отчасти и случилось, или вместе со мною канут в вечность» [1, с. 59–60]. Еще через пару лет он писал: «Только иной раз так страстно хотелось бы знать, долго ли будешь в состоянии служить ей [науке]. Если не долго, то надо бы поскорее свои теории обнародовать... <...> Если долго, если есть время, то можно еще многое-многое обдумать и довести до возможного совершенства. Итак, успех работы зависит в значительной мере от того, чего не знаешь, и элемент случайности вносится в такое дело, которое ничего случайного не должно было иметь» [4, л. 4 об.–5 об.]. А.С. Лаппо-Данилевский оказался прав в своих опасениях: его научная работа и его жизнь прервались по той самой случайности, когда он, повредив ногу, попал в больницу, где вместо надлежащего лечения получил заражение крови и умер 7 февраля 1919 г. Теряя последние силы на больничной койке, он читал «Феноменологию духа» Г.В.Ф. Гегеля: «Никогда не было времени внимательно проштудировать ее. Начну сейчас» [5, с. 145].

Вопрос о судьбе личной библиотеки А.С. Лаппо-Данилевского обсуждался его коллегами уже 12 февраля 1919 г. С согласия его вдовы 8 марта 1919 г. на заседании Общего собрания Академии наук было решено выкупить его библиотеку в полном объеме. По подсчетам назначенной для ее оценки комиссии, библиотека насчитывала 5 тыс. томов, включая рукописи.

Для «сохранения единства» коллекции коллеги А.С. Лаппо-Данилевского считали необходимым вклеить в каждую из книг экслибрис и составить «общий инвентарь» (видимо, опись) [6, с. 18–19; 7, с. 76]. Однако в литературе высказывается точка зрения, что архивные документы не дают представления о полном составе библиотеки [8, с. 876]; насколько мы понимаем, здесь имеется в виду, что описи, вероятно, не существует. В любом случае, до тех пор, пока не будут исследованы материалы всех имеющих хоть какое-то отношение к ученому и его библиотеке архивных фондов (при условии, что опись вообще попала в архивы) или не будет прямо доказан факт отказа коллег ученого от составления такой описи, нельзя с полной уверенностью определить, существует ли она, была ли она когда-либо создана и не была ли она утрачена.

Рассуждая об общей описи личной библиотеки А.С. Лаппо-Данилевского и возможностях ее выявления в архивных фондах, отметим письмо В.И. Веретенникова непременно секретарю Академии наук и другу А.С. Лаппо-Данилевского С.Ф. Ольденбургу. Письмо было отправлено из Саратова, куда в годы Первой мировой войны были эвакуированы документы академических учреждений, Археографической комиссии, Петроградского университета и пр. Работавший там над разбором бумаг А.С. Лаппо-Данилевского В.И. Веретенников между прочим сообщил в своем письме о том, что приложил к нему «краткую, предварительную опись той части бумаг Алекс. Серг. Лаппо-Данилевского, которая хранится в Сара-тове» [9, л. 1–1 об.]. Однако такой описи в соответствующем архивном деле не обнаружено. Тем не менее, работа с архивными материалами позволяет обнаружить немало документов и помимо описи: материалы переписки А.С. Лаппо-Данилевского с книгопродавцами, издателями и библиотекарями; квитанции, делопроизводственную документацию, свя-занную с обработкой его личного книжного собрания в БАН и др. [10; 11 и др.]. По большей части эти документы дают представление о при-надлежавших ученому книгах, изданных на иностранных языках. Мы полагаем, что отсутствие большого количества аналогичных материалов по книгам на русском языке, связано с тем, что самостоятельное приобретение таких изданий в Санкт-Петербурге непосредственно в книжных магазинах [судя по маркам книгопродавцев, см., к примеру: 12] было относительно простой задачей. Оно не сопровождалось оформлением большого количества делопроизводственной документации. Кроме того, А.С. Лаппо-Данилевский в ходе своей работы обращался к фондам столичных архивов и библиотек. Можно встретить записи ученого о том, что та или иная упоминаемая в тексте книга или документ иного рода наличествуют в какой-либо библиотеке, иногда с указанием библиотечных шифров [13, с. XXVI, 5–6 и др.].

На корешках переплетов книг, которые заказывал в свое время А.С. Лаппо-Данилевский, помещался суперэкслибрис с его инициалами «А. Л.-Д.» (иногда с опечатками в форме, к примеру, неправильно поставленного дефиса). Суперэкслибрис набирался кириллицей на корешках книг на русском языке и латиницей (в основном) — на корешках книг на языках иностранных. Понятно, что этот владельческий признак отличает отнюдь не все книги из личной библиотеки ученого: среди переплетов есть заказанные предыдущими владельцами, издательские

переплеты, переплеты, изготовленные в БАН, не говоря уже о полном их отсутствии в книгах типа брошюр.

Члены Академии наук, обсуждавшие вопрос о приобретении личной библиотеки А.С. Лаппо-Данилевского для БАН, подчеркивали необходимость вклеивания в каждую из книг экслибриса ученого. Соответственно, при жизни самого их владельца этого не происходило. Действительно, при рассмотрении штампа «Из книг академика / А.С. Лаппо-Данилевского», можно сделать заключение, что этот выглядящий достаточно казенным штамп был проставлен уже после ухода ученого из жизни. Вероятно, штамп проставлялся коллегами ученого в ходе разбора его библиотеки и ее подготовки к передаче в БАН, соответственно, этот штамп должен встречаться в каждой из соответствующих книг. Между прочим, именно по его наличию определяется владелец соответствующих изданий не только в БАН, но и в других библиотеках [8, с. 877; 14, с. 332].

В Отечественном фонде БАН книги из библиотеки А.С. Лаппо-Данилевского встречаются в качестве отдельных вкраплений на стеллажах, отведенных под форматную расстановку, использовавшуюся в фонде в 1899–1925 гг. [15, с. 48–49]. Однако большая часть выявленных на данный момент книг из его библиотеки имеет в фонде шифры образованного в 1930 г. в качестве участка ретроспективного комплектования III пояса. На этом участке, как и на других, образованных в 1930 г., используется хронологически-форматная расстановка [15, с. 52–53; 16, с. 413]. Книги А.С. Лаппо-Данилевского стоят на полках каждого формата достаточно компактными группами, причем в большинстве случаев на тех участках III пояса, заполнение которых началось после 1938 г. (шифры типа «III к/...», «III л/...» и т.п., без указания года перед буквой, последний из проставлявшихся в таких шифрах год обработки был 1938-й). Таким образом, отдельные книги А.С. Лаппо-Данилевского оказались на полках вскоре после их приобретения БАН, но в целом его библиотека в рамках разбора нешифрованного фонда была обработана гораздо позже. Видимо в те же 1930-е гг. часть книг была передана в нынешний фонд отдела академических изданий. Примерно тогда же, в 1930-х гг., а также отчасти в 1950-х гг., некоторые книги А.С. Лаппо-Данилевского через обменно-резервный фонд попали, к примеру, в библиотеку Пушкинского Дома [8, с. 876–877].

Все эти данные, казалось бы, дают основания полагать, что большая часть принадлежавших ученому книг на иностранных языках получила шифры VI пояса — участка ретроспективного комплектования Иностранного фонда, выделенного одновременно с III поясом в Отечественном фонде, — и что, вооружившись знаниями об облике суперэкслибриса и владельческого штампа, их будет несложно идентифицировать. Однако нужные издания обнаружались в ходе поиска *de visu* не в VI поясе, а на стеллажах с инвентарной расстановкой [о ней см.: 15, с. 51; 16, с. 370–371], причем в основном в той ее части, где издания, судя по шифру, прошли обработку в 1919 г. (шифры типа Inv1919/...). Иными словами, иностранная часть библиотеки А.С. Лаппо-Данилевского была обработана уже в год ее покупки, хотя отдельные экземпляры встречаются в расстановке более поздних годов. Обращая внимание на все эти книги, мы не могли ориентироваться на наличие

владельческого штампа, поскольку ни в одном из просматривавшихся экземпляров Иностранного фонда этот штамп обнаружен не был. Таким образом, коллеги А.С. Лаппо-Данилевского, занимавшиеся разбором и подготовкой к передаче в БАН его библиотеки, по каким-то причинам не выполнили озвученное на заседаниях Академии наук решение о вклеивании в каждую книгу экслибриса (в данном случае — скорее проставления штампа) для сохранения единства коллекции.

Первые упоминания об обработке личной библиотеки А.С. Лаппо-Данилевского появляются в отчетах Первого отделения БАН, посвященных разбору нешифрованного фонда, только в 1926 г., причем там же говорится о сопровождавшем обработку «штемпелевании» книг ученого. Присвоению шифров и расстановке изданий из нешифрованного фонда предшествовала многолетняя работа по систематизации изданий в алфавитном порядке. Упоминания библиотеки А.С. Лаппо-Данилевского в отчетах 1920-х гг. относились именно к этому этапу работы с фондом [17]. Библиотека ученого, как не до конца разобранный, упоминалась и в более поздних делопроизводственных документах БАН до 1937 г. [16, с. 414]. Неслучайно большая часть на данный момент выявленных в Отечественном фонде книг ученого, как указывалось выше, имеет шифры, присвоенные после 1938 г. Со штампованием связана еще одна загадка. На титульном листе подавляющего большинства подвергнутых этой процедуре книг имеются технические пометы в виде двух несопадающих номеров, один из них проставлялся простым карандашом прямо на штампе, другой — чернилами внизу страницы. Такие пометы присутствуют в большинстве книг ученого из Отечественного фонда, а также, к примеру, из фонда редкой книги, но их нет в книгах из фонда отдела академических изданий. Видимо, это можно объяснить различными путями и временем распределения книг ученого по перечисленным фондам БАН. Поскольку эти издания находили свое место в разных фондах БАН уже после разбора нешифрованного фонда, следует заключить, что проставление в них помет с номерами не являлось частью работы с ним и не может свидетельствовать о составлении общего списка книг ученого в ходе ее осуществления.

Пока сложно проверить, верны ли сведения о том, что библиотека А.С. Лаппо-Данилевского, пусть и вместе с рукописями, насчитывала 5 тыс. томов, в число которых входили, очевидно, и конволюты, а не отдельные аллигаты. На данный момент в Отечественном фонде БАН выявлены 233 издания, когда-то принадлежавшие ученому, и еще 84 издания на русском языке — в других фондах. В Иностранном фонде по причине относительной простоты ознакомления с изданиями (ввиду компактного размещения) путем *de visu* выявлено заметно больше изданий — 1087. На данный момент можно с уверенностью отнести к библиотеке А.С. Лаппо-Данилевского 277 из них. Таким образом, к настоящему времени в БАН нами выявлены или учтены 594 издания из библиотеки А.С. Лаппо-Данилевского. Учитывая еще как минимум 66 экземпляров из других книгохранилищ [8, с. 879–886; 14, с. 332], на данный момент мы можем говорить о 660 книгах.

Среди них есть работы по российской и зарубежной политической, экономической, социальной истории, по истории права, истории идей

и пр., археологии, этнографии, социологии, политологии, экономике, юриспруденции, философии, религиоведению, психологии, зоопсихологии, биологии, истории математики и пр., не говоря уже об изданиях междисциплинарного характера. Кроме того, встречаются публикации летописей, нормативных актов, актового материала, писцовых книг и других исторических источников, а также издания справочного характера. Среди изданий на иностранных языках преобладают книги на немецком, французском, английском и итальянском языках, иногда на латыни. Встречаются переводы работ авторов, писавших на доступных А.С. Лаппо-Данилевскому языках; очевидно, эти переводы по каким-то причинам было легче приобрести [см., к примеру: 18; 19; чаще всего в библиотеке ученого были и оригинальные издания других работ таких авторов: 20; 21 и др.]. Встречаются и обратные примеры: «Взаимная помощь как фактор эволюции» П.А. Кропоткина впервые вышла на английском языке, и занимавшийся в том числе историей и современным состоянием философии и общественной мысли А.С. Лаппо-Данилевский поспешил его приобрести, очевидно, еще до выхода его русскоязычного варианта [22].

Все эти книги использовались ученым в его работе. Это заметно по многочисленным и чрезвычайно разнообразным пометам и записям, во многом — характерным и узнаваемым по начертанию и почерку, по логике их расположения, даже по выбору писчих инструментов для помет и записей разных типов. Их анализ неизбежно ведет к восприятию библиотеки А.С. Лаппо-Данилевского как его рабочей и творческой лаборатории. Имеющиеся на данный момент сведения уже позволяют заключить, что это книжное собрание обладало всем набором выделяемых в современной научной литературе признаков, свойственных личным библиотекам ученых Нового времени: оно собиралось владельцем постепенно и, не строясь вокруг полученного им по наследству ядра, отражало личные научные и духовные запросы и интересы ученого, в состав библиотеки входили современные автору и классические научные труды на разных языках, в оригинале и, в некоторых случаях, в переводе, и т.д. [23, с. 53, 57].

Принадлежавшее А.С. Лаппо-Данилевскому книжное собрание глубоко индивидуально и может служить историческим источником не только в теоретических библиотечковедческих исследованиях, но и в работах, посвященных жизни и научному наследию самого его владельца, как совокупностью составивших это собрание изданий, так оставленными ученым на их страницах «следами» напряженной и вдумчивой работы.

Список источников

1. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИ, 2004. 348 с.
2. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Посмертное издание. Вып. 1. Петроград: Рос. гос. акад. тип., 1923. 293 с.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Петроград: 2-я гос. тип., 1920. 191 с.
4. СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 222. Л. 2–5 об.
5. Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. 304 с.

6. Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Российской академии наук. 1919. [Б.м.], [б.г.].
7. Протоколы заседаний Общего собрания Российской академии наук. 1919. [Б.м.], [б.г.].
8. Беляев Н.С. Книги из собрания А.С. Лаппо-Данилевского в библиотеке ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества / отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. Санкт-Петербург: Интесоцис, 2019. С. 874–887.
9. СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 434. Л. 1–2 об.
10. СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 89. Л. 1–9 об.
11. СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 1–44.
12. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Ч. 1. Сущность и задачи философии истории. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1887. 356 с.
13. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1. Санкт-Петербург: тип. Правительствующего Сената, 1869. 558 с.
14. Званская Е.В. Фрагмент частной книжной коллекции академика А.С. Лаппо-Данилевского в фонде редких и ценных изданий Брянской областной научной универсальной библиотеки имени Ф.И. Тютчева // Румянцевские чтения — 2021: материалы международной научно-практической конференции. В 2 ч., Москва, 21–23 апреля 2021 года. Ч. 1. Москва: Пашков дом, 2021. С. 331–335.
15. Шафрановский К.И. Расстановки книг и журналов в основных фондах Библиотеки Академии наук СССР // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. 3. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1958. С. 38–56.
16. Луппов С.П., Копанев А.И., Кукушкина М.В. и др. История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 608 с.
17. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1926 г.). Ед. хр. 27. Л. 2–2 об., 20–20 об.
18. Baldwin J.M. *Psychologie & sociologie (l'individu at la société)*. Paris: W. Giard & E. Brière, 1910. 114 p.
19. James W. *Psychologie und Erziehung: Ansprachen an Lehrer*. Leipzig: W. Engelmann, 1900. 150 p.
20. Baldwin J.M. *Development and Evolution, including Psychophysical Evolution, Evolution by Orthoplasia, and the Theory of Genetic Modes*. New York: the Macmillan Company, 1902. 411 p.
21. James W. *The Principles of Psychology*. Vol. 1. London: Macmillan and Co., 1890. 701 p.
22. Kropotkin P. *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. London: William Heinemann, 1902. 348 p.
23. Ильина О.Н. Личные библиотеки в России: терминология и историография. Санкт-Петербург: РНБ, 2022. 316 с.

PEREKRESTOVA S. A.S. Lappo-Danilvesky's Private Library: Preliminary Results

Perekrestova Sofia — Senior librarian, Department of Funds and Service
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: perekrestova_sofya@mail.ru

ABSTRACT

The article summarizes the preliminary results of the author's work on the reconstruction of A.S. Lappo-Danilevsky's personal library. Since this work has not yet been completed, attention is paid not only to the currently known quantitative indicators (the number of identified editions, varieties of ownership signs, etc.), but also to the process of reconstruction of this personal library. Some generalizations concerning peculiarities are offered.

Keywords: Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky, private libraries, scholars' private libraries, Russian Academy of Sciences Library, ownership signs.

Научное издание

НАУКА И БИБЛИОТЕКА.
Сборник научных трудов. Вып. 9

Выпускающий редактор *О.В. Холмогорова*
Оригинал-макет *А.В. Ухваловой*

12+

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 29.03.2024
Формат 70 × 108 ¹/₁₆
Тираж 300 экз. (1-й завод 100 экз.)
Печ. л. 12,75 (456 тыс. зн.). Заказ № 21

Отпечатано в ОПП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)